Чтобы это никогда не повторилось!

ВИТЕБСК Витебская областная типография 2020

Фонд «Память, ответственность, будущее» Программа «Место встречи: диалог»

#EVZdialog

УДК ББК Ч Составитель: Аркадий Львович Шульман

Чтобы это никогда не повторилось! /сост. А.Л. Шульман/ ISBN

В книгу вошли 30 интервью с участниками Великой Отечественной войны, людьми, пережившими ленинградскую блокаду, с узниками концлагерей и гетто. Это откровенные рассказы о годах войны, о детском восприятии страшных и кровавых дней, о потерях близких и родных людей.

Издание расчитано на широкий круг читателей.

УДК ББК

ISBN

© А.Л.Шульман, составление, 2020.

Предисловие

Наш проект «Чтобы это никогда не повторилось!» посвящён 75-летию со дня окончания Второй мировой войны и тем людям, которые, порой ценой своей жизни, победили фашизм и не дали ему расползтись по земле.

Это совместный проект общественного объединения «Еврейский культурный центр "Мишпоха"» и фонда «Память, ответственность, будущее» (программы «Место встречи: диалог»).

Журналисты, психологи проекта встречались с узниками концлагерей и гетто, с теми, кто пережил ленинградскую блокаду, кто сразу со школьной скамьи ушёл на фронт, чтобы с оружием в руках сражаться с врагом. Записано 28 интервью. Наши собеседники живут в Витебске, Полоцке и Новополоцке, Глубоком, Городке, Лепеле, деревне Германовичи Шарковщинского района, Чашниках, Шклове, Бобруйске, деревне Красная Слобода Солигорского района, Минске, Борисове.

Два года мы работали над проектом. Тем, кто встретил войну 10-летними мальчишками, сегодня 90! Они подолгу собирались с силами, чтобы встретиться с нами, чтобы откровенно рассказать обо всём пережитом.

В мир иной ушли герои наших интервью Олег Сафроненко, Владимир Ризо. Их воспоминания стали последним обращением к внукам и правнукам, к будущим поколениям.

В день, когда на интернет-сайте было опубликовано и выложено видеоинтервью с Фридой Идельчик, ей исполнилось 100 лет. Это был наш подарок ей, а её подарок — нам.

Мы благодарны волонтёрам — тем, кто бескорыстно приходил на помощь, организовывал интервью, помогал с поиском фотографий и документов, с организацией видеовстреч с читателями.

Воспоминания людей, прошедших страшными дорогами войны, — это не только страницы истории, это памятник тем страшным годам и урок для последующих поколений «Чтобы это никогда не повторилось!»

Аркадий Шульман, журналист, координатор проекта

Сегодня остались единицы из тех, кому пришлось на себе прочувствовать горькую долю войны. Жизнь разбросала их по разным городам и странам.

Проект «Чтобы это никогда не повторилось!» собрал тех,

кто откликнулся на нашу просьбу рассказать о пережитом. Мы видели, что многим из них это давалось с большим трудом. Но они понимали, что это надо сделать — в первую очередь для будущих поколений.

Мы собираемся продолжить проект и обращаемся к вам, уважаемые ветераны: записывайте свои воспоминания и присылайте их нам. Мы обращаемся к вашим детям и внукам. У вас в руках современная техника, помогите записать интервью и пришлите их нам по электронной почте. Вам будут благодарны не только ваши дедушки и бабушки, вам будут благодарны ваши внуки.

Память должна жить!

Семён ШОЙХЕТ, журналист

Люди, пережившие страшные события, которые вызывают боль и страх в их памяти, не всегда хотят поднимать этот пласт переживаний и умышленно удерживают его внутри себя. Но это только кажется, что так будет легче. Мы никогда не вычеркнем из своей жизни ни одной страницы. Мы обязаны делиться воспоминаниями. Это наша миссия. Боль, страх, унижения, стрессовые состояния на грани жизни и смерти достались людям старшего поколения, рождённым в начале XX века. Рождённые в начале XXI века обязаны выучить эти уроки, чтобы время не повернулось вспять.

Мы помним — никуда мы не денемся от своей памяти. Но важно, чтобы те, кто идут за нами, знали о пережитом.

В этом сила людей, которые победили зло, которые отстояли и сохранили не только свою жизнь, но жизнь будущих поколений. И теперь сила их памяти должна передаваться дальше.

Марк РУЗИН, психолог, психотерапевт

Проект общественного Объединения «Еврейский культурный центр "Мишпоха"» и фонда «Память, ответственность, будущее» (программы «Место встречи: диалог») «Чтобы это никогда не повторилось!» на интернет-сайте международного еврейского журнала «Мишпоха» (www.mishpoha.org).

Наш адрес: www.mishpoha.org

210016, Республика Беларусь, г. Витебск, ул. 1-я Колхозная, д. 6

Живут во мне воспоминания

Когда началась война, Ларисе Григорьевне Каим (Хват) ещё не было и пяти лет. Безусловно, детские воспоминания человека, прожившего большую жизнь, имеют свою особенность, что-то стёрлось из памяти, а что-то наоборот обросло художественными подробностями. Да и время неизбежно берёт своё. Прошло уже более 75 лет...

Но главное, в воспоминаниях остались чувства ребёнка, который столкнулся со страшной трагедией войны, остались подробности о довоенной и послевоенной жизни витебской семьи.

В Витебск наша семья приехала в 1929 году. Отец, Григорий Борисович Хват, в молодости учился во Франции, там получил образование медика, а наши родственники, мамины и папины бабушки и дедушки, жили в Белостоке. Там, в Белостоке, судьба свела папу и маму — Ету Григорьевну. Рассказывая о Белостоке, родители вспоминали погромы, преследования евреев. Я не расспрашивала подробности, не вдавалась в исторические причины. Мне тогда было это неинтересно, о чём я потом сожалела, потому что многое прошло мимо меня.

Мой отец был очень интеллигентный, культурный, образованный человек и, как многие интеллигенты, верил в светлое будущее, которое начали строить в Советском Союзе. Вот с такой верой в будущее приехали мои родители в Советский Союз и поселились в Витебске. Профессионально папа был на очень высоком уровне. Он работал и участковым врачом, и заведовал поликлиникой.

Мама сидела дома с детьми. Нас у родителей было двое: я и мой брат Дмитрий — на десять лет старше меня. Он всегда был очень активный, подвижный.

Наш дом был культурным, интеллигентным: отец знал пять языков, мама играла на фортепиано. Она была профессиональным музыкальным работником. В Витебске в те годы жило немало интересных людей, интеллектуалов: были музыканты, художники, врачи. Многие из них собирались у нас дома, и был очень интересный круг общения.

Летом 1941 года, как и всех, нас неожиданно застала война. Город опешил, был растерян, находился в каком-то страшном ожидании. Я хорошо помню, хотя мне ещё не было пяти лет, пустые магазины, безлюдные улицы. Мы с мамой зашли в какой-то магазин, и мне захотелось пирожное, и она говорит: «Бери», продавца не было.

В первые июльские дни 1941 года, незадолго до фашистской оккупации города, было совершенно непонятное состояние и улиц, и жителей.

Началась эвакуация. Отца попросили представители горздрава: «Вы, доктор, в поликлинике подождите, лекарства сберегите и имущество — это стулья да столы, и мы непременно за Вами заедем».

Разные люди были тогда и сейчас, разное начальство тогда было и сейчас, и, короче, отца забыли. И когда уже город горел, когда уже наши войска оставляли позиции, мама взяла инициативу в свои руки, и мы успели сесть в последний состав, отъезжающий с витебского перрона. Но вдруг отец сказал, что он что-то забыл и ему надо вернуться, он позднее нас догонит. Мать хорошо его знала, знала преданность делу, которая присуща всем интеллигентам: дал слово, значит, оно должно быть выполнено. И когда папа ушёл, она нас выгрузила из состава, и мы пошли вслед за ним. Папа, конечно, был в своей поликлинике и проверял медикаменты, имущество. А город горел, Витебск бомбили, и когда уже было ясно, что ничего хорошего не будет, мама буквально заставила его, сказала: «Дети погибают, а ты столы, стулья пересчитываешь, медикаменты проверяешь». И мы сели на какую-то баржу, которая отходила от пристани.

Были две баржи, а впереди пароходик, который их тянул. Отплыли маленечко от Витебска под беспрерывными немецкими налетами

и бомбёжками. На первой барже медсёстры надели одинаковые косыночки с красными крестами, чтобы было видно, что они раненых везут, и думали, что это их спасёт. Но баржу разбомбили. Тогда капитан парохода сказал, что дальше не поплывёт, и пускай каждый добирается, как кто может. И мы пошли в сторону Смоленска. Эта дорога была ужасной. Я помню хорошо, что была жара. Мы шли налегке, несли только воду или самое необходимое. Папа, конечно, нёс свой портфель с документами. Впереди шла женщина, у кото-

Григорий Борисович Хват, доктор

а потом нас всех согнали в гетто.

рой было очень много детей, по-моему, девять. Она останавливалась через какое-то количество метров и под каждым кустом оставляла ребёнка. Очевидно, она уже была на грани, не понимала, что делает. Вместе с нами отступали моряки, они были в тельняшках, и когда они увидели состояние моих родителей, сказали, что могут взять меня на руки и нести дальше. Я подняла страшный крик, но моряк взял меня на руки.

Так мы шли: одной рукой я за шею моряка держалась, а другой — за шею мамы. Мы прошли до Ильино, сейчас это посёлок в Тверской области. Дальше идти было уже невозможно. И мы там осели, в какой-то дом нас пустили.

Сегодня, прожив большую жизнь, я делаю выводы, что доброты у людей тогда было больше. Папа работал, была какая-то поликлиника, но очень быстро в Ильино пришли немцы. До сентября 1941 года мы ещё жили на свободе, если оккупацию вообще можно назвать свободой,

Там было и местное еврейское население, и такие, как мы, беженцы. Но у местных были какие-то минимальные запасы еды. А мы чужие... Началась борьба за выживание... Я помню, как брата Диму фашисты избивали, издевались. И полицаи избивали, которые ни капли не отличались от фашистов, а может, даже хуже были.

Как-то я с мамой стояла во дворе, мороз был очень сильный. Прошёл немец и дал мне шоколадку. Я забыла, что это такое. А полицай тут же сообщил немцу, что я еврейка, хотя тот и сам это видел. Я, конечно, спряталась за маму, шоколадку не взяла, потому что страх парализовал меня.

Сколько раз нашего Димку гоняли то дороги чистить, то другие

Дмитрий и Лариса, брат и сестра

грязные работы выполнять. Ему было 14 лет. Даже в гетто это всё равно переходный возраст, и остаётся обострённое чувство человеческого достоинства. «Не буду, не пойду», — говорил он. И мама сразу начинала говорить: «Я пойду, я всё сделаю». И вот так несколько раз спасала его.

Били всех подряд.

Папа помогал, как мог, тем, кто был в гетто. Иногда пробирались в гетто русские люди, и папа, как врач, им помогал. И они кто кусок хлеба оставит, кто картошину, и, может, благодаря этому мы выжили.

Все кругом считали, что я умру от голода, дистрофии, болезней. В лесах был партизанский отряд, командовал им Павлович Павел

Павлович. Я была маленькая, но запомнила такое сочетание имени и фамилии.

В немецкой комендатуре были у партизан свои люди, об этом я узнала, естественно, после войны. Ночью папу забирали, и он оказывал необходимую помощь партизанам. Они доставали медикаменты, те, которые он называл. Однажды папу забрали, оказать помощь какому-то известному московскому артисту, который был в этом партизанском отряде, он был ранен. Папа туда поехал и простой пилой, продезинфицировав её, ампутировал ему ногу. Материал, которым зашивают, был, а вот анестезии нельзя было достать. Он очень много спирта влил артисту, и раненый отключился. Кстати, этот эпизод потом брат прочитал в одной книге, но приписывали его студенту первого курса биологического факультета. И Дима возмутился, писал в редакцию. «Исправим, уточним», — сказали ему, но воз и ныне там.

Этого партизана-артиста нельзя было держать в землянке, и его поместили в дом к одной местной учительнице.

Однажды маму вызвали в комендатуру, а там была большая очередь. Одна — для тех, кто знал немецкий язык, а другая — для тех, кто не знал. Мама стала в очередь людей, которые знали немецкий язык. К ней подходит женщина и говорит: «Я вас прошу, скажите коменданту, чтобы он меня принял». Мама отвечает: «По какому вопросу?» И она рассказывает: вот у неё партизан раненый прячется, и так далее, и тому подобное... Мама говорит: «Конечно, идите домой, я всё сделаю». Мама, конечно, ничего не сказала коменданту, но когда вернулась к нам, была очень сильно напугана. Очевидно, эта женщина всё-таки добилась аудиенции у коменданта.

Назавтра всё гетто было выставлено на расстрел на берегу Западной Двины. Гетто находилось чуть глубже, а выставили на берегу, в сильный мороз, легко одетых. Часть экзекуции состоялась. Мама говорила, что сожгли живьём в сарае людей. Одна девушка была очень красивая, немец её выпустил из сарая, она, как горящий факел, бежала, полицай её застрелил.

День короткий, близился вечер, привезли в комендатуру сено. Занялись его разгрузкой. И по каким-то причинам отложили расстрел до утра.

Глубина этих ночных переживаний для меня была неприемлемой и, в силу моего возраста, непонятной до конца. Но я чувствовала ту атмосферу, которая царила в бараке. Все прощались друг с другом, подводили жизненные итоги.

Пробралась к нам одна русская женщина, которую папа лечил, и говорит: «Я не могу спасти всех, но Лорочку отдайте мне и Диму. Как мои будут, так и Ваши». Димка сразу заартачился, и я тоже. И отец говорил: «Значит, так тому и быть. Как всем, так и нам».

Рядом в Ильино аптека была, разгромленная, правда, но какие-то лекарства были там. Отец отправилмать, говорит: «Иди в аптеку, возьми такие-то препараты». Это были яды. «Мы покончим жизнь,—говорил

Семья Хват

отец. — Ждать ночь, что будет дальше: сожгут или расстреляют — это немыслимо». Мама пошла. Аптекарь был из фашистов, только наших, местных. Он говорит: «Что, лёгкой смерти захотела, жидовская морда? Помучаешься». Мама пришла ни с чем. «Значит, будем принимать ту судьбу, которая есть», — сказал отец. Конечно, никто не спал, был ужас, и плач, и истерика. В шесть часов утра, раздались стрельба, крики и все стали готовиться к худшему, стали прощаться. И вдруг слышим крики: «Свои, свои». Оказывается, те, что сено привезли для немецкой комендатуры, были партизаны, которые имели связь с передовыми частями Красной Армии. И это была продуманная операция. Вот так мы были спасены. За эту ночь родители стали совершенно седые. Это было в январе 1942 года...

Когда военная операция по освобождению узников гетто была успешно проведена, какой-то немец был ранен, истекал кровью, и мой отец начал оказывать ему помощь. Евреи говорят: «Что ты делаешь? Он хотел расстрелять твою семью, а ты ему помогаешь». Но отец до мозга костей был врач. Он ответил: «Расстреливал меня фашист, а я человеку помогаю». Вот настолько в нём естественно жила клятва Гиппократа, это была не просто клятва, она была его сутью.

В Ильино отец остался работать врачом, а нас эвакуировали в Чувашию. Когда освободили Витебск, отец вернулся в город и вызвал нас.

Нас поселили в морге. Я не знала, что это морг, только потом случайно услышала об этом. А тогда я говорила: «Как хорошо: нальёшь на пол воду, она замерзает, и катаешься».

Отец работал где-то до 70-х годов. Он умер в 1976 году. Когда он уже не работал, к нему всё равно приходили люди и просили: «Помогите». Он говорит: «Да я плохо слышу, я уже пожилой человек». Но его просили, и он соглашался. Он был прекрасный диагност. У меня остались в памяти его очень длинные тонкие пальцы. Не было же тогда УЗИ, он приложит пальцы к спине человека, простучит и говорит: «У вас в этой части легкого воспалительный процесс».

Я с отличием окончила педагогический институт, два года работала в Бегомле в школе-интернате, а потом всю свою жизнь — в Витебском педагогическом институте (ныне Витебском государственном университете) на биологическом факультете. Защитила кандидатскую диссертацию и вела такой предмет, как «Систематика».

С Ларисой Каим (Хват) беседовал Аркадий ШУЛЬМАН.

Историческая справка

Немцы захватили село Ильино (ныне Западнодвинский район Тверской области) в августе 1941 года и вскоре создали здесь гетто. Мужчин успели призвать в армию, несколько человек ушли в партизаны, в частности, Яков Карпенков стал помощником командира отряда, в декабре 1941 года его схватили и повесили в группе других партизан на центральной площади села.

В Ильино оставалось около 150 евреев, как местных, так и небольшое число беженцев из Белоруссии. В основном это были старики, женщины и дети. Всех их заселили в несколько небольших домов, предварительно выгнав оттуда русские семьи, на окраине села по улице Пролетарской. Дома оградили колючей проволокой, на одежду нацепили жёлтые латки. По противоречивым воспоминаниям очевидцев, группу 30 – 40 человек из гетто увезли, и, по всей видимости, они погибли в Велижском гетто. Оставшихся в Ильино гоняли на тяжёлые работы, при этом не кормили, многие умирали. Как могли, помогали односельчане. Мальчишки перебрасывали через колючую проволоку еду, которой самим не хватало.

Есть данные о том, что одна русская женщина прятала у себя дома еврейского мальчика. К сожалению, имя её неизвестно. За это, как и за любую другую помощь, полагался расстрел. Но были среди местных жителей и полицаи. Именно они вместе с немцами и латышским подразделением вывели в январе 1942 года узников на лёд озера для расстрела. Сегодня практически невозможно доподлинно установить, по какой причине произошла «заминка», но людей, несколько часов простоявших на лютом морозе в ожидании смерти, снова загнали в гетто. В селе бытуют самые экзотические версии, вплоть до такой, что старший полицай любил очень красивую молодую еврейку, находившуюся среди обречённых, и всё сделал для того, чтобы сорвать расстрел.

Но истинное освобождение пришло в виде бойцов Красной Армии, ворвавшихся в село наутро следующего дня.

Такое избавление — редчайший случай в истории Холокоста. Он чем-то сродни с Божьим промыслом. Сегодня в центре Ильино стоит скромный, так сказать, «доморощенный» памятник воинамосвободителям и узникам гетто. Его в 2000 году воздвигли на средства активистов еврейской общины Тверской области местные жители, ухаживают за ним.

(Отрывок из книги «О тверских евреях и не только о них», составитель Михаил Флигельман, Тверь, 2012 г.)

Историческую справку подготовил Константин КАРПЕКИН.

Моё военное детство

Моя мама в 1936 году вышла замуж за Гутина Шаю Абрамовича, по национальности еврея. У него от первого брака был сын Миша.

Мать, Ризо Мария Павловна, по национальности белоруска, у неё от первого брака было две дочери Надя и Аня. Первый муж умер в 1933 году. Проживали на квартире в Витебске по ул. Ильинского. Там же родился я, Гутин Владимир Шаевич, в 1937 году. Отец работал на железной дороге проводником, мать — в железнодорожной больнице. В конце 1937 года они получили квартиру по ул. Новый Быт, где семья проживала до начала войны.

Я помню, как война пришла в город Витебск. Правда, многие не верят, что в таком возрасте можно что-то запомнить.

Как говорила мама, немцы захватили город 10 июля 1941 года. Когда начал гореть город, ещё до прихода немцев, мы были вынуждены покинуть квартиру и пойти на берег Западной Двины. Когда и на берегу стали гореть дома и ярусы дров, все, у кого были лодки, отплывали на середину реки и там спасались от пожара. Мы были вынуждены пойти за город в овраг, в народе его называли «Кровавая сосна». Там находились, пока не закончились пожары. Когда вернулись в город, дома не было, всё сгорело. Какое-то время жили у знакомых.

Оказавшиеся в оккупированном Витебске евреи в скором времени были изгнаны из своих домов и отправлены в гетто на берегу Западной Двины. Был издан приказ немецкой комендатуры: все евреи старше 10 лет должны носить на правом рукаве жёлтый лоскут. В гетто был помещён папа.

Первые уничтожения евреев начались в середине июля 1941 года. Во время переправы на другой берег Западной Двины лодки и плоты с евреями топили, а тех, кто пытался выплыть, добивали.

Отцу удалось бежать из гетто. Какое-то время он скрывался на огороде у знакомых. Когда и там стало находиться небезопасно, вырыл яму на берегу реки. Там прятался, выбирался из неё только ночью. Я знал, где папа находится, и старался залезть к нему в яму.

На улице, где мы жили во время войны, лежал убитый с отрезанными ушами. Его похоронили на огороде. Как говорила мама, у него был паспорт на фамилию Садэко, национальность украинец. Паспорт оставили для моего отца.

Когда в августе 1941 года начались массовые уничтожения евреев, оставаться в городе было невозможно. Отец, опасаясь за свою и мою жизнь, решил покинуть город и ушёл в сторону Лиозно, взяв паспорт Садэко.

До этого для спасения меня решили крестить в православную веру. Уговорили священника Оберенко Гавриила, чтобы он тайно крестил у себя дома, он же был крёстным отцом. А крёстной матерью уговорили стать подругу матери Клавдию Щуплик. Так я стал Ризо Владимиром Александровичем.

Осенью 1941 года мы заняли комнату в одном из уцелевших домов, но скоро немцы выгнали нас и оттуда. В этом доме организовали Дом отдыха для своих фронтовиков. Назывался он «Лабгаем». Мы были вынуждены ютиться в полуразрушенном доме недалеко от «Лабгаема». Пока было тепло, питались лебедой, крапивой, копались в помойке, куда немцы выкидывали объедки, иногда удавалось подбить ворону из рогатки. Это было счастье.

В один из дней к нам ворвались жандармы, увидели меня и стали кричать «юда». Мать отвечала: «Пан никс». Я показывал крестик, который висел у меня на шее. До этого мать учила меня молчать, потому что речь могла выдать меня, и носить шапку, чтоб не видны были чёрные волосы.

Мать с дочками уходила в деревни просить милостыню и менять какие-то вещи на еду. Я на 3 – 4 дня оставался один, закрывал дверь. Мне оставляли картошку в мундирах и немного хлеба. Было страшно. Постоянно плакал, особенно ночью, когда бегали крысы. Я бил по

ведру отпугивал их. Играл с палочками, других игрушек не было.

Когда в очередной раз мама уходила со сводными сёстрами в деревню, я очень сильно плакал, кричал, что боюсь, просил взять меня с собой. Мама говорила: «Пойми, тебе нельзя». Меня, как всегда, закрыли, так было каждый раз. А вскоре немцы стали ломиться в дверь. Я от страха спрятался под нары, прикрылся ночёвками. Немцы вошли в дом, я слышал их речь. Меня не нашли. До ночи я не вылезал, потому что боялся, что меня могут немцы схватить.

Где-то весной 1942 года сводная сестра услышала разговор соседей, что всех евреев из гетто уничтожили, а вот пацан остался. Не знаю, о ком шёл разговор, но мать решила, что надо срочно покинуть это место проживания. И мы ушли подальше в подвал разбитого дома.

Мать как-то взяла меня на базар, мы шли продать кое-какие вещи, купить еды. Жандармы окружили базар, устроили облаву, мать успела вытолкнуть меня из оцепления и крикнула: «Иди к знакомым, я тебя найду».

Маму арестовали. Я оставался у её знакомых. Дней через семь мать выпустили, она нашла меня, рассказывала, что её очень сильно били, спрашивали, где муж.

Летом 1943 года, когда я находился на улице, началась стрельба. Что-то ударило мне в голову, я упал, даже не понял, что такое, и только почувствовал, по лицу что-то течёт. Стал вытирать и увидел кровь, закричал, побежал в подвал, где мы жили. Меня лечили, прикладывали компрессы из мочи и траву. В больницу было обращаться опасно.

Осенью 1943 года начались массовые облавы, мы залезли в погреб одного из сгоревших домов. Это место приготовили подростки, чтобы прятаться от угона в Германию. Подростки нас закрыли крышкой и засыпали битым кирпичом, вокруг посыпали табаком, чтобы собаки не обнаружили нас.

Мы слышали лай собаки, слышали, как по крышке ходили немцы. Меня забивал кашель, мать закрывала рот подушкой, чтобы не было слышно. Сколько там находились, не помню, но от голода стали пухнуть. Мать решила, надо выбираться, может, удастся спастись. Пошли опять в подвал.

В январе 1944 года после очередной облавы немцы схватили нас и поместили в концентрационный лагерь, который располагался на территории бывшего 5-го железнодорожного полка. В бараках на трёхъярусных нарах из проволочной сетки, в неотапливаемых помещениях находились тысячи людей. Мы жались друг к другу, чтобы согреться. Стоны, крики, бред умирающих, нас основатель-

но заедали вши. Свирепствовали инфекционные болезни. Каждое утро всех выгоняли из бараков. Выносили окоченевшие трупы и полуживых, кто не смог подняться, и складывали в овраг. Безо всяких причин людей убивали палками, травили собаками, расстреливали. Меня старались скрывать, чтобы не попался на глаза немцам.

В день давали 100 граммов хлеба из мякины, черпак баланды. Воду брали из сажалки, где мыли коней. Весной ели траву.

Так продолжалось до мая 1944 года. В один из дней всех выгнали из бараков, погрузили в автомашины и повезли к железнодорожной линии. Затолкали в товарные вагоны

Отец Владимира Ризо Шая Гутин

столько людей, что нечем было дышать. Вагоны закрыли наглухо. Духота была неимоверная, воды не было, люди падали в обморок, умирали. Куда везли, неизвестно.

Где-то поезд остановился, немцы выгнали всех из вагонов, приказали вещей не брать. Нас гнали по лесам, полям и болотам больше недели. У людей не было сил идти, падали, их пристреливали на месте.

Помню один из случаев. Нас гнали через небольшую речку, женщине с большим животом стало плохо, один из конвоиров ударил её в живот прикладом, а потом застрелил.

В одну из ночей нас загнали в болотистый лес для уничтожения. Люди падали от усталости, выбирали только сухое место. Утром увидели, что лагерь огорожен колючей проволокой. Стали делать шалаши из веток ёлки и коры, чтоб укрыться от дождя.

Когда немцы увидели белые стволы от снятой коры, заставили их замазать грязью. Пищи никакой не давали, мы ели траву, жевали кору деревьев. Огонь разводить, чтобы вскипятить болотистую воду, не разрешали.

Каждый день немцы хватали людей, куда-то уводили. Больше эти люди не появлялись. Мы только слышали стрельбу. За водой ходили в болотистый ручей, там вода была глинистого цвета. Стоял часовой и отгонял, кричал: «Шнель, шнель!». Меня прятали в ша-

лаше. В одну из ночей, 3 июня 1944 года, охрана покинула лагерь. Люди утром бросились из лагеря и стали подрываться на минах. Вся территория вокруг лагеря была заминирована. На окраине лагеря обнаружили ямы и траншеи с убитыми. Стали находить среди убитых своих близких.

Несколько человек вышли на край леса, стали махать белыми тряпками. Вскоре появились бойцы Красной Армии и сказали: «Срочно покидайте лагерь, идите только по разминированной, отмеченной тропе, ничего не поднимайте». Кто не прислушался к совету, подрывались на минах.

Не успели отойти от лагеря и километра, немцы открыли артиллерийский огонь по лесу, и лагерь стал взрываться. Кто не смог, не успел выйти, там и погиб.

Потом нас привели на берег озера, стали производить санобработку. Одежду пропаривали в специальных машинах. Все раздевались, сначала мужчины, потом женщины. После погрузили в машины и повезли в Смоленскую область.

Многие болели тифом.

После освобождения Витебска вернулись в город, жили в землянке.

Мы разыскивали отца. Знакомые рассказывали, что он дошёл до них, в деревню Заольша Лиозненского района. Прятался на печке, пока соседка вечером не увидела, как он шёл по нужде, и сказала, что за укрывательство еврея — расстрел. Отец был вынужден уйти от них в сторону Колышек. Ходили слухи, что там есть партизаны. Очевидцы говорили, что он попал в гетто, где и был расстрелян в конце 1941 года.

В 1948 году старшая сводная сестра, зная, что отца нет в живых, повела меня «на наружный вид» для получения свидетельства о рождении. Без согласия матери записала мои данные, которые были после крещения, а в графе «отцовство» поставила прочерк.

Хорошего образования получить не удалось. Не до этого. Надо было работать, зарабатывать на хлеб. Я пошёл на стройку, потом на завод токарем.

Но всегда интересовался историей, военными годами. Работал в архиве, помогал историку, одному из авторов книги о витебском гетто, Михаилу Рывкину. В соавторстве с Аркадием Подлипским мы написали книгу «Лагерь смерти "5-й полк"». Мои воспоминания опубликованы в книге, изданной на немецком языке в Германии «Krieg und Vernichtung» («Война и уничтожение»).

Коллектив Витебской библиотеки имени С. Я. Маршака на-

писал в 1998 году стихотворение, посвящённое мне.

Эпиграфом стоят слова: «З удзячнасцю за цеплыню, шчырасць і імгненне да спагады».

Я помню ўсё...

Магілы на ўзгорку,

Дзе плача вечна ссохлая сасна

І лезе ў вочы дым пажараў горкі:

Праклён табе, пачварная вайна!

Я помню ўсё...

Як вывадак звярыны

Жывых дзяцей у яму заганяў,

Я помню крыж фашысцкі на машыне...

Праклён табе, праклён табе, вайна!

Я помню ўсё...

І як гарэлі людзі...

Ліпучы снег, што кроўю набрыняў.

Мне крык памершых раздзірае грудзі:

Праклён, фашызм!

Праклён табе, вайна!

С Владимиром Ризо беседовал Аркадий Шульман.

Историческая справка

В сентябре 1941 года на северо-западной окраине Витебска (в конце современной улицы Титова) немецко-фашистскими захватчиками был создан концентрационный лагерь. Официально он именовался шталагом № 313 (Stalag 313), но поскольку располагался на территории бывшего 5-го железнодорожного полка, то остался в памяти местного населения как «5-й полк».

По примерным подсчётам, одномоментно на территории лагеря могло находиться от 28 до 35 тыс. заключённых.

В марте — апреле 1943 года в лагерь было помещено около 20 тыс. жителей Витебска и окружающих деревень, в том числе и еврейское население.

12 мая 1944 года значительная их часть была отправлена фашистами на линию своей обороны, пролегавшую между станциями Крынки и Выдрея.

К июлю 1944 года все военнопленные, содержащиеся в концлагере, были уничтожены, и он стал использоваться в качестве пересыльного, а позднее — как лагерь для гражданского населения.

Считается, что через лагерь прошло около 150 тыс. человек,

около 80 тыс. из которых погибло (среди них около 12 тысяч — мирные жители).

Узники концлагеря были освобождены советскими войсками 3 июня 1944 года: в живых осталось примерно 8 тысяч человек.

26 сентября 1944 года территорию лагеря осмотрела Витебская областная комиссия содействия в работе Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов. В комиссию входили сотрудники НКВД и специалисты судебномедицинской экспертизы. Они выявили 70 могил размером 7 х 8 х 4 м, а также около 300 могил размером 2 х 2,5 х 3 м. В этих могилах было обнаружено большое количество останков людей, одетых в советскую военную форму. Судмедэксперты установили, что преобладающее большинство узников было убито из огнестрельного оружия, а также от ударов тупым предметом.

Также на территории концлагеря было обнаружено 2 могилы размером 15 х 10 х 5 м, в одной из которых находились останки красноармейцев, умерших от ран, а во второй — умерших от голода.

В западной части лагеря комиссией были выявлены захоронения военнопленных и гражданского населения, которым на момент смерти было от 20 до 30 лет.

Перед отступлением с целью сокрытия преступлений, немецкофашистские захватчики приказали вспахать и засеять травой территорию, на которой находились захоронения [1].

Увековечивание памяти погибших в концлагере «5-й полк» началось через 20 лет после его освобождения. В 1964 году здесь был установлен памятник (архитектор А. Бельский), в 2005 году воздвигнут 15-метровый крест, а в 2012 году рядом с ним была открыта часовня.

[1] Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 256. Оп. 1. Л. 6. Л. 15 – 16.

Историческую справку подготовил Константин КАРПЕКИН.

Тде родился, там и пригодился

Анатолий Ефимович Сандлер — человек не очень разговорчивый. Не любит выступать на праздниках и митингах. Хотя обращались к нему не раз — малолетний узник гетто и ветеран труда.

На нашу просьбу записать интервью с ним отозвался не сразу. Но слова «чтобы об этом знали внуки, и чтобы то, что он пережил, никогда не повторилось» убедили его. В октябре этого года Анатолию Ефимовичу исполнился 81 год. Но он, как и в прежние годы, подвижный, энергичный. Я часто вижу, как он ездит по городу на велосипеде.

«Велосипед люблю с детства, — подтверждает Анатолий Ефимович. — Надо съездить в магазин, до него на автобусе полчаса ехать, купить какие-то продукты себе, соседям, которые есть только там, — сажусь на велосипед и поехал».

Анатолия Ефимовича я часто вижу в Еврейском благотворительном центре на различных мероприятиях. Но только во время нашего разговора узнал, что Анатолий Ефимович он не от рождения. Отца звали Хаим Моисеевич. До войны он работал директором Витебской ватино-ватной фабрики. Родившемуся в 1939 году мальчику дали имя Зелик.

«Когда дочка оканчивала среднюю школу, её в классе назвали по имени и отчеству — Елена Зеликовна. Она пришла домой и стала плакать — дразнят и обзывают. Я пошёл в паспортный стол и поменял имя, а заодно и отчество. Стал Анатолий Ефимович».

- Вы витебский? спросил я.
- Конечно,— даже удивился вопросу Анатолий Сандлер.— Родился в Витебске, на улице 2-й Садовай. Практически на том же месте, где живу сейчас.

Уникальный случай. За восемьдесят лет город стал другой. Изменились улицы, стоят другие дома. А Анатолий Сандлер живёт там же, куда принесли его из роддома. Где родился, там и пригодился.

Следующий вопрос Анатолию Ефимовичу про маму.

- По паспорту Ента Шмуйловна. Хотя все её звали Ева Самуиловна. Девичья фамилия Баранова. В 1944 году, когда мы вернулись в Витебск из эвакуации, пошла на фабрику «Знамя индустриализации». А потом и моя сестра Роза там же устроилась. Вся наша семья рабочая.
- Ваша фамилия Сандлер переводится с еврейского как «сапожник», сказал я. У вас и фамилия «рабочая».
- Так получилось, что я работал в соответствии со своей фамилией. Десять лет на фабрике индпошива обуви, а потом пять лет на обувной фабрике.

Значительная часть жизни Анатолия Ефимовича прошла в то время, когда не очень нужным считалось расспрашивать про прошлое, а взрослые нехотя рассказывали об этом детям. Лозунги: «Вперёд, к победе ком-

мунизма!» люди слышали каждый день, не понимали их сути, но они оказывали серьёзное воздействие.

— Про отца знаю совсем мало, — говорит Анатолий Сандлер. — Мне к началу войны было два года. Что можно запомнить из того времени? По рассказам знаю, что отцу на фабрике дали подводу, чтобы он отвёз семью в Усвяты, это в ста километрах от Витебска.

Хаим и Ента Сандлер

Там жили его родители. А потом отец хотел вернуться в Витебск. Люди думали, что война быстро закончится победой Красной

Армии, враг будет разбит. Об этом до войны пели песни, показывали в кинофильмах. А пока лучше переждать в маленьких городках и местечках, где не тронут мирных жителей.

— В Усвяты уходили большой семьёй,— рассказывает Анатолий Сандлер.— Отец, мама, бабушка, я, две сестры, тётя Лиза Баранова, двоюродный брат Израиль, его сестра Паша— девять человек.

Двоюродному брату Израилю (позднее он стал Игорь) Баранову к этому времени уже исполнилось десять лет. И он многое помнил. В 2009 году, когда Игорь Абрамович ещё был жив, я брал у него интервью и буду ссылаться на его воспоминания. «Хаим Моисеевич привёл нас в дом родителей и хотел тут же вернуться в Витебск. Он был руководителем предприятия, членом партии и не имел права без разрешения городского начальства покидать Витебск. Кроме того Хаим Моисеевич был очень ответственный человек. Ему говорили, что всё городское начальство уже покинуло Витебск. Но он твёрдо решил возвращаться. Вышел из Усвят, но вскоре вернулся. Все дороги уже были перерезаны фашистами».

Через некоторое время немцы сделали гетто. На окраине Усвят озеро, и там четыре улицы: Малая Набережная, Горького, Гвардейская и 25 лет Октября. Они квадрат образуют. Немцы русских переселили в еврейские дома, а для евреев определили эти улицы.

— Тяжёлая жизнь была в гетто, — рассказывает Анатолий Сандлер. — Я об этом знаю по воспоминаниям родственников. Нас загнали в гетто. Потом заставили самих огораживать территорию колючей проволокой. Немцы и полицаи смотрели и указывали, как надо работать. За любое неподчинение — расстрел. По углам поставили вышки. Кушать было нечего. Были какие-то запасы, но они быстро закончились. Выменивали на вещи продукты, или выпрашивали еду у местного населения.

Из воспоминаний Игоря Абрамовича Баранова: «Хаим Моисеевич Сандлер был коммунистом. Говорили, что связан с партизанами. 6 или 7 ноября 1941 года немцы четырёх человек забрали на работу, в том числе и его. Они обратно не вернулись. Их расстреляли рядом с комендатурой (сейчас там милиция). Кто-то сообщил немцам, что они были коммунисты, и их в годовщину Октябрьской революции казнили. Взрослых гоняли на работы. Детей не трогали. Узники выполняли бесполезную, но очень тяжёлую работу. Например, переносили брёвна с одного места на другое. Мама рассказывала, что она таскала брёвна, которые здоровенный мужик не поднимет. Заготавливали дрова. Но только для немцев. В гетто нечем было топить дома, а зима 1941 года была очень суровая. Морозы доходили до 35 градусов.

9 ноября никого на работу не погнали. Все подумали, что будут расстреливать. В гетто зашёл карательный отряд. На вышки поставили пулемёты. Полицаи стояли у ворот и никого не выпускали. Всех вывели на поле и приказали: Мужчины — отдельно, женщины — отдельно. На поле оставили мужчин и молодых женщин без детей. Остальных обратно в гетто загнали. Мужчин расстреляли. В документах значится, что тогда казнили 34 человека, но я думаю, было больше».

Многие узники погибли, а те, кто остался живым, на себе прочувствовали издевательства, побои, голод. Но странная детская память: даже в череде самых страшных дней она выбирает положительные моменты и сохраняет их. Наверное, это помогает выжить, не лишиться ребёнку рассудка.

— Мама меня носила на руках, — вспоминает Анатолий Сандлер. — Мы шли по гетто, навстречу нам два немца. Один из них занёс руку за спину. Мама закричала, думала, убивать будут. Немец достал из кармана шоколадку, отдал матери и сказал, показывая на меня: «Киндер, киндер».

Полгода мы пробыли в гетто, до января 1942 года. Должны были расстрелять назавтра, а ночью нас освободили. Кроме отца, в нашей семье все выжили.

Чтобы уточнить драматические события тех дней, снова обратимся к воспоминаниям Игоря Баранова.

«28 января 1942 года мы снова ждали смерти. И вдруг ночью стук в дверь. Подумали, за нами пришли немцы или полицаи. Пошли открывать, и вдруг крик в сенях: "Наши пришли!" В Усвяты ворвалась группа красноармейцев-разведчиков, и немцы разбежались. Красноармейцы остановились на ночлег по домам. Были и у нас. Мы спали на полу, а все кровати отдали им. Нас накормили, но мы боялись много кушать. Так жили до 14 марта 1942 года. От нашего дома до фронта было всего 1,5 километра. Потом поступил приказ — всех эвакуировать».

— Отправили в Башкирию, в село Султан-Мурад, — рассказывает Анатолий Сандлер. — Взрослые работали. Жили там до 1944 года. Как только Витебск освободили, мы все вернулись домой. Мне уже было 5 лет.

Школа, армия, работа. Пошёл в артель «Возрождение». Всю жизнь работал. Сейчас на пенсии. У меня двое детей. Сын — в Витебске, дочка — в Израиле. Там же растёт внук Илат... Главное, чтобы это больше никогда и ни с кем не повторилось, — этими словами Анатолий Ефимович завершил нашу беседу.

С Анатолием Сандлером беседовал Аркадий Шульман.

Историческая справка

Посёлок Усвяты расположен на территории Псковской области Российской Федерации, недалеко от границы с Беларусью. Немеико-фашистские войска захватили его меньше, чем через месяц после начала войны — 13 июля 1941 года. Вскоре здесь было создано гетто. Евреев в посёлке жило по переписи населения 1939 года 136 человек, или 5,5 % от всего населения. Гетто располагалось на окраине Усвят, возле озера, на территории, охватывавшей четыре улицы: Малую Набережную, Горького, Гвардейскую и 25 лет Октября. Здесь находилось примерно 80 жилых домов. В усвятском гетто оказались не только местные евреи, но и те. которые пытались эвакуироваться из разных районов Беларуси, но были схвачены фашистами. По примерным данным, всего здесь содержалось около 550 евреев. Условия проживания были крайне тяжелыми. Режим ещё более ужесточился после того, как в ночь на 6 ноября 1941 года из гетто сбежало несколько молодых евреев, которые позже стали бойцами партизанского отряда под командованием П.В. Протасова. Вскоре, 9 ноября 1941 года в гетто была проведена показательная казнь: немцы расстреляли более 340 евреев. Всего же в усвятском гетто было убито около 400 евреев. Согласно результатам Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецкофашистских захватчиков, которая работала в Усвятах в 1944 году, в гетто было проведено три акции по массовому уничтожению евреев. Сами бывшие узники вспоминают один массовый расстрел — 9 ноября. 29 января 1942 года Усвяты были освобождены советскими войсками. К этому времени в гетто в живых осталось около 100 евреев. Многие из них эвакуировались на восток, так как существовала опасность повторной немецкой оккупации местечка, и линия фронта ещё более года проходила по территории Усвятского района. В настоящее время в Усвятах на одной из улиц бывшего гетто и на местном кладбище установлены памятники евреям — жертвам геноцида.

Историческую справку подготовил Константин Карпекин.

Demcmbo, которое невозможно забыть

В сорок первом, когда началась война, Олегу Сафроненко было всего четыре года. Естественно, многое из того, о чём он рассказывает, конечно же, слышал от матери. Только и моя детская память тоже оказалась довольно цепкой, причём настолько, что даже и сегодня при случае очень отчётливо вырисовывается многое из того, что нам пришлось в те годы пережить.

Так сложилось, что дедушкой и бабушкой я считал совершенно других людей, своих же родных, я даже не помню, как звали. По рассказам матери, её отец — ассимилированный львовский еврей, во время погромов бежал из Львова в Витебск, где жили его родственники. Здесь он встретил бабушку, которая, опять же по неподтверждённым данным, была дворянского происхождения. Жили они дружно. Дед служил на железной дороге, где прилично зарабатывал. В Витебске на 7-й Полоцкой у них было три дома, в одном из которых и проживала впоследствии наша семья.

Мои родители, Пётр Егорович и Мария Михайловна Сафроненко, работали в НКВД. Отец ушёл из дома в первый же день войны и лишь

спустя две недели появился буквально на час. Он предупредил мать, чтобы мы ни в коем случае не оставались в городе.

С приходом немцев мать записалась под своей девичьей фамилией — Левченко. Мне тоже выдали аусвайс на имя Альберта Левченко, им я оставался до конца войны. Вскоре нас переправили в деревню Жебентяи Витебского (бывшего Суражского) района к родственникам деда — Андрею и Марии, именно их я и считал своими дедушкой и бабушкой.

Деревня находилась в партизанской зоне, немцев там не было, но уже с сентября 1942 года они начали активные действия по её ликвидации. Как-то ночью, во время одного из боёв, трассирующая пуля попала в нашу соломенную крышу. Огонь перебросился на стены.

Я с перепугу спрятался на полатях, а все, естественно, бросились наружу и в суматохе забыли про меня. Однако дед Андрей вовремя спохватился, быстро вернулся в горящую хату и вынес меня оттуда. В ту страшную ночь вся деревня сгорела дотла.

Многие тогда убежали в лес. а тех, кто не успел, немцы погрузили на подводы и отправили в Витебск в концлагерь. Мы успели уйти. Наша семья, соседка с двумя уже большими детьми и ещё несколько человек примерно месяц жили в двух землянках, вероятно, брошенных партизанами. Питались всё это время чем придётся. Но уже в конце ноября полицаи и немцы с собаками обнаружили нас и той же ночью переправили на товарную станцию в Витебск, где буквально втиснули в битком набитый людьми пакгауз.

Олег Сафроненко, 1939 год

Следующей ночью под лай собак и крики охраны нас погрузили в товарняк для перевозки скота. Вагоны набивали настолько плотно, что до станции Богушевск ехали стоя. На станции нас снова загнали в переполненные людьми дощатые складские бараки, а через сутки уже другим товарным составом отправили в Польшу, в концлагерь.

Родители Олега. Мама Сафроненко Вера Михайловна и отец Сафроненко Петр Егорович, 1939 год

Как правильно назывался этот лагерь, не знаю, но он находился в лесу, и я его называю «Лесной». Помню, вдоль периметра, обнесённого двумя рядами колючей проволоки, возвышались пулемётные вышки, на территории стояли длинные бараки и здание с постоянно дымящейся трубой. Повсюду была охрана с собаками, а воздух пропитан неприятным запахом палёного мяса.

Перед лагерными воротами немецкие охранники отбирали маленьких детей, объясняя, что в лагере они будут жить отдельно, а перед отправкой на работу в Германию их снова вернут родителям. Но только больше этих детей уже никто не видел. Сориентировавшись, дед вытряхнул один из наших мешков, затолкал в него меня, прикрыл сверху тряпками и таким образом пронёс в лагерь.

Нас разместили в одном бараке, во всю его длину стояло три ряда трехъярусных нар. Мама обнаружила, что доски пола под нарами не везде прибиты. Там, в подполе, меня и прятали целыми днями, пока взрослые были на работе. В лагере я не числился, у меня на руке не был наколот номер, но и паёк на меня тоже не выделяли. Приходя с работы, мама делилась со мной кусочком эрзац-хлеба из мякины. Он был завёрнут в тряпку. Я сосал его, когда очень хотелось есть. А в остальное время ловил и съедал всё, что у меня под полом ползало и бегало.

В первый день пребывания в лагере немцы из вновь прибывших отобрали людей с необходимыми им специальностями. Мама знала немецкий и бухгалтерское дело, её назначили счетоводом по учёту заключённых и распределению питания, но это в нагрузку, помимо остальных лагерных работ. Вообще, на работу людей уводили в четыре утра, а возвращали в барак уже затемно.

По всей видимости, этот лагерь был перевалочным, когда возникала необходимость заполнить его новой партией заключённых, всех, находившихся в нём, грузили в вагоны и переправляли в другие лагеря. Вскоре и нас, тех, кто выжил, погрузили в товарные составы и повезли дальше. Впоследствии нам пришлось пройти многие лагеря и Польши, и Германии, но именно «Лесной» оказался для нас полезной школой. Там мы обрели необходимые навыки, позволившие выжить в этих неимоверно сложных условиях.

Мама занималась учётом во всех лагерях, а также во время перевозок из одного в другой. Немцы вели учёт заключённых даже при их транспортировке. Это позволило нашей семье и соседке из Жебентяев с двумя её детьми почти до конца продержаться вместе. А у меня благодаря этому так и не появился на руке лагерный номер.

В Освенциме мы потеряли деда. Однажды он не смог подняться

на работу, охрана вызвала врача, и тот увёл его в госпиталь. Вечером, когда все возвратились, в бараке его не оказалось. Пошли искать в лазарет, но и там его не было. В лазарете вообще никого не было, одни пустые помещения. Охранник сказал: «Ищите на салазках». «Салазками» называли длинные дощатые настилы перед крематорием, на которых штабелями складывали трупы. Там мы его и обнаружили. Довольно скоро вслед за ним ушла и бабушка — она не смогла пережить горе.

Почему-то хорошо запомнились душевые — их устройство, во многих лагерях было примерно одинаково. Раздевались и сдавали одежду в прожарку в большом помещении, из которого в душевую вёл длинный узкий зигзагообразный коридор. Проходив-

Дед Олега Левченко Михаил, железнодорожник

шим по нему голым заключённым, зажатым со всех сторон такими же голыми телами, можно было двигаться только вперёд. В душевых

стояли бочки с вонючим жидким мылом, с потолка свисали трубы, из которых постоянно лилась вода. Пол был из шатавшихся металлических плит, не просто тёплых, а горячих. Сейчас я понимаю — эти душевые немцы использовали не только для мытья. Когда надо было, пол раздвигался, и узники проваливались в крематорий. Одежду выдавали уже на выходе, она несколько дней очень неприятно пахла — вероятно, кроме прожарки её ещё обрабатывали каким-то газом.

В конце сорок четвёртого года мы оказались в Гамбурге, здесь судьба нас уже разлучила с соседкой. В Гамбурге был огромный концлагерь, на территории которого располагались даже какие-то военные производства. Кроме этого он был своеобразным резервом, пополнявшим рабочей силой подземные заводы, откуда на поверхность заключённые уже не выходили. Наша соседка со своими детьми осталась там, и больше мы их не видели, а нас с мамой вскоре переправили в небольшой рабочий лагерь под Оберштайном.

Отсюда нас выкупил хозяин из Веербаха. Он был вдовцом, и ему срочно понадобилась женская рабочая сила, мать он выбрал благодаря её знанию немецкого. Она работала кухаркой, ухаживала за скотом, для меня тоже находилась работа, но здесь уже были нормальная еда и жильё. Только такая жизнь оказалась недолгой. Неожиданно с фронта возвратилась дочь хозяина — эсэсовка и ярая нацистка, она беспробудно пила и при любой возможности всячески издевалась над матерью. Вероятно, хозяин был неплохой человек, не выдержав, он, в конце концов, отвёз нас к своему брату, если не ошибаюсь, в город Кирн. У брата была небольшая фабрика, на которой посменно работала мама, а я даже начал ходить в школу.

В марте сорок пятого года нас освободили американцы. Мы оказались в Баумхольдере в лагере для перемещённых лиц с красивым названием «Свобода». Мама работала писарем в штабе гражданского блока и занималась подготовкой к эвакуации в СССР советских граждан. Кстати, всем, кроме военных преступников, американцы предлагали остаться, однако соглашались на это немногие, большинство всё-таки хотело вернуться на родину. Неожиданно мама заболела тифом, я остался практически один. Как раз в это время начали формировать группу из одиноких детей, куда включили и меня. За день до отправки я сбежал и спрятался в закрытой, ещё заминированной, части города, огороженной плотным кольцом колючей проволоки. Вышел я оттуда только через сутки и отправился к маме в госпиталь. Она уже пошла на поправку, и вскоре нас вместе с последней партией переправили в советскую оккупационную зону.

В Витебск мы вернулись в августе сорок пятого года. Отец уже находился там, но меня первое время, даже не хотел признавать. «Это какой-то немец», — говорил он. Дело в том, что я совершенно

не понимал русского, моим языком был немецкий, на нём я общался с матерью, и ребята на улице, те кто пережил оккупацию, тоже меня понимали. Правда, отца мы дома видели редко, он постоянно мотался по области. У энкавэдэшников в то время было много работы, им приходилось постоянно рыться в оставшихся после немцев документах, выявлять и отлавливать полицаев, ликвидировать скрывающиеся в лесах банды. Мать тоже сразу включилась в работу, домой возвращалась поздно, а я постоянно находился на улице в компании таких же, как и сам, полубеспризорных мальчишек.

Но так продолжалось недолго, скоро все мои друзья пошли в школу, а меня по понятным причинам туда не взяли, ведь я не знал русского, и мама даже не представляла, что со мной делать. Мы жили в районе улицы Доватора в уцелевшем общежитии ветеринарного института. Побродив несколько дней в одиночестве по улицам, я решил сам пойти попроситься в ближайшую к дому школу.

Выслушав меня и, похоже, до конца так и не поняв, учительница спросила мою фамилию. Но я к своей новой фамилии — Сафроненко — всё ещё никак не мог привыкнуть и с трудом её выговаривал. Тогда она попросила меня прийти с матерью. Поговорив назавтра с мамой, она согласилась меня взять, но в первом классе вместо одного мне всё-таки пришлось отучиться два года.

Сегодня, разговаривая со своими взрослыми дочерьми и внуками, я поражаюсь тому, что они совершенно не помнят своего раннего и даже более позднего детства. У меня же все мои детские годы настолько отпечатались в памяти, что в любой момент видятся ясно и отчетливо, как будто всё это происходило только вчера.

С Олегом Сафроненко беседовал Семён ШОЙХЕТ.

Историческая справка

Освенцим — крупнейший лагерь смерти — был создан в апреле 1940 года в предместье Засоле небольшого польского городка Освенцим. Первоначально он создавался нацистами как небольшой лагерь для польских политических заключённых. Для его создания использовался принудительный труд около 300 евреев, проживавших в окрестностях.

К марту 1941 года в концлагере насчитывалось порядка 11 тыс. узников, а летом 1941 года его территория начала интенсивно расширяться. Это было связано с началом войны Германии с СССР и необходимостью содержать здесь советских военнопленных, а также с запланированным массовым уничтожением евреев из Европы. В итоге площадь Освенцима выросла до 5 кв. км, а вместе с прилегающей территорией, используемой для вспомогательных нужд, — до 40 кв. км.

С января 1942 года сюда стали доставлять евреев: первоначально— из Верхней Силезии, в марте— из Франции и Словакии, в июле— из Нидерландов и Югославии, в августе— из Бельгии, в ноябре— из Норвегии, в марте 1943 года— из Греции, в октябре— из Италии. Также в течение 1942— 1943 годов в Освенцим транспортировали евреев из Германии, Австрии и Северной Африки.

По прибытии в лагерь из всех узников отбирали работоспособных, которым присваивались номера (они составляли примерно 10 %), остальных же сначала помещали в отдельные бараки, а затем убивали.

Уничтожение узников осуществлялось при помощи оборудования, разработанного специально для данного концлагеря. Здесь действовало пять крематориев, в январе 1942 года была запущена первая газовая камера. Мощность крематориев была таковой, что в течение пяти часов позволяла уничтожать свыше 12 тысяч человек.

О масштабах преступления свидетельствует и то, что рабский труд узников Освенцима применялся на предприятиях Германии, также их использовали для проведения различных медицинских экспериментов. Личные вещи убитых распределялись среди арийского населения Третьего рейха, а их останки использовались в качестве удобрений...

Считается, что значительное количество узников было уничтожено без регистрации, но судить о масштабах убийств позволили вещевые склады, обнаруженные при освобождении концлагеря. Здесь находилась одежда жертв, которую нацисты не успели уничтожить при отступлении. В настоящее время считается, что общее число погибших в Освенциме, составляет не менее 1,5 млн. человек, из которых около 1,275 млн. (или 85 %) были евреями.

Концлагерь был освобождён в январе 1945 года советскими войсками, к этому времени на его территории находилось около 7,6 тыс. узников.

В 1967 году в память о жертвах концлагеря на территории Освенцима был открыт музей.

Историческую справку подготовил Константин Карпекин.

Я видела ад

Полину Михайловну Добровольскую знаю более двадцати лет. Встречался с ней, когда писали с Михаилом Рывкиным книгу «Хроника страшных дней. Трагедия Витебского гетто». Добровольская вспоминала о своей юности, годах войны. В пятнадцатилетнем возрасте узнала, что такое гетто, на её глазах фашисты убили маму, потом была жизнь под чужой фамилией в оккупации, партизанский отряд.

Полина Михайловна выполняла разные задания командования, но, наверное, самым страшным было наблюдать и свидетельствовать о массовых расстрелах еврейского населения.

- Полина Михайловна, Вы одна из немногих узников гетто, с кем мы имеем возможность встретиться, беседовать. Вы коренная витеблянка и помните город довоенный. Расскажите о детских, юношеских годах.
- Мы жили в Витебске по улице Куйбышева. У нас был свой дом. Мама была домохозяйкой. Отец умер в 1927 году, мне был всего один годик. Мы получали мизерную пенсию. Мама поднимала нас одна. У меня было три брата и сестра. Я училась в 10-й Сталинской школе. К началу войны мне было уже 15 лет. Я всё помню, как сейчас всё перед

глазами. Когда началась война, братьев сразу забрали на фронт. Мама со мной могла эвакуироваться, но пожалела дом, имущество.

- Немцы оккупировали Витебск 9 11 июля. Расскажите об этих днях.
- Сначала летали немецкие самолёты и бомбили. Они летали так низко, что я даже видела лицо летчика. Он улыбался. С самолётов разбрасывали листовки: «Бей жидов и коммунистов, спасай Россию». Мама со мной, наши соседи с улицы Куйбышева побежали на еврейское кладбище и прятались там всю ночь. Когда вернулись обратно, нашего дома и соседних уже не было. Сгорели во время бомбёжки. Власти уже не было в городе, и люди начали грабить магазины.

У моего брата был друг, жил за Смоленским базаром, и мы пошли туда, к нему домой. Я, мама, два племянника и жена моего брата.

Немцы наступали со стороны Барвина. Шли танки. У немцев косыночки были одеты, на пряжках ремней надпись «Got mit uns» (Бог с нами — нем.) Они такие наглые были.

Первые несколько дней немцы не трогали никого. А потом началось...

На Больничной, это рядом со Смоленским рынком, был сумасшедший дом. Врачи разбежались, а больные остались. Немцы их выпустили, а потом в упор расстреливали. Как увидят сумасшедшего, сразу стреляют. Или идёт цыган, подходят и в упор стреляют. Это всё я видела.

- Когда немцы стали преследовать евреев? С чего всё началось в Витебске?
- Недели через две было вывешено объявление, что все евреи должны переехать на другой берег Западной Двины, тот, что ближе к железнодорожному вокзалу. Но моста уже не было. Всем надо было собраться на Успенской горке, около здания техникума. Прийти, по-моему, к двум или трём часам дня.

Мама взяла какие-то хатули, и мы пошли на берег. Это был кошмар. Там было столько людей, что даже стать негде было. Мы с мамой как-то пристроились на горушке около кустиков.

Ходили немцы, молодые ребята и девушки и забирали вещи у евреев. Некоторые не отдавали. Мама всё сразу отдала.

Потом к берегу подогнали много лодок, и немцы и полицаи начали сажать в лодки стариков, женщин, детей. На середину реки лодка отплывала, они её переворачивали. Если кто-то выплыл, его веслом по голове. Вода была красной от крови. Детей просто бросали в воду. Там такой был шум, такой крик.

Ко мне подошёл какой-то молодой парень и сказал: «Хочешь жить? Пошли со мной». Мама говорит мне: «Доченька, ты хоть одна из нашей семьи останешься. Иди». Я была светленькая, соломенные волосы и косы большие.

- На еврейку не были похожи?
- Не похожа. И мама была не похожа. Я пошла с этим парнем вдоль реки, как идти в Мазурино. Я так кричала, так плакала. Я была домашним ребёнком, самая младшая, со мной нянчились все родные. А здесь меня куда-то уводят. И вдруг выходит наша учительница по географии Золотова и спрашивает: «Полинка, ты чего так плачешь? Иди ко мне». И взяла меня к себе. А парень ушёл. Чего он хотел от меня, я так и не узнала. А минут через двадцать пришла моя мама. У Золотовой было две дочки. Они говорят: «Мама, что ты делаешь? Они же евреи. Из-за них немцы нас расстреляют. Но она разрешила нам переночевать, а утром мы пошли на то же место на Успенку. Но там уже никого не было. Стояли только лодки. И мама сняла кольца, отдала лодочнику и нас перевезли на другой берег, к Клубу металлистов (после войны районный Дом культуры). Там был ужас. Я не могу даже найти слов. чтобы рассказать, что там творилось. Не было живого места, где стать, где лечь. Лежали на земле, на берегу. Одна знакомая говорит моей маме: «Фаня, иди, мы тебе с Полинкой места немного дадим». Дальше, за Клубом металлистов, по берегу Двины были дома. Там жила подруга моей сестры.

А моя сестра уехала с мужем-военным в город Августов, это до 1939 года Польша — территории, которые присоединили к СССР. И её подруга, тётя Маруся, увидела, что всех евреев перевезли на этот берег, стала искать нас и нашла. Она принесла одеяло и маленькую подушечку.

Неделю немцы не трогали евреев. Кушать нам носили соседи. Кому принесут, кому — нет. Я даже не помню, что мы кушали. А через неделю приказали всем нашить на одежду жёлтые латы. Мама пришила, а я не пришивала.

За Клубом металлистов и дальше по берегу, где сейчас поликлиника, было овощехранилище. И там стояли чаны с патокой. И вот вдоль всего берега и в овощехранилище лежали евреи: дети, старики, женщины.

Потом начались облавы. Немцы забирали молодых девушек, лет по восемнадцать. Бесчинствовали больше, конечно, полицаи. Ведь немцы не знали, кто еврей, а кто — русский. А если смуглый, даже русский, значит, «юда». А светлый — значит, русский. Я, бывало, иду по берегу, надо же мне было принести покушать матери, себе. Немцы меня никогда не трогали. Я старалась, чтобы меня только не видели полицаи.

Маму мою запрягали в оглобли, она что-то возила. Заставляли такой тяжёлой работой заниматься. А я ходила по гетто, искала беленьких девочек, чтобы вместе бежать. У меня была одна мысль — бежать. Я понимала, что всё — это конец.

Через неделю начались каждые два — три дня облавы. Пьяные немцы врывались с полицаями, забирали молоденьких девушек. Матери одевали детям платки, мазали их сажей, но ничего не помогало. Один

раз ночью мы с мамой лежали на досках в Клубе металлистов, немцы пришли и стали светить фонариком, подошли ко мне, мама меня прижала к себе, а немец говорит: «Кляйн» (маленькая — нем.). И они пошли дальше.

Через несколько дней была ещё одна облава.

Прошло почти полтора месяца, но гетто ещё было неогорожено, и можно было по берегу Западной Двины выходить за его пределы.

Была облава, забрали мою маму, меня и ещё человек двадцать. Вывели во двор Клуба металлистов. Там уже была яма. Мама говорит: «Паша, я тебя очень прошу, детка, ты как-нибудь затрись, чтобы тебя не видели». Я стала за мамой. Они на выбор подходили и говорили: «Ду, ду, ду» (ты, ты, ты — нем.) Меня не взяли, а маму взяли, всего человек десять, и расстреляли в упор. Я видела, как мама упала.

- Там, где районный Дом культуры сейчас?
- Там, во дворе.

У меня был такой шок. Я даже не плакала и не кричала. Нас отвели обратно в Клуб металлистов. А утром пришла тётя Маруся. Она всё поняла. «Ці жыва ты, Пашанька?». Я ответила: «Мамы нет». Она: «Немедленно со мной». И мы пошли по берегу.

У моей сестры муж был русский. Я отдыхала летом в деревне Горожанка на Мстиже, там, где жили его родители. Это был Бегомльский (сейчас Докшицкий) район. Там встречались сестра, тётя Маруся и я.

Тётя Маруся говорит: «Сейчас отведу тебя к своей свекрови в Горожанку». И мы пошли с ней аж туда, в Бегомльский район. Сначала по железной дороге шли, потом по лесу. За Борисов зашли или за Докшицы, уже не помню точно. Стоят два полицая в лесу, и лежит мужчина с большой бородой. Они говорят: «Рабиновича убили. А вы куда?». Я молчу, я же «р» не выговаривала. А тётя Маруся: «Ты что, не видишь, что мы идём, там родители живут, в деревне». Она меня привела в деревню Горожанка. Там уже была моя сестра с двумя детьми — пришла из Августова. Тётя Маруся там месяц побыла — и назад. Стала я жить в этой деревне. Сестра и я — у свекрови сестры. Сестра решила крестить своих детей, у нас же не было документов, и меня покрестили тоже. Мне изменили фамилию. Я стала Жданова Полина Михайловна. Русская.

Я прожила год в деревне Горожанка. Занималась любой работой, которая есть в деревне. Научилась корову доить, огород пахала, пилила дрова. Ходила в лаптях.

Рядом Мстиж, в этом местечке были и полицаи, и немцы. Очень страшные были полицаи Саульский и Амелькин. Один раз приехали на лошадях, заскочили в дом и начали кричать: «Где жиды?». А свекровь моей сестры им в ответ: «Ты што? Яна ж настаўніца». Полицай в пол выстрелил, и они ушли.

Свекровь и сестра пекли для партизан хлеб. Партизаны приезжали за

хлебом. И когда они пришли в очередной раз, я попросила: «Дяденька, заберите меня в партизаны». Так я попала в партизанский отряд имени Чапаева бригады «Дяди Коли». Командир отряда Жуковский. Я месяц была в партизанах. Всё делала, что скажут. И стирала, и мыла. Стояли на болотах, училась ходить по настилам, по брёвнам. Потом присягу приняла. У нас была больничка, и врачи меня взяли к себе. Стали учить уколы делать, перевязки. Я все освоила и стала ходить с партизанами на задание. И ещё была Маша со Слонима, тоже еврейка. Мы с ней и ещё два парня ходили на задания в Бегомль, Борисов, в Докшицы, Мстиж. Ходили в аптеки, доставали лекарства и перевязочные материалы. Еду доставали тоже. Когда расстреливали евреев Бегомля, командир приказал, чтобы мы видели, как убивают, и докладывали ему. И я присутствовала при этом.

- В Бегомле?
- Ряд живых, ряд мёртвых. Детей так в ров бросали. Женщин заставляли раздеваться. И они, эти женщины, этих бандитов ещё стеснялись. Когда всех расстреляли, мы ушли. А на третий день вернулись, яма ещё дышала. Земля ходила. Потом я должна была стать свидетелем расстрела евреев в Борисове, но не успела. Мы пришли, их уже расстреляли и закопали. Но как хватали их вещи полицаи, это был ужас. Это не люди, а звери. Ещё видела, как у нас в деревне Гнюта сожгли жителей в сарае за помощь партизанам.

У меня, наверное, железное сердце.

В 1943 году нас собрал, наверное, человек двадцать — тридцать, дядя Коля.

- Кто это дядя Коля?
- Командир партизанской бригады.

«Вас посылаем перейти линию фронта», — был приказ. Это было, наверное, в конце сентября. И мы пошли. Были Суражские ворота. Ночью шли, днём в лесу спали. Проводники нас вели. Я растёрла ноги и не могла идти. Меня ребята несли на руках. Зайдём к крестьянам что-нибудь покушать, они говорят: «Доченька, оставайся». Но я знала, что мне нельзя оставаться. Мы дважды попадали в окружение. Один раз переходили озеро, тонули, меня вытащили. Мы шли несколько месяцев. В конце ноября — начале декабря подошли к линии фронта. Нас уже было очень много. По дороге прибавлялись всё новые и новые люди. Командир сказал: «Наше спасение — лес». Мы идём, и вдруг нас начали обстреливать с трёх сторон трассирующими пулями. Командир крикнул: «Кто добежит до леса, тот останется живой». Поверьте, я сбросила с себя всё. И я добежала, и Маруся добежала. Из нашей группы погибли три человека.

- В лесу уже были наши?
- В лесу нас встречали наши. Когда я увидела наших солдат, у меня

была истерика. И сразу я подумала, что под немцами у меня осталась сестра с двумя детьми. Но потом я узнала, что она на Мстиже ушла в партизаны.

Нас принимала подполковник, женщина. Мы хотели с Марусей отдохнуть недельку, потом взять листовки и то, что надо, и вернуться обратно в отряд. Но женщина-подполковник сказала: «Мы отправим их в Москву, а там ими распорядятся». Они посадили нас грузовик, и я приехала в Москву. В Штабе белорусского партизанского движения нас встретил его командир Пономаренко. Нам выдали документы. И меня, и Машу отправили в город Стерлитамак учиться на радистаоператора. Это ускоренные курсы, чтобы я могла вернуться в отряд. Но была медкомиссия, и меня комиссовали — обнаружили туберкулёз лёгких. Перевезли в Уфу, и я долго болела. В госпитале лежала. Потом, после госпиталя, пошла учиться в школу медсестёр.

В 1945 году вернулась в Витебск. Устроилась работать в роддом. Моя сестра уже была здесь.

В 1947 году я вышла замуж, а в 1948 году у меня родилась дочь Любочка. И в 2008 году она ушла. Самое страшное, что я пережила, — это ушла моя дочь от меня, она умерла.

Знаете, что пережили люди, скольких в душегубках задушили, скольких убили?! На месте Витебского гетто памятник надо поставить. Здесь погибли тысячи людей, тысячи детей. Здесь убили мою маму. Очень прошу. Поставить памятник!

С Полиной Добровольской беседовал Аркадий ШУЛЬМАН.

Историческая справка

Витебск был захвачен немецко-фашистскими войсками вскоре после начала Великой Отечественной войны: 25 июня 1941 года начались первые бомбардировки, 9 – 10 июля было оккупировано правобережье, а на следующий день — и левобережная часть города.

В скором времени оккупационные власти провели принудительную регистрацию еврейского населения Витебска (в том числе и смешанных семей). По городу были расклеены объявления, согласно которым до 20 июля все евреи должны были стать на учёт в комендатуре.

Через несколько дней начались первые расстрелы: 20 и 24 июля было убито несколько сотен мужчин — якобы за неисполнение приказа о регистрации и поджог города.

25 июля фашисты приказали всем евреям в течение 2 дней переселиться на правый берег Западной Двины— на территорию гетто, которая была ограничена современными улицами Комсомольской, Набережной Ильинского, Энгельса и Кирова. При переправе через реку

немцами и коллаборантами было убито около 300 человек.

Вскоре гетто было обнесено дощатым забором и колючей проволокой. Фактически единственным зданием на его территории являлся бывший Клуб металлистов: узники ютились не только в помещениях, но и на лестничных площадках, балконах. Остальные нашли прибежище в разрушенных зданиях, под навесами или спали под открытым небом.

Выходить из гетто могли только те евреи, которых под конвоем отправляли на принудительные работы. Правда, первоначально некоторые дети и подростки убегали за пределы гетто и добывали продукты питания.

Вскоре началось поэтапное уничтожение еврейского населения Витебска. Группы узников под разными предлогами вывозили в различные районы города или за его пределы и расстреливали. Массовые казни проходили на территории гетто, на Улановичской горе, в Духовском овраге, в пойме реки Витьба, в Туловском (Иловском) овраге.

Самые большие расстрелы, и фактически ликвидация гетто, произошли в октябре 1941 года со 2 по 12 октября в десятидневку между еврейскими праздниками Рош-hа-Шона (Новый год) и Йом Кипур (Судный день). Евреев вывозили в сторону д. Тулово и там, в овраге, расстреливали. «Зачистка» гетто была проведена накануне 24-й годовщины Октябрьской революции, в начале ноября 1941 года. Единичные расстрелы узников гетто продолжались до середины декабря 1941 года.

По разным подсчётам, за всё время существования Витебского гетто было уничтожено до 17 тыс. евреев. В воспоминаниях, отчётах военных частей, следователей указываются различные даты и цифры.

Увековечивание памяти жертв началось в 1993 году, когда на территории гетто (возле здания ДК Витебского района, ул. Ильинская Набережная) и возле Туловского (Иловского) рва были установлены памятные знаки. В 2010 году на средства, собранные Витебской еврейской общиной, при активной помощи городских и областных властей возле Туловского (Иловского) рва был открыт мемориал в память об узниках Витебского гетто.

Подробно о Витебском гетто вы сможете узнать из книги Аркадия Шульмана и Михаила Рывкина «Хроника страшных дней. Трагедия Витебского гетто». http://www.mishpoha.org/library/18/

Историческую справку подготовил Константин Карпекин.

Читать и писать я научилась в концлагере

Ксению Михайловну Канцепольскую приглашают в школы и институты, она выступает перед молодёжью и своими ровесниками. Считает это необходимым — люди должны знать об ужасах, которые приносит война. Ксении Михайловне есть, о чём рассказать. Ещё ребёнком, она увидела и поняла столько, что для многих этого хватило бы на всю жизнь.

— Я родилась в 1935 году, — начала свой рассказ Ксения Михайловна Канцепольская, — в Бобруйской области (раньше была такая), в деревне Проточная (сейчас это Кировский район Могилёвской области). Деревня находится в 40 километрах от Бобруйска.

Когда началась война, мне было шесть с половиной лет. Я всё от начала и до конца войны помню.

Тогда не было ни телефонов, ни телевизоров. И вдруг в деревню приезжают военные, и начинается мобилизация парней, мужчин, тех, кто подлежит по возрасту службе в армии. И объявили, что началась война.

В армию забрали родного брата моего отца. Отца не забрали, у него было рожистое воспаление голени, опухшие ноги, и он лежачий был.

После мобилизации прошло, наверное, пару дней, и в небе появился немецкий самолёт. Он летел очень низко и бросал на каждую деревню одну бомбу. У нас недалеко от деревни луг, с самолёта не на деревню попала бомба, а на луг. Мы поняли, что дела плохие. А ещё через неделю пришли немцы. Они сразу в деревнях назначили старост. Когда им надо было узнать что-то о жителях деревни, они обращались к старосте. В соседней деревне была комендатура, там находилось всё оккупационное начальство. Но почти ежедневно в нашу деревню приходили немцы. Они ходили из хаты в хату и требовали еду: «Матка, яйки, млеко». И давали им. Хозяйство было у каждого. И коровы были, и живность всякая. Кто хотел связываться с немцами? Лучше дать, и пускай отстанут.

Мы жили недалеко от Бобруйска. В народе про этот город говорили — еврейская столица. Считайте, половина населения до войны — евреи. Причём много ремесленников: швей, сапожников и других. В городе среди евреев возникла конкуренция, и они подались в деревни, которые примыкали к Бобруйску. Евреи покупали или строили сами дома. В нашей деревне тоже была швея-еврейка, она обшивала всех. И были другие евреи, которые обустроились и жили в нашей деревне.

Сначала зверств никаких не было, но пошли слухи, какие страшные вещи творили немцы в Польше. Бежать было некуда. Беженцы уже ушли, линия фронта была на востоке.

Однажды приезжает машина к старосте. А люди, если машина немецкая, тут же убегают прятаться — рядом лес. А эта семья осталась дома. Хозяин — его звали Янкель, его жена — Лея, дочка Маша, 17 лет, красавица, и старший сын привёз из Ленинграда внучку на лето. И всем команда: «Садись в машину». А водитель-немец знал уже, что в Быхове выкопали огромную траншею и со всех деревень привозили к ней евреев. Ставили на обочину, выстрел — и человек падал в траншею. И водитель уже не одну семью туда завёз, и когда он увидел красавицу Машу, посадил её рядом в кабину. Ехать надо было 25 километров по лесу, от нашего села до Быхова. Водитель знал место, где можно было Машу выбросить из кабины, чтобы никто не увидел. И он это сделал. Весь день она просидела в лесу, а ночью

пришла в деревню. Мы были дружны с семьёй Янкеля. Лея мою маму научила шить. Она старую зингеровскую машинку отдала нам, или мы её купили. Не помню уже точно.

И вот Маша стучится к нам в окно, открываем дверь, и она родителям всё рассказала. И тогда мои родители сказали: «Сейчас мы тебя в первую очередь переоденем». Из маминой одежды сделали ей длинную юбку, одели, как старуху, и отец с больными ногами повёл её в лес искать партизанский отряд.

Моего отца звали Михаил Иванович Сиваков, а маму — Елизавета Киреевна Сивакова (Тимощенко), она с 1903 года. Так что к началу войны ей было всего 38 лет.

В лесу уже были люди, в основном те, кто по возрасту не попал под мобилизацию, кто-то из окруженцев примкнул к ним. Правда, оружия у этих людей ещё практически не было, или было очень мало, но в лесу они уже обосновались. Отец отвёл Машу к ним и никому об этом не говорил. Потому что если узнает староста, он предаст нас.

Дальнейшую судьбу Маши я не знаю. Никаких связей у нас с ней не было. Когда война закончилась и отец уже вернулся домой, приезжали к нам в деревню её братья из Ленинграда и приходили к нам поблагодарить за то, что спасли Машу. Она всю войну была в партизанском отряде, вышла замуж и жила после войны в Рогачёве. Это в 30 километрах от нашего села. Но в наше село она никогда не приходила, видно, очень больно было вспоминать о том, что произошло.

Время шло... Партизаны стали вооружаться, взрывать мосты через реку Друть, взрывать железную дорогу. И немцы стали окружать деревни и в отместку сжигать их одну за другой. Пока они пришли к нам, уже две деревни рядом сожгли. Пришли рано-рано утром. Кто их увидел, тот сразу в лес побежал, а мы с мамой не успели убежать. Недалеко от нас речушка протекала, и мы спрятались в осоке. Немцы проходили цепью, и мы слышали, как они разговаривают. Мамина мама, бабушка, тоже не успела в лес и решила спрятаться в сарае. Немцы видели, как она побежала в сарай, и зажигательной пулей зажгли его. Сарай загорелся со стороны двери, бабушка выйти не смогла и сгорела там. Когда мы прятались у реки, не знали, что в сарае сгорела бабушка. Немцы нескольких человек убили, несколько домов подожгли, но испугались чего-то и ушли. Когда все вернулись в деревню, мама спрашивает: «Где наша бабушка?». А её сестра говорит: «Сгорел сарай, и сгорела её корова, я собрала там косточки». Мама удивилась: «Корова сгореть не могла. Покажите эти косточки». Они уже в ведёрке были. Мама говорит: «Так это же наша бабушка

сгорела». И мы побежали к сараю. Подобрали оставшиеся косточки и отнесли ящик с ними на кладбище и похоронили. Ушли на ночь из деревни. Смотрим: зарево. Немцы снова пришли поздно вечером и всю деревню сожгли. Один лежачий был мужчина, они его вынесли из дома и оставили во дворе, а глухонемую женщину застрелили.

Жить стало негде, и мы пошли в лес строить землянки. Стали собирать грибы, ягоды на зиму, собирать урожай, то, что весной посадили. Так мы обосновались в лесу. Трудно было очень, потому что не было ни тёплой одежды, ни запасов еды. Коров и свиней наших партизаны забрали. Им тоже надо было питаться, приходили ночью — забирали.

Так мы жили, пока немцы нас не обнаружили. Это уже прошла зима 41-го, 42-го года и в начале 43-го немцы нас окружили и забрали как партизанские семьи. Повели по лесу в деревню Чичевичи. Она по дороге, если ехать из Бобруйска в Могилёв. Загнали в дом, и староста этой деревни сказал: «Вас будут сжигать».

Кругом крики, плач. Часа три или больше это продолжалось. Наконец двери открываются, и староста говорит: «Вам повезло. Ветер дует в сторону комендатуры».

Через три дома находилась немецкая комендатура, и они испугались, что она может загореться, и дома могут сгореть — немцы в них тоже жили. Они вывели нас на шоссе, детей поставили лицом к сараю. Моя мама стала просить, чтобы меня отдали. В конце концов, отдали родителям всех детей. Нас погрузили в машины и привезли в Быхов. А там из всех деревень собирают народ и загоняют в товарные вагоны. Закрыли, везут. Ничего не знаем, никто не объяснил, еды никакой...

Первая остановка — Белосток. Мы же жили в лесу. Ни мыла, ни стрижки волос. Все вшивые. В Белостоке нас вывели из вагонов, и началась дезобработка одежды, и мытьё. Раздевали догола, и мужчин, и женшин.

Немцы всё осматривали, и рот заставляли открывать, и буквально всё. Больных задерживали. У них уже было решение везти нас дальше. Постригли всех, мы даже не узнавали друг друга. И мужчин, и женщин. И опять в вагон.

Вторая остановка — Варшава. Раннее утро, хорошее солнышко. Всех опять вывели из вагонов и повели на питание. Был какой-то супчик и маленький кусочек хлеба, намазанный маргарином. Такой вкусный маргарин, что до сих пор помню этот кусочек хлеба. Или мы такие голодные были?

И опять в вагон. И опять везут. Куда? Никто не знает. Едем, едем... Одна женщина говорит: «Давайте мне на плечи кто-нибудь моложе

заберётся и посмотрит, где мы едем». В товарных вагонах под самой крышей есть маленькие окошечки. Так и сделали. И та, что посмотрела в окошечко, говорит: «Ой, кругом горы, снег». А нас уже везут по Австрии. И в Вену. Там высадили, потом на грузовых машинах привезли в город Грац в концлагерь.

В концлагере были длинные бараки на определённое количество мест. Эти бараки были окружены колючей проволокой. При входе на вышке круглосуточно дежурил часовой. Наш барак находился у самого входа в концлагерь. Нам разрешали ходить по территории. Кроме бараков там находилась высокая большая труба, сложенная из красного кирпича, — самое страшное место в лагере. От этой трубы всё время шёл какой-то неприятный удушающий запах.

Это был крематорий. Если кто-то умер, его тут же забирали из барака и сжигали, если больной — тоже забирали. Их никто не лечил, сразу в крематорий.

Мы все находились в одном бараке: я, мама и отец.

В нашем бараке были женщины из Украины, России. Одна учительница из Киева научила меня считать, читать и писать. На работы гоняли не всех, только тех, кто помоложе, покрепче. Мы практически целый день находились в бараке.

В конце 1944 года нас почти каждый день отправляли в бомбоубежище. И очень часто выла сирена тревоги. На Грац стали налетать самолёты и бомбить город. В один из дней выходим из бомбоубежища, а вместо Граца — одни руины.

Немцы во время этого налёта разбежались, но мы были закрыты в лагере. Нас освободили французы. Спрашиваем: «Русские есть?» Французы ответили: «Есть, только не здесь».

Нас выпустили из лагеря и сказали: «Ищите русских солдат сами». Мы трое суток шли. Мама уже серьёзно болела. Повезло, что она заболела, когда немцы уже не проверяли бараки. А так бы сожгли её тоже. Заболела туберкулёзом: кашляет, температура, слабость. Идти не могла. Нашли лошадь, положили её на эту повозку и везли. Я сидела вместе с ней. Мы спустя трое суток нашли русских солдат. Когда увидели, что наши, все побежали к ним. А они спрашивают:

- А кто вы такие?
- Мы из концлагеря.
- А документы у вас есть?

Немцы же забрали все документы, а французы нам ничего не выдали. И мы оказались «никто». Нам говорят: «Так не пойдёт дело».

Папу сразу забрали в армию, он служил до конца войны. А меня с ма-

мой посадили на машину и привезли в Венгрию. Высадили в селе возле Будапешта. Разместили по домам. Нам дали комнатушку. Мама уже совсем лежачей была. Хозяйка давала ей стакан молока утром, и стакан — вечером. Кормили нас солдаты на полевой кухне. Я лазила по садам и собирала фрукты: маму подкармливала. Она стала немного лучше себя чувствовать.

Сделали запрос в Белоруссию. Ответ пришёл только в августе 1945 года. После этого нас привезли на огромное поле рядом с Будапештом. Когда называли твои имя и фамилию — садишься на машину. Нас отправили в Польшу на вокзал и сказали: «Ходят товарные составы с углём. Идите, узнавайте у машиниста. Если на Белоруссию, садитесь и езжайте». Мы ждали довольно долго, пока сели в состав, который шёл на восток. Так мы вернулись в Быхов. А из Быхова уже шли 25 километров до своего села.

Дом маминой сестры не сгорел. Мы пришли под крышу.

Зиму 1945 – 46 года пережили в этом доме. Отец вернулся из армии. Из всех мобилизованных из нашей деревни в живых он остался один. Брат его погиб. А жена брата умерла в лесу от туберкулёза, двое детей осталось.

В доме нас собралось 13 человек: все родственники, оказавшиеся без крыши над головой.

Как жить? Что кушать? Мы копали картошку, которую сажали ещё в 1945 году. Заготавливали траву сныть. Из картошки делали крахмал и пекли большой блин, а потом резали его на 13 кусочков.

Я читать умела, мои сверстники уже год учились. Меня отправили сразу во второй класс.

Денег нет, мама себя плохо чувствует. Папа пошёл к родственникам в Быхов, они дали ему денег, и мы купили козу. Стали лечить маму козьим молоком.

Я в четвёртом классе сказала: «Буду хорошо учиться, чтобы стать медиком и вылечить маму». В седьмом классе я поступила в Гомельское медучилище, а после его окончания (с одной четвёркой, остальные предметы — на отлично) получила право учиться дальше. Приехала в Витебск, в медицинский институт. На третьем курсе вышла замуж, на четвёртом — родила дочку. Когда было распределение в институте, я сказала: «Посылайте меня фтизиатром. Хочу лечить людей, больных туберкулёзом».

Сорок лет я проработала в медицине.

Историческая справка

В 1940 году на окраине г. Грац (Австрия), на берегу реки Мур, был построен лагерь Либенау (или «Lager V»). Первоначально он предназначался для размещения этнических германцев, проживавших за пределами рейха.

К февралю 1941 года на территории концлагеря располагалось 190 бараков, в которые было заселено около 5 тысяч военнопленных и угнанных на принудительные работы из различных стран. После начала войны с СССР основную группу узников составили советские граждане. Кроме того там находились граждане Франции, Италии, Хорватии, Германии, Греции, Венгрии. Около 70% зарегистрированных были лица мужского пола, основную часть которых составляли лица в возрасте от 15 до 30 лет.

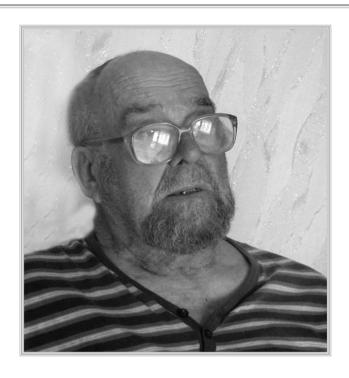
Большинство заключённых работало на предприятиях военной промышленности: на заводе «Штайр-Даймлер-Пух», занимавшемся производством огнестрельного оружия, военной техники, автомобилей, велосипедов, мотоциклов и самолётов, и на металлопрокатном производстве фирмы «Трайбер».

По некоторым подсчётам, непосредственно в Либенау умерли 116 человек. Основными причинами смерти являлись несчастные случаи на производстве, гибель при налётах авиации и от болезней, а также расстрелы. При этом не были учтены узники, зарегистрированные в Либенау, но умершие в гестапо, переведённые в другие лагеря.

По примерным данным, за всю историю существования в лагере Либенау были зарегистрированы в общей сложности более 9 тыс. человек.

В 1947 году было проведено расследование по делу о преступлениях фашистов на территории Граца. Были эксгумированы останки 53-х погибших (по результатам экспертизы оказалось, что среди них было значительное число венгерских евреев и советских граждан). Последующие расследования были возобновлены только в 2011 году, когда на территории лагеря были проведены подготовительные работы для строительства гидроэлектростанции.

Историческую справку подготовил Константин Карпекин.

Нас спасала вся деревня

Начнём рассказ с небольшой биографической справки. Зайцев Олег Игнатьевич родился 5 февраля 1940 года в деревне Неклюдово Толочинского района Витебской области. Отец, Зайцев Игнат Сазонович, работал директором и учителем математики Неклюдовской семилетней школы.

В 1941 году после начала войны семья переехала на родину отца в деревню Чёрное Шкловского района Могилёвской области и поселилась в доме дедушки. Почти сразу родной брат отца Григорий привёз из Могилёва свою семью — жену, дочь и двух сыновей.

Мама, Зайцева (девичья фамилия Кац) Сева Исааковна, родилась в местечке Узда Минской области в многодетной семье. До войны она закончила торфо-мелиорационный техникум в Орше. Вероятно, в Орше она познакомилась с будущим мужем Игнатием Сазоновичем,

и вместе они приехали работать в школу в Толочинский район. С той поры Сева Исааковна всю жизнь работала учителем.

Мы встретились с Олегом Игнатьевичем в его минской квартире и попросили рассказать о родителях, о детских годах, о том, что вспоминается с того самого военного времени.

— В 1941 году, когда началась война, — рассказывает Олег Игнатьевич, — мне исполнился всего один год. Понятно, что своих воспоминаний у меня нет, и то, что я буду рассказывать, — это услышанное мной от родителей и родственников.

Когда началась война, отец вынужден был переехать в свою деревню Чёрное Шкловского района. Там он вскоре ушёл в партизаны, а в 1944 году его призвали в армию, воевал, был ранен.

- До войны Вы один родились в семье, или были сёстры, братья?
- В 1941 году у меня родилась сестра. Её назвали Матильда. Когда мы приехали домой (Олег Игнатьевич называет домом деревню Чёрное) и когда пришли немцы, мы, конечно же, прятались.
 - В деревне знали, кто Ваша мама?
- Знали маму, подтверждает Олег Игнатьевич. Она была очень похожа на еврейку. Пряталась у папиных дедов и по отцовской, и по материнской линии. Маму очень уважали в деревне. И до сих пор вспоминают, когда я бываю на родине. Она очень хорошая и добрая женщина. Людей уважала и любила. Нас прятали и давали кушать. Считайте, спасала вся деревня.
- Где Вы прятались? Всё-таки трое вас было: мама и двое маленьких детей.
- И чужие люди прятали тоже, потому что дома отцовской родни проверяли. Мама рассказывала, что мы жили в погребах, в сараях, на сеновале.

Из дома в дом переходили. В каждом были какие-то укромные места, где прятались. Так продолжалось почти три года.

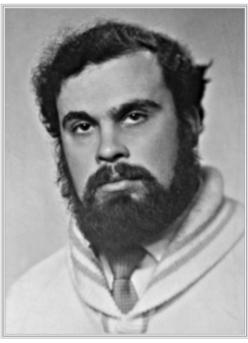
Но однажды маму случайно увидел один человек. Они вместе учились в торфяном техникуме. И он её узнал. Это было в начале 1944 года. Он служил в полиции. Трудно сказать, откуда он родом. Я о нём ничего не знаю. Наверное, все же неместный.

Нас забрали. Маму, меня и сестру. Повезли на подводе в деревню Овчининки. Там посадили в погреб, а на следующий день повезли в Шклов, из Шклова в Оршу. Сидели в Орше в тюрьме. Потом отправили в Борисов. В Орше мы оказались вместе с одной женщиной, она тоже из деревни Чёрное. И нас вместе отправили в Борисов. Там был концлагерь и для военнопленных, и для мирного населения.

Мы попытались восстановить события 1944 года. Помогли нам в этом воспоминания Антонины Петровны Бычковой. Она 1925 года рождения, уроженка деревни Чёрное Шкловского района Могилёвской области. О ней и рассказывал нам Олег Игнатьевич.

Воспоминания Антонины Петровны Бычковой.

«Зайцева Сева Исааковна с сыном Олегом и дочкой Матильдой в начале 1944 года были арестованы полицаями в деревне Чёрное и увезены в город Шклов. Потом переведены в тюрьму, которая находилась в городе Орше. Через несколько дней меня тоже

Олег Зайцев, 60-е годы

арестовали, и мы встретились с Зайцевой Севой Исааковной в Оршанской тюрьме. Через несколько дней нас отправили в концлагерь в город Борисов. Здесь находились военнопленные и гражданское население. В конце июня 1944 года перед освобождением города Борисова Красной Армией мужчин, женщин и детей начали сгонять в бараки и затем выборочно расстреливать. Некоторые люди спаслись тем, что накануне были сделаны подкопы под колючей проволокой, через которые мы также выбрались и отсиделись в болоте до прихода Красной Армии. После освобождения города Борисова мы расстались. Зайцева Сева Исааковна с детьми уехала в деревню Чёрное через Шклов».

- Маме было очень тяжело, вспоминает Олег Игнатьевич. Она ещё молодая женщина, 1917 года рождения, с двумя маленькими детьми на руках. В военном эшелоне с красноармейцами мы доехали до Шклова, нас кормили, мы были очень голодные после концлагеря. Мама рассказывала, что я пел красноармейцам песню «Орлёнок». А из Шклова до деревни шли пешком. Это уже родные места.
- Что стало с мамиными родителями, которые жили в Узде? спросил я.

— Маминых родителей забрали в концлагерь Тростенец и там убили. Мой дядя Иосиф был в Минском гетто, и он остался живым. Когда всех повели на расстрел, он залез в печь и спрятался там.

После войны, когда отец пришёл из армии, они вдвоём с дядей ходили в Узду и забрали корову, которая до войны принадлежала деду с бабушкой. После расстрела евреев соседи забрали эту корову. Дядя Иосиф и отец пригнали корову в деревню Чёрное, и в голодные годы она помогла нам выжить.

Потом дядя Иосиф служил в армии, после демобилизации жил с нами в деревне.

Маминого отца звали Исаак Кац, а как звали бабушку — не помню. В Узду после войны вернулась мамина сестра с мужем, они жили в родительском доме. Мама иногда к ним ездила, меня брала с собой, они приезжали к нам в деревню. Сёстры дружили. Вторая мамина сестра, Нина, была на фронте. Осталась жива. Умерла после войны. Брат Абрам погиб. Говорят, очень хорошо учился. Его немцы расстреляли...

Послевоенная судьба Олега Игнатьевича сложилась, наверное, так же, как и многих его ровесников. Учился, работал.

В 1947 году пошёл в первый класс Чернянской средней школы. Родители работали педагогами. Олег вместе с мамой участвовал в школьной самодеятельности. Родители говорили, что надо получать профессию, как тогда говорили, «иметь возможность заработать на кусок хлеба». В 1954 году Олег Зайцев поступил в Могилёвский машиностроительный техникум, по окончании которого получил специальность техника-механика.

Потом была работа в Минске на велозаводе, служба в армии в Сибири. И продолжение учёбы в Уральском политехническом институте на физико-техническом факультете.

Учился Олег Зайцев хорошо. Человек он по характеру старательный, трудолюбивый, что не раз подтверждал на стройках, куда отправлялся летом на заработки.

Распределили молодого специалиста в Институт ядерной физики Академии наук БССР. Там Олег Игнатьевич и проработал всю трудовую жизнь.

Сейчас на пенсии. Много времени проводит на даче.

Сын живёт в Ереване, подрастают внуки...

С Олегом ЗАЙЦЕВЫМ беседовал Аркадий ШУЛЬМАН.

Историческая справка

Борисов был захвачен немецко-фашистскими войсками 2 июля 1941 года. Согласно планам оккупационных властей, в городе предполагалось поселить 5 тыс. немецких колонистов и в качестве рабочей силы оставить 15 тысяч местных жителей. Остальное коренное население подлежало уничтожению, и в связи с этим в скором времении после захвата Борисова здесь было создано несколько лагерей для военнопленных и мирного населения (в различных источниках указывается различное количество — от 4 до 6).

Самый крупный, так называемый «Борисовский лагерь», был организован в бывшем советском военном городке по проспекту Революции. В зданиях казарм содержалось более 40 тыс. военнопленных: кроме советских, сюда также доставили итальянских военнослужащих, отказавшихся воевать на стороне фашистов. По воспоминаниям бывших узников, ежедневный рацион в лагере состоял из 200 граммов баланды. В лагере была съедена вся трава, и фашисты привозили сюда ветки деревьев, с которых из-за голода пленные объедали листья и кору. По примерным подсчётам, число погибших в «Борисовском лагере» составляет около 10 тыс. человек.

В лагерь, действовавший в 5 км от Борисова, в районе артиллерийского полигона Лядище, фашисты вывозили, как правило, узников из тюрем гестапо и там расстреливали после пыток. В этом лагере было уничтожено примерно 8 тыс. человек.

Ещё один лагерь был создан в районе бумажной фабрики «Профинтерн» в Ново-Борисове. Здесь фашистами было убито около 2,5 тыс. мирных жителей.

Также в Ново-Борисове, в бывшем военном городке железнодорожного батальона, действовал так называемый «Зелёный лагерь».

Несмотря на то, что лагеря существовали в различных частях города, в немецких документах всем им даётся одно общее название — Dulag 240.

Кроме того, в первые месяцы оккупации в городе было создано гетто (на северной окраине города, в районе ул. Красноармейской). Здесь находилось около 10 тыс. евреев из Борисова, окрестных местечек и из Польши. Наиболее массовое убийство еврейского населения произошло 20 – 21 октября 1941 года, когда было уничтожено около 8 тыс. человек, а в 1942 году гетто было ликвидировано.

Историческую справку подготовил Константин КАРПЕКИН.

Не по своей воле в Термании

Когда началась война, наш детский садик был на даче в какой-то деревне неподалеку от Витебска. Помню, в город нас вели оттуда ночью — все боялись немецких шпионов и диверсантов. Меня и маленького братика Витю привели к родителям мамы, они жили на улице Подольской в доме № 26, в районе нынешнего Смоленского рынка.

Папа работал шофёром и был призван в армию в начале войны. Перед отправкой на фронт, уже в форме, он заехал на несколько часов и отвёз нас на машине в деревню к родственникам. Мама работала на коммутаторе в НКВД, и когда вернулась с работы домой, нас не застала. Перед самым приходом немцев она, согласно инструкции, разбила коммутатор и эвакуировалась со своей спецчастью.

Помню, как появились в нашей деревне немцы, они были на мотоциклах и в касках. Мы прятались в овраге за кладбищем. Немцы приказали всем взрослым выйти на дорогу и что-то долго им объясняли.

Вскоре наша семья вновь оказалась в Витебске. Витю забрали какие-то родственники из Вязьмы, а меня решили отпра-

вить под Полоцк в деревню Тростница к родителям отца. Дед договорился с кем-то на железнодорожной станции, и нас спрятали под брезентом на платформе поезда. Незадолго до того, как состав отправился, чья-то рука, не знаю, кто это был — русский или немец, сунула нам под брезент кусок белого хлеба. Так мы добрались до Полоцка, а оттуда с дедом пошли пешком в Тростницу. Дед был инвалидом Первой мировой войны, хромал, и шли мы очень долго.

Но и в Тростнице я прожила недолго, вскоре немцы вывезли всю деревню. Как-то ночью нас выгнали из дома, погрузили в большие грузовики, на станции Горяны затолкали в товарные вагоны и повезли в неизвестном направлении. Ехали долго, иногда в пути делали остановки, на некоторых нас даже выпускали из поезда.

Последняя остановка была на маленькой станции в Польше, там какая-то женщина хотела купить меня у бабушки. «Пани, продай цурочку»,— уговаривала она её, но бабушка меня, естественно, не продала.

В Кенигсберге нас выгрузили из состава, заставили полностью раздеться, а потом всех — мужчин, женщин, детей — вели по городу голыми. Уже стояла зима, было ужасно стыдно и жутко холодно. Молодая девушка, которая шла рядом, взяла на руки чужого ребёнка, чтобы прикрыть голое тело. В большом кирпичном неотаплива-

емом помещении нас обследовали, как я поняла, на состояние здоровья и, кажется, даже сделали рентген. Больным ставили на лоб какую-то чёрную плохо смываемую печать. Оттуда нас опять привели на станцию, вернули одежду и снова погрузили в вагоны.

Последним городом наших мытарств оказался

Семья Гасюто

Тильзит в Восточной Пруссии. Нас выгрузили из вагонов и на какое-то время разместили прямо на полу в большом помещении, чем-то напоминающем клуб. Вскоре начали приезжать управляющие поместьями и целыми семьями забирать нас на сельскохозяйственные работы. Увозили на конных подводах. Наша семья была многочисленной: бабушка с дедушкой, их младшая дочка Нина уже взрослая девушка, племянник Стёпа — мой ровесник, и ещё тётя Женя с грудным ребёнком, даже не знаю, кем она нам доводилась. Как видите, семья была большой, но вот только рабочих рук мало, потому-то

Галя Гавриленко (Гасюто) - справа, 1945 год

нас и забрали самыми последними.

Так мы оказались в поместье со странным названием Шреклавка. Место было очень красивое — вокруг леса, а в них много оленей. Поселили в деревянном бараке. В противоположном его конце
жила семья немцев, они постоянно издевались над нами, причём
как взрослые, так и дети. Однажды бабушка пожаловалась на это
кухарке, а та, вероятно, рассказала хозяину. Я помню его. Это был
хромой и пожилой мужчина. Разъезжал на двуколке, в которую были
впряжены красивые белые лошади в серых яблоках. Вскоре после
этого хозяин приехал, поговорил о чём-то с немцами, и издевательства сразу же прекратились. На территории поместья располагалась
котельная с большой трубой, на которую часто залетал павлин.
В котельной работали наши военнопленные. Одного из них звали
Гришей, а мой папа тоже был Гриша. Я почему-то военнопленного

считала папой и очень удивлялась от того, что он меня не узнаёт. Такие у меня были детские впечатления.

Не помню, сколько мы пробыли в этом поместье, по крайней мере, не один год. Однажды Тильзит начали бомбить наши самолёты, город и его окрестности заполнили военные, многие из них были в казачьей форме. Это были части каких-то русских казаков, служивших Гитлеру. Вероятно, фронт был уже совсем близко, и нас срочно вывезли на запад.

В городе Шлауве, куда мы прибыли, нас поселили то ли в костёле, то ли в кирхе. Спали на полу, семьи друг от друга отделялись досками, через которые свободно переползали тараканы. Раз в сутки нам приносили большие чёрные баки с варёной брюквой, я и сегодня не переношу её запах. По субботам давали манный суп, в котором плавали чёрные мошки. Днём взрослых уводили на работы, а дети ходили по окрестностям и просили хлеба. Местные жители и военные иногда давали кусок хлеба, иногда нет, не редко, просто ругали нас.

Но были и другие немцы. Однажды, на какой-то праздник, меня, грязную и мокрую, немцы-соседи сами завели в дом, переодели в чистое и подарили зелёные замшевые туфли. А после напоили какао и накормили пирогами. Пожилой немец спросил, где мои мама и папа, а я честно ответила: «На фронте». После бабушка ругала меня — мол, нельзя так говорить, ведь за это могли и побить. Но я видела, что никто бить не собирался, наоборот, немец тяжело вздохнул и погладил меня по голове.

Как-то раз к нам пришёл старый священник. Он ходил между нашими семейными лежбищами и спрашивал, кто из детей некрещёный. А потом собрал всех и увёл в маленькую церковь. Я тоже оказалась в числе некрещёных. Очень хорошо помню, как он говорил, а мы повторяли: «Я верую, я верую». Так меня окрестили, по сегодняшний день, не знаю в какую веру.

Хорошо помню, как нас освободили. Город обстреливали и бомбили, он горел. Немцы заперли нас в церкви, но мы всё-таки выбрались оттуда и спрятались в подвале соседнего дома. Когда стрельба немного стихла, меня приподняли к узкой щели под потолком посмотреть, что творится наверху, оценить обстановку. Я увидела нашего солдата — он был низенького роста, узкоглазый, с чёрными волосами и закопчённым лицом, на нём была советская шинель и красная звезда на пилотке. Не обращая внимания на то, что где-то рядом ещё шёл бой, все высыпали на улицу. Люди плакали, обнимались, целовались, радости не было предела.

А после был поезд. Он шёл на восток. В вагоне были счастливые, наполненные надеждой люди, мы возвращались домой. Но, как оказалось, надежды наши оправдались далеко не сразу. По дороге эшелон остановила какая-то воинская часть, и нас отправили в только что созданный колхоз на берегу Балтийского моря. Работали в нём в основном немцы, а всю продукцию — масло, мясо, картошку — сразу же отправляли в Советский Союз. На его территории в городишке Регенвальд для детей организовали интернат, попытались наладить учёбу, но из этого ничего не вышло — не было ни учителей, ни учебников.

Вскоре эти земли стали территорией Польши.

Как раз в тот период, это уже было после войны, погиб мой дедушка. Они с утра уехали с бригадиром на бричке в соседнее хозяйство, бригадир возвратился вечером и привёз дедушку тяжелораненным. Кто стрелял, так и не нашли.

Мама меня отыскала только в конце сорок седьмого года через Министерство обороны — оказывается, я была причислена к части, которой был подведомствен этот колхоз. Офицер, отвечавший за хозяйство, часто брал меня в качестве переводчика, немецкий в то время я знала не хуже русского. Когда в штаб пришло соответствующее распоряжение, мне хотели дать в сопровождение солдата и отправить домой, но бабушка не отпустила. Я вернулась в Витебск вместе с ней. Все остальные члены нашей семьи тоже возвратились на родину, но гораздо позже.

Мама с папой после демобилизации жили в Полоцке. Вскоре мы перебрались в Витебск, где папе выделили квартиру. Я пошла в школу, определили сразу в третий класс, мне к тому времени уже исполнилось четырнадцать лет. Потом училась в вечерней школе.

Была самая старшая в младшем классе. Насмешки были, всё было... Вот так я вступала во взрослую жизнь.

С Галиной Гасюто беседовал Семён ШОЙХЕТ.

Историческая справка

В период с лета 1941 года по ноябрь 1944 года в г. Тильзит (в настоящее время г. Советск) и его окрестностях располагался лагерь для военнопленных Шталаг 1А первого военного округа Германии. Кроме того примерно до мая 1942 года в городе функционировал лазарет для военнопленных. Неисключено, что через Тильзит проходили транзитом пересыльно-сортировочные группы военнопленных.

Лагерь был огорожен колючей проволокой и разделён на множество маленьких лагерей, также огороженных колючей проволокой. По воспоминаниям бывших узников, на всей территории лагеря не было ни одного деревца или кустарника, ни одной постройки, кроме наспех построенной из досок кухни, которая располагалась в начале лагеря.

Для того, чтобы можно было хоть как-то укрыться от палящего солнца и проливных дождей, военнопленные выкапывали руками ямы, глубокие и длинные. Обычно в таких ямах находились по два человека.

Точное количество узников, прошедших через концлагерь, неизвестно, но по приблизительным подсчётам их численность достигала чуть более 3 тыс. человек. Некоторые исследователи также называют цифры 10, 18 – 19 тыс. погибших.

Военнопленные использовались на принудительных работах, на различных объектах, как в самом Тильзите, так и в его окрестностях. К примеру, многие работали на целлюлозном заводе, железнодорожной сортировочной станции, использовались на сельскохозяйственных работах в фермерских хозяйствах. Встречались свидетельства об использовании военнопленных на принудительных работах на топливной базе в г. Линкунен, где содержалось около 150 человек.

В случае смерти военнопленного захоронения могли производиться непосредственно вблизи объектов, где он работал, — как правило, для этого выделялся небольшой участок в дальней части местных приходских кладбищ.

Непосредственно на территории лагеря располагалось несколько мест захоронений. Так, в период с июня по ноябрь 1941 года. в лазарете для военнопленных Тильзита умерло как минимум 155 советских военнопленных, которые были похоронены на так называемом Лесном кладбище. С конца ноября 1941 года захоронения погибших военнопленных производились в районе бывшего учебного плаца.

Город был освобождён советскими войсками 17 января 1945 года.

Историческую справку подготовил Константин КАРПЕКИН.

Умирать буду, будет в глазах стоять...

Я беседовал с Майей Абрамовной Кузнецовой и ловил себя на мысли: как быстро взрослели дети в годы войны. В 4 – 5 лет девочка понимала, что такое жизнь и что такое смерть, понимала, что её могут расстрелять, и жалела маму, себя, брата. Не кричала, не билась в истерике, а тихонько плакала. Её прятали в деревне на огороде, и зимними ночами её согревала своим теплом собака. Я не могу себе представить, как ребёнок смог перебороть страх и не броситься в такие минуты за помощью. Дети войны, пережившие то, что пережила Майя Абрамовна, особенные.

Мы в небольшой уютной квартире Майи Абрамовны в Бобруйске ведём неспешный разговор.

- Вдвоём живём с внуком Димой. Я его фактически и вырастила. Он уже университет окончил, армию отслужил. Самостоятельный человек.
 - Вы коренная бобруйчанка?
- Конечно, с 1937 года, как родилась, так и живу здесь. Правда, в молодости, после окончания автодорожного техникума, уехала работать в Мурманскую область и 26 лет жила там. Вышла замуж, вырастила двух сыновей, а ближе к пенсии снова вернулась в Бобруйск.
 - Расскажите о родителях.

— Отец Абрам Иосифович Вихман родился в деревне Сычково недалеко от Бобруйска. Дед был крепким хозяином. Кузнец, много работал, жили хорошо. Зятья были работящие. У них были хорошие поля, держали лошадей, коров. Крепко стояли на ногах. И всё своим трудом. А когда началась коллективизация, такие семьи начали прижимать. Кого раскулачили, кого сделали лишенцем, то есть лишили не только избирательных, но и многих других прав. Иосиф Вихман погрузил на подводу то, что смог забрать, и уехал жить в Бобруйск. С той поры стал ломовым извозчиком — балаголой. Человек был работящий и в Бобруйске неплохо зарабатывал. А его большой дом в Сычково забрали под сельсовет.

Отец в Бобруйске до войны работал заведующим столовой. В 1933 году он и мама поженились. В 1934 году родилась моя старшая сестра.

Маму звали Стэфа Матвеевна Бегунова. Она — русская, папа — еврей. Мама была домохозяйкой, растила троих детей, после меня ещё Алик родился. Когда началась война, мне было четыре года, Алику — два. Мы жили на Инвалидной улице.

Знаменитая Инвалидная улица в Бобруйске. Это был целый мир, навсегда исчезнувший в годы войны. Сегодня он остался в воспоминаниях довоенных старожилов и на картинах замечательного художника Абрама Рабкина.

- Еврейская улица, продолжает рассказ Майя Абрамовна. И когда немцы сделали гетто в Бобруйске, считайте, всю Инвалидную туда и отправили.
 - Перед войной Вы ходили в детский садик или были дома?
- Как раз перед войной мама с братом и сестрой уехали под Могилёв, погостить у маминого дяди, он был председателем колхоза. Я осталась с бабушкой и дедушкой, с Малкой и Иосифом. Война началась, сразу мама не успела приехать. Знаете, какое положение было: толпы беженцев, отступающие части Красной Армии. На дорогах сплошные пробки, а тут ещё и немцы бомбят.

Пока они добрались, я с бабушкой и дедушкой уже оказалась в гетто. Туда всех забрали: и нас, и сестёр отцовских Марьясю и Соню с детьми, они жили рядом, и моего двоюродного брата Лёню Магидова, он в это время тоже у бабушки с дедушкой находился. Всех замели, считайте, всю улицу.

- Кто Вас сгонял в гетто?
- Немцы и полицаи, но в основном полицаи. Приходили домой и говорили: «Выселяйтесь и идите туда. Иначе хуже будет».
 - Где было гетто?
- В районе улиц Новошоссейной, Затуренского и Бобровой. Сейчас это район улицы Бахарова.

- Как Вы жили в гетто?
- В гетто я недолго пробыла. Мама вернулась в Бобруйск и постаралась нас забрать. Гетто ещё не было огорожено. Дети бегали. Полицаи били нас. Кто-то дал Лёне хлеба, полицай увидел и нос ему разбил. Такие гадости они делали, это запомнилось на всю жизнь.... Мама просила забрать нас из гетто тётю Катю и дядю Гришу Цеюковых. Это были отцовские друзья. Дядя Гриша погиб, его потом расстреляли в Тростенце за помощь партизанам. Тётя Катя пришла в гетто. Я и Лёня Магидов сидели в песке. Она тихонько подошла к нам, выбрала момент, когда полицаев не было рядом, и сказала: «Пойдёмте». Взяла за руки и увела. Завела в чей-то дом, помыла, сорвала с нашей одежды жёлтые тряпки.
 - Тётя Катя русская была?
 - Русская, конечно!
 - И муж русский?
 - И дядя Гриша был русский.
 - Вы её сразу узнали?
- Мы же часто бывали у них дома. Семьи дружили. И дочка их Ирина моя ровесница. Потом тётя Катя привела нас к себе домой.
 - Сколько дней Вы пробыли в гетто?
 - Дней восемь или девять.
 - Что запомнилось за эти восемь девять дней?
- Помню, что дед Иосиф с конём был там. В гетто было очень тесно. Мы на улице спали на возу. Рано утром деда выгоняли из гетто. Он ездил на работу, а мы где-нибудь в песок влезем или ещё где-то пристроимся. В гетто евреев били, но особенно детей, если увидят, что им что-то дают или что-то у них в руках.
 - А что Вы кушали в гетто?
- Что с собой взяли, там ничего не давали кушать. Дед что-то привезёт с работы. Строили дорогу, и дед туда камни возил. Или кто-то ему даст, или он что-то выпросит.
 - А что за нашивки были у вас?
- Какие-то жёлтые тряпки были пришиты спереди и сзади на одежду.
 - Как тётя Катя узнала, что Вы в гетто?
- Мама, когда вернулась домой, сразу стала беспокоиться, где мы. Ей соседи сказали, что мы в гетто. Мама пошла к друзьям выручайте. Сколько надо было мужества иметь тёте Кате, чтобы забрать нас!

Дом, в котором жили тётя Катя и дядя Гриша Цеюковы, и сейчас стоит в Бобруйске на углу улиц Энгельса и Карла Маркса. В зелёный цвет покрашен. Я всегда, когда иду или еду рядом, вспоминаю, как всё было. У тёти Кати были зал небольшой и спальня, общая кухня с одной соседкой. Её звали Валя, у неё был сын нашего возраста Толик. Вообще в доме было много квартир.

- ЦеюкоВы знали, что если поймают вас, всех расстреляют?
- Конечно, знали. Они такие рискованные были люди, или по-другому не могли поступить.
 - А соседи что-нибудь про вас знали?
- Только тётя Валя, с которой была общая кухня. Она хорошо знала нашу семью. Потом дядя Гриша отвёз брата в Титовку. В Титовке маминой мамы брат с женой жили, и двое детей у них было, Коля и Мария. У них был большой дом, и в этом доме немец жил с какой-то русской. Ну приехали дети и приехали. Никто не придал этому особого значения.
 - Вы не были похожи на евреев?
- Лёня— голубоглазый, светлый, а я, хотя и тёмненькая, но не была похожа на еврейку.

На Каменской улице в Бобруйске жили мамины родители, и мама жила вместе с ними. На Инвалидную возвращаться ей было нельзя. Там немцы всё позанимали.

Но у бабушки жить было опасно, потому что соседи могли донести на нас. Взрослые чувствовали это. Днём мы находились у Пешковых. Они жили на Каменской через дорогу от бабушки. Пешкова — это моя крёстная.

Мама за меня боялась, за старшую сестру. Старшая сестра была такая шустрая. Она жила у тёти Кати. Там было безопаснее.

Всё же на нас донесли. И полицаи пришли за нами. Потом соседи рассказывали, что когда стучали в калитку, они вышли посмотреть. Видели, как нас два полицая вели в гестапо. Мама Алика несла на руках. Ему было три года, а мне уже пять. Я держалась за маму и шла рядом.

- Это было в 1942 году. К этому времени гетто уже расстреляли?
- Расстреляли. Дед мог спрятаться. Когда ездил на работу, мог удрать. Дядя Гриша его встречал и говорил: «Уходи, будут стрелять». Он отвечал: «Никто нас убивать не станет». То ли действительно не верил, что фашисты могли расстрелять ни в чём не повинных людей. Тем более его семью обиженную Советской властью. Или не мог уйти один и оставить в гетто жену, детей, внуков. Кто сегодня ответит на этот вопрос? Все погибли. 11 человек, моих самых близких родственников, расстреляли в Каменке. Там сейчас мемориал стоит. Их расстреляли 6 ноября 1941 года, накануне праздника Октябрьской революции.
 - Вы знаете, кто вас предал?
- Заявление в гестапо написал Осипов. Жил такой на Полянке. Ещё там ненормальная Микалина была. Тоже подписала, что прячут еврейских детей. Им за это немцы что-то дали. Микалина дурная была, а Осипов фашист настоящий. Ему 20 лет лагерей дали после войны за то, что он служил немцам.

Привели нас в гестапо. Мне было пять лет, но я уже понимала, что

могут расстрелять. Мы, когда прятались, всё время слышали, что в гетто всех расстреляли.

Большую комнату помню. Сидел за столом толстый немец. Брат бегал по комнате, а я уже знала, что может быть. Слёзы у меня текли. Мама мне платочек даёт, слёзы вытирает.

Потом нас отвели в камеру. В ней никого не было. Два ряда нар, вверху и внизу. Брат сразу наверх залез, довольный был. Говорил, что он немецкую овчарку убил. Потом полицаи зашли и маме говорят: «Уходи». Она говорит: «Не пойду. Буду с детьми». Алик со второй полки стал цепляться за маму. Это у меня всё время в глазах стоит. Умирать буду, в глазах стоять будет. Алик плачет, я плачу. Мама упирается, они силой вытолкнули её в дверь. Алик упал с верхней нары, разбился, весь в крови. Маме сказали: «Ты русская, ты ещё нарожаешь. Зачем тебе эти жиденята?». Соседи потом говорили, что она день и ночь кричала нечеловеческим голосом. Стала искать, думала, может, нас кто-то вызволить поможет. Сказала, что родила нас в девках, потом вышла за еврея. Дети — русские. И Пешкова пошла в гестапо и сказала, что дети — русские, что она нас крестила. Хорошо, что мы крещёные были.

- Вас крестили до войны?
- До войны крестили. В церкви дали документы, что нас крестили. Но этого было мало. Меня с братом только перевели в гестапо в другую камеру. Там было много женщин.

Маме подсказали, что её знакомая, с которой она работала до замужества на швейной фабрике, живёт с переводчиком из гестапо Цапликовым. Мама побежала к ней. По-моему, знакомую звали Надя, она стала просить Цапликова: «Если можешь, помоги». Она ему тоже говорила, что мы русские. Что нас мама ещё до замужества родила. Цапликов взялся помочь. Какое-то золото, всё, что было в доме, что досталось от папиных родителей — всё отдала этому переводчику. Тот сказал: «Купи двух гусей и занеси в русский театр». Мама пошла на базар, купила, занесла. Потом Цапликов сказал: «Стэфа, я буду тебя о чём-то спрашивать, ты отвечай, только спокойно. Немец не понимает русского языка. А я буду переводить, как надо». Он у мамы спрашивал всякую ерунду: где она ходила, что делала, а переводил, что дети — русские, провёл расследование на улице, соседи подтвердили. Цапликов сам был уверен, что мы русские. Так ему Надя сказала.

В гестапо мы пробыли восемь дней. В конце концов толстый немец пошёл на нас посмотреть и сказал: «Никст юде» («Не евреи»). Расстреливали в гестапо по четвергам. А в среду нас отпустили домой. Нас полицай на велосипеде отвёз домой. Я бежала рядом с велосипедом, а Алик сидел на раме. А мама пошла к гестапо, она каждый день туда ходила, и кричала, и плакала. Ей говорят, что детей уже отправили. Она подумала, что на расстрел, и упала в обморок. Её привели в чувство

и говорят: «Твои дети уже дома». А мы уже на огороде бегали. У нас на огороде картошка росла и маки красные, большие. Мы маки срывали, маковые зёрнышки вкусные. А тут мама приходит.

Прошло несколько дней. Зашёл к нам мамин знакомый Володя, он потом погиб за связь с партизанами. Говорит: «Стэфка, прячь детей. Опять на них заявление написали. Ещё раз попадутся, уже никак их не выручишь».

Мама отвезла меня в деревню Столпище, там её двоюродная сестра тётя Фрося жила, Алика— в Титовку, а Жанна жила у Пешковых. Жанну никто не трогал.

А маму предупредили: если будут спрашивать, где дети, скажи, что пошли на речку купаться и утопились.

В деревне Столпище единственная, кто знала про меня, — тётя Фрося, старая женщина. А даже ближайшая соседка не знала ничего про меня.

У них на огороде была вырыта землянка. Мне там сделали логово. Шубу постелили, я сидела целыми днями. Иногда на ночь, когда знали, что в деревне спокойно, брали домой.

- Азимой?
- И зимой там пряталась. Со мной собака была. Я около неё грелась. Когда война закончилась, у меня были опухшие ноги, я стоять не могла. Так до конца оккупации, до лета 1944 года, прятали меня и Алика.

Отец всю войну провёл на фронте, вернулся домой. Семья собралась вместе. Отец работал шофёром, последние годы — таксистом. Мама смотрела за домом...

Такой разговор у нас состоялся с Майей Абрамовной Кузнецовой. Хочется, чтобы о нём узнали люди разных возрастов, но в первую очередь — молодёжь. Потому что от них зависит, чтобы в будущем это никогда не повторилось.

С Майей Кузнецовой беседовал Аркадий Шульман.

Автор благодарит Майю Казакевич за помощь в подготовке материала.

Историческая справка

Бобруйск был захвачен немецко-фашистскими войсками на шестой день войны — 28 июня 1941 года., к этому времени эвакуироваться успела только незначительная часть еврейского населения города.

В июле 1941 года нацисты организовали юденрат — специфический орган управления для еврейского населения, который первоначально размещался на ул. Пушкинской и состоял из 12 человек. В обязанно-

сти юденрата входила регистрация евреев, распределение на работу и устройство беженцев, сбор «контрибуций».

1 августа 1941 года появилось объявление об обязательном переселении евреев в гетто, которое охранялось, и выход из него воспрещался. Всего в Бобруйске было создано два гетто, а также лагерь смерти.

Евреям приходилось жить по 10 – 16 человек в комнате, в гетто запрещалось топить печи и готовить еду. Часть узников оккупанты использовали на земляных работах по возведению дотов и рвов у железной дороги. Кроме того евреев часто привлекали к «саперным работам»: людей впрягали в бороны, и они тащили их по минному полю. Многие гибли, подрываясь на минах, а на тех, кто пытался спрятаться, натравливали собак. Также узники гетто трудились на некоторых городских предприятиях.

Массовые убийства в гетто начались уже в июле 1941 года. В октябре 1941 года было убито около 300 евреев. 6 ноября того же года более 5 тысяч евреев было вывезено к д. Каменка (в 5 км от Бобруйска) и там расстреляно. Ещё одна массовая казнь еврейского населения прошла в декабре 1941 года: было уничтожено более 5,2 тыс. евреев. В феврале 1942 года оккупанты казнили примерно 70 последних узников Бобруйского гетто (это были специалисты, работавшие при комендатуре). Всего, по примерным подсчётам, за годы оккупации в Бобруйске было убито свыше 20 тыс. евреев (в том числе из стран Западной Европы).

Узники Бобруйского гетто оказывали некоторое сопротивление оккупационным властям. Так, согласно донесению начальника полиции безопасности и СД, в конце октября — начале ноября 1941 года. «...евреи опять активизировались. Они перестали носить опознавательные знаки, отказались работать, вступили в связь с партизанами и вели себя вызывающе по отношению к оккупационным властям». С фактами сопротивления связаны убийства двух узниц гетто, которых обвинили в поджоге, и казнь врача-еврея за отравление двух немецких офицеров и четырёх солдат. Также в гетто действовали подпольные антифашистские группы.

Бобруйск был освобождён от немецко-фашистских захватчиков 29 июня 1944 года.

Память «оветских граждан, убитых фашистами, была увековечена в 1972 году, а мемориальный знак, посвященный именно узникам гетто, был установлен в Бобруйске 19 октября 2008 году.

Историческую справку составил Константин КАРПЕКИН.

Меня хотели украсть чужие люди

Разговариваю с детьми войны и невольно задумываюсь, во сколько лет человек начинает запоминать то, что происходит с ним.

На пересказ услышанного от родителей, на прочитанное или увиденное в кино не похоже. Это собственные воспоминания, живущие с человеком всю жизнь. Трудные воспоминания, но они сделали этих людей добрее, мудрее, научили их с пониманием относиться к окружающим, в том числе и к собственным детям, внукам.

Я беседую с полочанкой Ириной Михайловной Фесенко.

- Давно в Полоцке живёте?
- Всю жизнь. Родилась здесь, когда вернулись из концлагеря, тоже здесь жили. Дом был разрушен, дед починил его, он плотником был. Мы жили там: мама, бабушка, дед.
 - Как звали Вашего деда?
- Никифор Дмитриевич Дмитриев. Это дед по маме. А бабушку звали Александра, по-моему, Федоровна. Маму Татьяна Никифоровна. Мама вышла замуж на Украине. Житомирская область, местечко Котельня.
 - Как звали отца?
 - Мойша Фроимович Мирошник. Он из Украины. Мама жила там.

Перед войной она приехала меня рожать в Полоцк к матери своей.

На Украине остались Яша, Лёва — отца братья, свекровь. Все погибли в Бабьем Яру. Мама писала, ей ответили, что никого в живых нет, всех расстреляли.

Мы жили здесь, в Полоцке, у деда. Отец пошёл на фронт. Он с 1917 года, а мама — с 1914.

- Кем работал отец до войны?
- Жестянщик. Крыши делал. Он служил, только демобилизовался, и тут началась война, и его опять на фронт.
 - С какого Вы года?
- С 38-го. Помню, как на коленях у отца сидела. Мне было года три, наверное. Смотрели с ним альбом. В нём были фотографии, и тонкая папиросная бумага. Я помню хорошо, как он обнимал и целовал меня, видимо, прощался со мной. И потом ушёл, и больше я не видела его. Он не вернулся с войны. Я писала в Москву, в Подольск в военный архив: в августе 1944 года он пропал без вести, эти документы мне прислали.
 - Как Вы оказались в концлагере?
- Когда началась война, всем молодым (маме было 27 лет) приказали прийти в комендатуру. Там работали: посуду мыли, бельё стирали. Маму там чуть не убили немцы. Она мне рассказывала: немец ворону застрелил и сказал маме, чтобы она её обработала. Мама этого не поняла. Ворону ведь не едят. Как лежала птица, так и лежит. Пришёл немец, увидел, что приказ не выполнен, и хотел застрелить маму,

Семья Ирины Фесенко

а старый немец-повар, сказал, что не заведено у русских ворон есть, и оттащил его от матери.

Дом у нас был большой, дед строил сам. Сарай был. Когда нас увозили в концлагерь, дед там яму вырыл. Мы закапывали в ней все вещи: постельное, посуду, альбомы.

- Куда вас увозили?
- В Прибалтику, район Шауляя, на станцию Попеляны. Ехали на подводах. Мы долго были в пути. Однажды, когда мы стояли, к нам подошёл немец, пакетик с круглыми конфетками мне дал. Почему-то именно это я хорошо запомнила. Я красивая девочка была. В дороге сильно замёрзла, простывшая была. У меня туберкулёз открылся. Поместили нас в бараке. Это было в 1943 году.

Мама Ирины Фесенко Татьяна Никифоровна

- Что это был за лагерь, что Вы помните?
 - Помню, бараки, нары, помню собак и... всё.

Нас кормили лебедой какой-то. Люди умирали пачками.

Потом нас выкупили хозяева, поэтому мы спаслись, в живых остались. Их звали Антось и Агнешка. Я, как сейчас, помню. Антось, ноги у него не было, надевал на колено деревянную культю, а Агнешку петух всё время клевал. Нам картошку варили, толкли и слитым молоком поливали. Всё что-то говорили, я маленькая была, научилась говорить по-литовски и всё потом пересказывала своим.

У них было много коров, коней, курей. Нам хотелось мяса, и дед выследил, что на чердаке в сарае хранили они сало, колбасы сухие. Когда хозяева ездили в воскресенье в костёл, лестницу прятали, чтобы на чердак никто не забрался. Дед меня подсаживал, я там сала немножко отрежу, колбасы оторву, они не проверили. Антось был без ноги, но Агнешка могла залезть на чердак и проверить.

Потом уходили в поле, чтобы не было во дворе шкурок от колбасы, потому что собаки или куры могли разнести их. Мы боялись хозяев, когда они были чем-то недовольны, угрожали, что сдадут нас обратно немцам. Мы как проклятые работали. В 4 утра вставали с мамой. Она коров доила, я курей кормила. Хозяева тоже работали не покладая рук. Антось пахал на поле. Агнешка была на огороде. Мы с ней грядки

делали, потом пололи с мамой. Это я уже хорошо помню, мне было пять лет.

Они выкупили всю семью: деда, бабушку. Все работали. Но, прямо скажу, они из-за деда нас взяли. Он был здоровый и умелый человек.

- А Вы единственный ребёнок в семье?
- Я одна была.
- Долго пробыли в концлагере?
- Красноармейцы освободили. Это было в начале 1945 года. Антось и Агнешка были бездетные. Они очень хотели, чтобы я осталась у них. Меня украли и в какую-то будку посадили. Помню, там были пахучие снопы. И заперли меня. Только маленькое-маленькое окошечко было. А мама бегала, кричала, звала меня. Я слышала голос её. Но я была маленькая, не могла до окошка дотянуться, я кулачками колотила в стены. Потом что-то железное нашла в углу и стала бить по стеклу, разбила его. Стала вылезать, порезалась. Вся в крови была. Меня красноармейцы перевязывали. Антось и Агнешка были очень недовольны, что меня нашли.
 - Когда Вы вернулись в Полоцк?
 - В мае 1945 года. Нас красноармейцы на повозках привезли.
 - Как ваша дальнейшая жизнь сложилась?
- Мама до войны была телеграфисткой, но потому что мы были в концлагере, её на работу никуда не брали. Потом она устроилась в военный городок работать уборщицей. Я окончила вечернюю школу, и поступила в медицинское училище. И связала с медициной всю свою жизнь.
 - У вас дети, внуки?
 - У меня трое детей, пять внуков и две правнучки.

Вот такой разговор состоялся у меня с Ириной Михайловной Фесенко. Потом мы ещё долго рассматривали семейные альбомы, фотографии детей, внуков и правнуков. И Ирина Михайловна несколько раз повторила: «Чтобы они этого никогда не узнали. Чтобы это никогда не повторилось!»

С Ириной Фесенко беседовал Аркадий Шульман.

Семейная история Евгении Циндель

Мы беседуем с Евгенией Игнатьевной Циндель в её уютной новополоцкой квартире. Я знаю историю этого города и поэтому в самом начале беседы спросил: «Первые дома здесь были построены, когда Вы уже были состоявшимся человеком. Извините, какой судьбой оказались здесь?»

- Когда построили город, открыли службу быта, я сюда переехала из Полоцка. Я и родилась в Полоцке в 1938 году, и жила там. Приехала сюда работать. И сейчас живу здесь.
 - Кто были ваши родители?
- Отец Игнат Маркович Решёткин. До войны в Полоцке работала водяная электростанция, он работал там конюхом. Перевозил разные грузы. Русский по национальности. Мама еврейка. Её звали Фаина Фоминична. Девичья фамилия Ткаченко. Она была домохозяйкой. Родители отца из Великих Лук. Это Псковская область. А мама родилась недалеко отсюда, в Юровичах. У нас в семье было трое мальчиков: Реня, Миша, Саша и я. Так что дел у мамы хватало. Реня умер в детстве. До войны я была самая младшая в семье.
 - Как родители познакомились?
- Мама работала на стеклозаводе. Их родственники отца соединили. Они сразу полюбили маму.
 - Вы помните, может, из рассказов, как началась война?

На фото: Евгения Циндель с дочкой Светланой Швайковой

— Я помню, как прилетали самолёты и сбрасывали листовки. Мы, дети, бегали и собирали их. А потом немцы начали бомбить Полоцк, и бомба попала в наш огород. У нас свой дом был. Отец и мать нас с братом Сашей схватили — и в землянку. Землянка была выкопана у соседей. Как бункер был, и мы там находились. Спустя некоторое время пришли немцы. Нас из дома выгнали, и там поселились.

Почти полтора года семья скиталась, жила то у одних родственников, то у других. Ходили по окрестным деревням, меняли оставшиеся вещи на хлеб, крупу. По ночам выкапывали на полях замерзшую картошку.

К нашему разговору подключилась дочь Евгении Игнатьевны Светлана Леонидовна Швайкова. Она интересуется историей семьи и многое смогла дополнить к рассказу мамы.

- Соседи знали, кто ваша мама?
- Догадывались, но родители не афишировали это. Не знаю, каким образом, наш отец не попал под мобилизацию и остался с семьёй. Однажды мы попали в облаву, и немцы погнали на вокзал, чтобы отправить в Германию. Это я хорошо помню. Отец там девочку увидел. Он её подобрал, и когда нас стали грузить в вагоны, забрал с собой. Девочка была еврейской национальности. Как она оказалась на вокзале, я не знаю. Я только помню, что её звали Соня. Она заболела, у неё был тиф, и умерла. Состав через Польшу шёл, и отец её похоронил там. И даже потом как-то сказал, что если бы его в Польшу отвезли, он бы вспомнил, где её похоронил, и нашёл бы могилу.
 - Ехали вы, папа, мама и брат. Брату сколько было лет?
 - Он с 1935 года.

Понятно, что память не может всё восстановить с абсолютной точностью. Тем более, что Евгении Игнатьевне в те годы было 5 – 6 лет. А прошло с той поры более 75 лет. Она считает, что в Германию их угнали в 1943 году. В документах записано — 16 марта 1944 года. Иногда и в документах бывают неточности. Они оказались в Германии в деревне Обергут, район Фотенбурга (так записано в документах).

— Нас привезли и поместили в лагерь в Германии. Я помню, что детей отбирали, слабых куда-то отвозили, и больше мы их не видели. А тех, которые покрепче были, оставляли здесь. У меня с братом брали кровь для немецких солдат. Я слабая была, а давали только по маленькому кусочку хлеба. После сдачи крови брат брал меня на плечо и относил в барак.

В лагере в деревянных бараках окон не было, и не было пола. На земле спали. У кого что было, с себя снимали, подстилали и ложились. Но это продолжалось недолго. Потом пришла немецкая семья в лагерь и увидела, что наш отец порядочный и работящий человек,

про маму они не знали, что она еврейка, думаю, что никто об этом не знал, и они забрали нас к себе. И мы там жили. Но нас с братом всё равно забирали в лагерь и брали у нас кровь. Мы же были зарегистрированы в этом лагере.

Мама называла деревню, где жила эта семья, я не помню названия. Родители, когда закончилась война, не хотели об этом говорить. Эта семья заставляла нас работать буквально на износ. Кровь возьмут у нас, а назавтра они заставляли работать, идти на поле и собирать камни. Семья была богатая, но нас кормили очень плохо. Давали по кусочку хлеба на обед и картошку, или ещё что-нибудь, и отправляли на целый день в поле. Если я не могла работать, меня били. Привязывали руки к стулу и били по ним. После наказания меня уже не посылали камни таскать, а заставляли брикет носить. Я этот брикет приношу, больше не могу идти — меня опять били. А я кусалась, если бьют. Ругаться не умела — кусалась. А за это ещё получала. Такая была жизнь. Во дворе дома чан стоял, туда сносили кости, очистки — для нас это была еда. Потом у нас в семье родился мальчик. Мальчика назвали Миша. Хозяева его хотели забрать. Он был очень красивый. А у хозяев не было детей. И отец мой или подрался с хозяином, или обругал их. Может, не отдавал ребёнка. И они назначили казнь ему на такой-то день. Я узнала это от своего брата Саши, потому что мама всё время плакала и плакала и всё немку о чём-то просила. А потом мне уже Саша сказал, что папу хотят повесить на площади — показать всем, что он виноват. В ночь перед казнью американцы нас освободили. И мой отец остался жить. Нам всем очень повезло.

- Расскажите про родственников Вашего мужа. Он же из Украины? Как его имя, фамилия?
- Циндель Леонид Львович. Он киевский еврей. Жил на Подоле. Где знаменитый кабельный завод. Там работала вся его семья. Мой прадед был простым рабочим. Но в своё время он сделал какое-то рационализаторское предложение. Это обогатило фабриканта Цинделя. За это тот подарил ему свою фамилию. И об этом есть даже упоминание в исторической литературе. Отец Леонида Львовича, когда немцы подходили к Киеву, записался в народное ополчение. Он погиб в Киеве. Мы через Красный Крест искали хоть какие-то данные о нём. Ничего не сохранилось. Почти все ополченцы, которые были на передовой, погибли.

Леонид Львович, сестра его, старший брат и мама успели эвакуироваться из Киева. Мама служила у всемирно известной балерины Галины Улановой.

- Кто освободил концлагерь? Как Вы возвращались домой?
- Освободили американцы. Дня через два три нас погрузили

в вагоны. С нами был мальчик Миша. Ему было, может, месяца два... Мы приехали опять же в Полоцк на вокзал.

Семья вернулась домой 21 сентября 1945 года. Пришли в свой дом. Он сохранился. Но в доме жили чужие люди — китайская семья.

Этот китаец у нас на рынке в Полоцке много лет торговал, делал игрушки, веера, фонарики. Он нас пустил жить, но сказал, что это его дом. Потом мы через суд доказывали, что это наш дом.

На этом послевоенные мытарства семьи Игната Решёткина не закончились. По доносу соседа его арестовали. Не был мобилизован в армию, оставался на оккупированной территории, да потом ещё и в Германии оказался. Как остался жив?

Просидел он чуть меньше года, пока шло следствие. Дочка носила в тюрьму передачи. Вспоминает, как просилась, чтобы её бесплатно перевезли на пароме через Западную Двину, как из передачи, которую отправляли отцу, отламывала и съедала кусочки хлеба.

Игната Решёткина выпустили, не найдя в его поступках никакого преступления, а соседа, доносившего на него, посадили надолго — за службу в полиции.

Вот такая семейная история Евгении Игнатьевны Циндель.

Остаётся только добавить, что её муж Леонид Львович Циндель был военным музыкантом, служил в Полоцке. Они вместе прожили сорок лет, как говорится, душа в душу. Евгения Игнатьевна работала заведующей бюро бытовых услуг в Новополоцке. Одна дочь сейчас живёт в Москве, другая рядом — в Полоцке. Уже взрослые внуки, у них свои семьи.

И ещё об одном хочется сказать. От мамы к дочерям передается умение просто волшебно готовить любые блюда: и еврейской кухни, и белорусской, и выпекать хлеб, булки. И это не только украшало праздничные столы, но и помогало выжить в трудные годы.

- Ваша мама пекла хлеб. Это у вас семейное. А мама у кого научилась?
- Наверное, у своей мамы научилась. Она не только хлеб пекла. Делала сыры, и пекла булки великолепные. Мы с мамой разносили булки в послевоенное время по Полоцку. Что-то зарабатывали, ещё дома оставался хлеб. У мамы чутьё было. И это передалось мне. Спрашивают: «Скажите, как вы так вкусно все делаете?». Я не могу ответить, потому что сама не знаю. Иногда чуть больше, или чуть меньше надо чего-то положить. Это чувствовать надо...

С Евгенией Циндель беседовал Аркадий Шульман.

Корочки хлеба я ела, как конфеты...

Беседа с Фаиной Александровной Клементенко надолго останется в моей памяти. Не было сказано громких слов, не было шокирующих подробностей, но была неподдельная искренность. И она чувствовалась в каждом слове.

Её первые детские воспоминания связаны с концлагерями Великой Отечественной войны.

После возвращения на Родину училась в школе, закончила исторический факультет Ленинградского университета, работала учителем истории, завучем в средних школах.

Пенсионерка, живёт в городе Глубокое Витебской области.

- До войны Вам был всего один годик, и тем не менее, Вы что-то знаете от родителей, сами интересовались темой войны. Расскажите, пожалуйста, о своих детских годах, кто были ваши родители, где Вы родились то, что Вы знаете о своей семье, семьях родителей.
- Родилась в 1940 году в Краснополье Россонского района Витебской области. Мама работала медицинской сестрой в больнице. Её звали Екатерина Власовна Цуран. Отец Александр Евсеевич Гельфанд преподавал немецкий язык в средней школе. Когда началась война, папин друг сказал, что немцы готовят аресты коммунистов, комсомольцев и евреев. Ночью поймали корову их

На фото: Фаина Александровна Клементенко с мужем Яковом Ивановичем

Александр Евсеевич Гельфанд

было много, стада гнали с запада на восток. На эту корову мы положили свой нехитрый груз, то что нужно было в дороге. И пошли: мы и Максим Лазаренко. Это тот человек, который сказал папе, что нужно немедленно уходить. Меня на руках несли от Краснополья до деревни Курейша Сенненского района.

- Вы были единственным ребёнком в семье?
- Да, я первенец и единственный, родившийся в семье до войны ребёнок. Шли к бабушке, в основном в ночное время. Это мамина мама. По пути встречались иной раз и немцы, и они смеялись и фотографировали нас. Но никакого вреда

в те дни не причинили нам. Там у бабушки и жили мы втроём. Папе пришлось прятаться, потому что он еврей. Бабушка корову держала в сарае. Там, в сарае, вырыли яму, сделали настил. И в этой яме папа прятался в дневное время.

- Его в армию не взяли?
- У него были проблемы со зрением. Он в этой яме прятался недолго, до сентября 1941 года. Потом ушёл в партизаны, в 1-й Богушевский партизанский отряд.

Выписка из автобиографии Александра Евсеевича Гельфанда: «Родился в 1918 году в местечке Луначарское Дриссенского района Витебской области. Родители до Октябрьской революции и после неё занимались земледелием. Мать умерла в 1936 году. Отец убит нацистами в 1942 году.

В 1936 году окончил Полоцкий педагогический техникум. С августа 1936 года по август 1941 года работал преподавателем немецкого языка в Краснопольской средней школе. С сентября 1941 года по июль 1942 года находился в 1-м Богушевском партизанском отряде. С мая 1942 года по апрель 1944 года — в рядах Красной Армии. Демобилизовался в августе 1944 года по инвалидности после тяжёлого ранения.

С 1944 года на преподавательской работе в Богушевском районе, потом в Луначарской школе Дриссенского района. Учитель, завуч, директор, снова учитель...»

— Вы с мамой остались у бабушки в деревне Курейша Сенненского района.

- Мы остались, но полицаи вскоре маму забрали и отправили в Германию. Сделали это, потому что она жена еврея.
 - Знали, что она жена еврея?
- Конечно, знали. В деревне не скроешь ничего. По пути партизаны подорвали поезд, и домой убежали те, кого пытались отправить в Германию. Но маму ранили. Её поймали и отправили дальше. Я оставалась с бабушкой и тётей. Тёте было всего 17 лет. Мама была медик, её привлекли к работе в концентрационном лагере. Освободили американцы в конце войны.

Фаину Александровну, её бабушку и тётю тоже вывезли на запад 13 сентября 1943 года в концлагерь Оренцвальд, а освободили советские войска 22 февраля 1945 года. После проверки все вернулись на родину 18 октября 1945 года.

- Что Вы помните из того времени, когда вас вывезли на запад?
- До Богушевска из Сенно ещё довезли на машине, а там железная дорога. Помню только вагон, большое количество людей, и очень холодно было. Из Богушевска везли нас до распределителя, это я со слов бабушки знаю, в Минске.

И ещё в памяти, когда привезли в лагерь, нары двухъярусные, и меня оставляли одну сидеть на нижних нарах. Взрослые работали. Рядом была кукла тряпичная, я с этой куклой играла.

- Где этот лагерь Оренцвальд?
- Территория Польши. Помню ещё быстрое построение людей

Семья Ф. А. Клементенко

на огромной площади. Бабушка ставила рядом с собой и закрывала мне ладонью глаза.

- Почему она закрывала глаза?
- Или человека вешали, или расстреливали. Я это никогда не видела. Было такое построение: с одной стороны стояли узники, с другой вооружённые люди, то есть немцы.

Ещё помню болезнь. Я болела, меня в какой-то тёмной комнате держали. Что за болезнь, не знаю. Говорили, если попадёт свет, то я ослепну.

Помню ещё, какой-то человек бежал, в него выстрелили, и от него капли крови по земле. Было страшно очень. И голодно. Одна женщина, не помню, в каком лагере, приносила корочки хлеба. Это были конфеты.

- Вам казалось, что это были конфеты?
- Да, это были конфеты. Других я не знала. Как звали эту женщину, не знаю. Она не была в лагере. Она свободная была.
 - После Оренцвальда где Вы ещё были?
 - Где-то в Познани и в Лодзи. Три рабочих лагеря было.
 - Сколько лет вашей бабушке было, и как её звали?
- Елизавета Карповна, 1899 года рождения. Молодая женщина ещё была, 43 44 года. Это нам сегодня кажется, что она уже была в возрасте.
 - Кто вас освободил, когда?
- Была очень сильная стрельба, и все выскакивали из помещений, кричали, радовались, танцевали. А меня, как игрушку, носили солдаты на руках, и был там сибиряк Иван. Он говорил, что у него такая же дочка, как я.
 - Вы были единственным ребёнком в этом лагере?
- Не могу сказать. Никакого общения не было в лагере. Взрослых гоняли на работу, а я сидела на нарах.
 - Освободили, всеобщая радость... А дальше?
- Бабушку и тётю взяли в воинскую часть поварами. С этой воинской частью мы вернулись домой. Привезли в Витебск, а в городе у бабушки и деньги, и документы бандиты вырезали. А потом мы отправились в деревню в Сененнский район.

Папа, по-моему, раньше нас в Сенно приехал. Он раненый был, лечился в Узбекистане. У него правая рука не действовала. Он остался в деревне ждать нас.

Потом мама вернулась, и снова объединилась семья. Поселились в недостроенном ещё с довоенных лет доме. Дедушка был жив, начал перед войной строить новый дом. Папа не мог его достроить, у него рука не работала. Мы уехали на родину отца в село Луначарское Верхнедвинского района. Там оставался дедушкин дом. В этом маленьком домике мы прожили до 1956 года.

Я окончила школу в Полоцке. Поступила в Ленинградский университет на исторический факультет. Закончила его, вышла замуж. У меня двое детей. Всю трудовую жизнь работала учительницей в школе в Глубоком.

С Фаиной Клементенко беседовал Аркадий ШУЛЬМАН.

Историческая справка

Концентрационный лагерь в Познани действовал с октября 1939 года до весны 1944 года. и считается первым концлагерем, созданным нацистами на территории Польши после её оккупации в сентябре 1939 года.

Официально он именовался Фортом VII и находился на территории одного из 18 фортов Познанской крепости, построенной ещё в последней четверти XIX века.

10 октября согласно приказу гауляйтера и рейхсштатгальтера Вартеланда Артура Грейзера здесь был создан концентрационный лагерь, предназначавшийся главным образом для жителей Великой Польши. Тем не менее кроме польских граждан в Форте VII содержались немногочисленные граждане Великобритании, Франции, СССР и Югославии.

Первоначально заключённых убивали, как правило, в первую неделю их пребывания в лагере. С октября 1939 года в лагере стали впервые с начала Второй мировой войны использоваться экспериментальные газовые камеры для умерщвления заключённых. Первыми убитыми в газовой камере, которая располагалась в бункере № 17, были 400 пациентов и медицинский персонал познанской психиатрической больницы.

В середине ноября 1939 года. Форт VII был передан гестапо и переоборудован в тюрьму и пересылочный лагерь. В это время здесь содержалось от 2000 до 2500 человек, которых охраняли около 400 военнослужащих СС, в лагере было 27 мужских и 3 женских камеры. В каждой камере размером 5 на 20 метров, иногда содержалось до 200 – 300 человек. В женские камеры, которые находились ниже уровня земли, иногда проникала сточная вода, доходившая до уровня колен.

С марта 1943 года начался постепенный процесс ликвидации лагеря, потому что немецкие оккупационные власти запланировали основать на его месте промышленное производство. Заключённые с этого времени работали на строительстве нового лагеря Жабиково к югу от Познани (он начал действовать с 25 апреля 1944 года). С весны 1944 года в Форте VII функционировали заводы, на которых

выпускалась радиоаппаратура для немецких подводных лодок.

По приблизительным данным с 1939 по 1945 г. через лагерь прошло около 18 тыс. человек, из которых около 4,5 тыс. было убито. По другим подсчётам число заключённых в Форте VII составляло около 45 тыс. человек, из которых было убито разными способами до 20 тыс. узников.

Территория лагеря была освобождена советскими войсками в феврале 1945 года.

Гетто в городе Лодзь было создано 8 февраля 1940 года. и являлось вторым по величине гетто на территории Польши, организованным нацистами для евреев, цыган, коммунистов, представителей других этносов и партий, а также криминальных элементов. Жители гетто были полностью изолированы от остального города, а плотность населения была здесь очень высокой — более 40 тыс. человек на кв. км.

Лодзинское гетто управлялось преимущественно еврейской администрацией — юденратом. Несмотря на помехи, создаваемые нацистами, юденрату удалось создать систему здравоохранения, в составе которой были больницы, поликлиники, станции скорой помощи, аптеки, организована помощь женщинам, детям, туберкулёзным и диабетическим больным.

Юденрат занимался отправкой людей на принудительные работы и одновременно организовывал производственные мастерские в самом гетто. Также в Лодзинском гетто была организована система образования. С сентября 1939 года до конца 1941 года здесь работали школы. В 1940 году была предпринята попытка организовать колледж, а в 1941 году — профессиональную школу.

К середине 1942 года работало около 77 % населения гетто. В сентябре того же года гетто было превращено в трудовой лагерь.

Историческую справку составил Константин КАРПЕКИН.

Маленькие дети на большой войне

Та война изменила всех, кого каким-то образом коснулась. Коренным образом поменялись ценности, отношение к жизни и смерти, люди научились более трезво оценивать обстановку и выживать в критических ситуациях.

Всё это в полной мере коснулось и детей. Ведь детям на войне, не меньше чем взрослым, пришлось испытать на себе все её зверства и ужасы, и эта жестокая реальность навсегда перекроила их сущность. Они разучились плакать, не по годам возмужали и очень во многом, быстро становились вровень со взрослыми. Такая судьба постигла и двух маленьких братьев из небольшого белорусского местечка Чашники. Одному на тот момент только исполнилось двенадцать, другому ещё не было и пяти.

Улица Пролетарская на северной окраине Чашников когда-то называлась Золотой горой. Почему? Да потому что жили на ней богатые купцы, сплавлявшие в Ригу на Балтику по речке Ульянке, а потом по Западной Двине лес, зерно и выделанные кожи. Ещё и сейчас стоит

на этой улице дом под номером 30, в котором жил в те времена некий кожевенных дел мастер. В семнадцатом году его раскулачила советская власть, а в тридцать четвёртом он продал дом и уехал из Чашников навсегда. С тех самых пор и по нынешний день проживает в нём семья Плютов, о которой и пойдёт речь в нашем рассказе.

Гавриил Харитонович, отец наших юных героев, был родом из деревни Паулье, от Чашников примерно в десяти километрах. Перебравшись в Чашники, он устроился на бумажную фабрику, где и познакомился со своей будущей женой Машей, а по рождению Малкой Дыкман. В двадцать девятом у них родился первый ребёнок, его назвали Львом, а спустя ещё семь лет появился на свет младший Генрих.

Откуда взялись в белорусской глубинке такие не совсем обычные для этих мест имена? Отец был помешан на книгах, он читал их запоем и детей назвал в честь самых любимых авторов — русского писателя Льва Николаевича Толстого и немецкого поэта Генриха Гейне.

В тридцать седьмом, в разгар ежовщины, охватившая страну волна репрессий докатилась и до Чашников. Как и везде, по ночам забирали людей, но домой возвращался не каждый. Не прошло это и мимо Плютов, правда, слегка зацепило. Гавриил Харитонович, в это время работал в Заготзерне, и его, в общем-то, ни за что осудили на три года. Срок он отбывал в Орше, откуда благополучно вернулся в сороковом.

А в сорок первом началась война. Нельзя сказать, что её не ждали. В предвоенные годы об этом много говорили, только ожидали где-то там, в будущем, но никак не завтра. А когда она пришла реально, то для многих это, действительно, оказалось неожиданным. Жизнь менялась самым непредсказуемым образом, и никто в сложившейся обстановке толком не знал, что делать.

Первое, о чём подумали родители, — увезти детей подальше от войны. Отец где-то раздобыл лошадь, забросил на подводу все необходимое и повёз семью в расположенную рядом с железнодорожной станцией деревню Лазуки. Заночевали у знакомых, а утром проснулись от раздирающего уши воя фугасных бомб и совсем близких разрывов. Бомбили соседнюю станцию Вятны. Маленький Гена выбежал во двор и тут же попал под удар взрывной волны. После бомбёжки его нашли в огороде между грядками, слегка присыпанного землей. С тех пор он стал заикаться, это полностью не прошло и сегодня. Сходили на станцию, она была разбита, часть путей разворочена взрывами, о поезде нечего было и думать. И ничего другого практически не оставалось, как запрягать лошадь и возвращаться домой.

Немцы заняли Чашники 5 июля и сразу начали наводить так называемый «новый порядок». На домах и заборах появились приказы. В них предписывалось безоговорочное подчинение установленному режиму, за невыполнение грозил расстрел без суда и следствия. Были созданы комендатура, управа и полиция, а город поделен на участки, за которые, отвечали старосты. Комендантом назначили Сороку — поляка из местных, хорошо знавшего немецкий, бургомистром — Голыню, а начальником полиции — Тисленка.

На тот момент евреев в Чашниках было около двух тысяч, и понятно, что в немецких приказах они заняли особое место. Им запрещалось в нерабочее время покидать дома, навещать друг друга, общаться с неевреями, выходить за пределы местечка. Всё это под угрозой расстрела. Как такового гетто в Чашниках не было, евреи жили в своих домах. Но все их дома располагались в центре, и смертью могло караться любое передвижение вне этой зоны.

Евреев обязали на одежде, на спине и груди, нашить или нанести краской жёлтые круги. А после проведённой регистрации эти правила ещё более ужесточились. Помимо жёлтых кругов они должны были носить нарукавную повязку с шестиконечной звездой, и такую же жёлтую звезду, только большего размера, прибить на свои дома. За несоблюдение опять же грозил расстрел.

Четвертая слева — Малка Дыкман (Маша Плют)

Сами немцы в этом почти не участвовали, всю грязную работу они переложили на русскую администрацию и полицию. Так что зверский режим для евреев был создан исключительно руками полицаев. Особым рвением в этом отличался заместитель начальника полиции Михаил Пахомов — сын репрессированного в тридцать седьмом учителя пения.

Ещё в августе, когда гонения на евреев только начались, Мария сходила в церковь, перекрестилась сама и перекрестила детей. Генриху священник оставил его имя, а Льву поменял на Лявон. Хотя сам парень отнёсся к этому без особого энтузиазма — в жизни он как раньше был, так и остался Лёвой. И кстати, после войны, увидев, что мать записала его в метриках Леонидом, тоже возмутился и спросил, зачем ей это надо. Но мать всегда лучше знает, что ребёнку надо. — А ты уверен, что это не повторится? — словно заглядывая в не-

— А ты уверен, что это не повторится? — словно заглядывая в недалёкое, хотя уже и мирное, будущее, спросила она сына.

А тогда, при немцах, это крещение вообще никак не помогло. В начале октября отца вызвали в комендатуру. Комендант Сорока до войны работал на бумажной фабрике, с отцом был немного знаком и как пострадавшему от советской власти отнёсся к нему довольно лояльно.

— Мы про тебя всё знаем, Плют. И про срок твой в тридцать седьмом знаем, так что предлагаем тебе идти служить в полицию. С женой придётся попрощаться, она должна жить с евреями. А дети? Это твои дети, они и останутся с тобой, никто их не тронет.

Немного подумав, Гавриил Харитонович осторожно ответил:

— В полицию не могу, здоровье не позволяет. А с женой, раз положено, разведусь.

Домой он вернулся сам не свой. Долго решал с женой, как из этой ситуации выпутаться, а утром взял лопату и стал расширять погреб. За три дня из одного погреба он сделал два. Их разделяла перегородка, в которой он проделал узкий и незаметный лаз. Днями Мария пряталась в этом погребе и поднималась из него только на ночь. Так продолжалось полтора года — с октября сорок первого по март сорок третьего, когда абсолютно непредсказуемая ситуация, вынудила её срочно бежать из дома.

Дети были строго-настрого предупреждены вообще не говорить о маме, на любой вопрос отвечать: «Живёт где-то в еврейском районе». Особо тщательно отец наставлял в этом маленького Гену. Он учил его поменьше говорить при чужих, на любые вопросы отвечать: «Не знаю». Если спросят, кто на фотографиях, говорить, дядя или тётя.

И ещё предупредил, что его могут угощать конфетами, а могут бить, только и в том и в другом случае нужно молчать.

Риск, что это когда-нибудь раскроется, конечно же, был. Только на войне трудно планировать что-то на будущее, поэтому делают то, что необходимо в конкретной ситуации. По-видимому, отец именно так и рассудил, и как оказалось, верно — в результате шестиконечные звёзды так и не появились ни на его доме, ни на рукавах у детей.

В тех же Чашниках были случаи, когда, оказавшись в аналогичной ситуации, люди решали этот вопрос совершенно иначе. Полицай Сахаринский тоже был женат на еврейке, но как только вышел указ, сразу же выгнал её из дома. А после лично участвовал в её расстреле и через пару недель женился на молодой.

Положение евреев в местечке тем временем становилось всё хуже и хуже. Совершенно не было продуктов. Ещё в начале оккупации немцы и полицаи выгребли практически всё. Кроме них, пользуясь безнаказанностью, не гнушались поживиться и соседи. Ближе к зиме голод стал страшный. Несмотря на смертельный риск, еду выменивали у крестьян на остававшиеся в доме вещи и только за счёт этого выживали.

Евреев использовали на самых грязных и тяжёлых работах: на расчистке улиц и дорог, на нефтебазе и железной дороге, на заготовке и колке дров, на добывании и сушке торфа. Для перевозки тяжестей вместо лошадей в телеги запрягали евреев. При этом со стороны охранников в их адрес постоянно сыпались угрозы, ругань и удары плетью. Каждый день разнарядку на работы получал старик Черейский — староста, назначенный немцами.

Евреи обязаны были кланяться любому начальнику, а им мог быть простой солдат или полицай. За несоблюдение нередко следовал удар кулаком или плетью.

Напротив дома Плютов была конюшня пожарной команды, возле неё стояла двуколка с бочкой для воды. Из окна частенько можно было видеть, как в неё запрягали старого еврея, затем на облучок садился полицай или немец и гнал вниз к берегу Ульянки. Там старик наполнял бочку водой и уже полную тащил вверх по улице. Если он падал, его избивали резиновым шлангом.

Ближе к зиме за убитого или выданного еврея немцы ввели премию — две пачки махорки. Ходили слухи о массовых расстрелах в Лукомле, Лепеле и Сенно. В Чашниках тоже чувствовалась скорая развязка, о ней знали, но ничего изменить не могли. Из-за сильных морозов невозможно было уйти в лес со стариками и детьми, на мест-

ных жителей тоже рассчитывать не приходилось — евреев прятать боялись. Эта трагедия закончилась 14 февраля. Все чашникские евреи были расстреляны возле деревни Заречная Слобода. Руководил расстрелом Михаил Пахомов.

Немногим всё-таки удалось бежать. Бежавших в следующие дни разыскивали по всем Чашникам и окрестностям — ходили по домам, расспрашивали соседей. Зашли и к Плютам. Лёва стоял у калитки, когда увидел направлявшегося к ним офицера. Его вёл мальчишка с соседней улицы, а когда они подошли, ткнул пальцем:

- Вот в этом доме жиды живут, а вот и сам жидёнок стоит.
- Как тебя зовут мальчик? спросил немец.
- Лев.

Это немца почему-то впечатлило — возможно, вспомнил грозного царя зверей.

- Ты еврей?
- Нет, белорус.
- Снимай штаны.

Но под штанами тоже ничего еврейского не оказалось. В следующую минуту, придерживая в руке топор, к калитке вышел отец — он, как специально, как раз в этот момент колол дрова во дворе. К счастью, топор оказался лишним, немец сказал: «Гут», махнул рукой и пошёл дальше.

Сопротивление оккупантам в Чашниках, началось с первых же дней, а в сорок втором там уже активно работали три подпольные группы. Задания, как правило, получали от партизан. В основном собирали информацию, кроме этого вели агитацию среди населения, и даже среди полицаев. Случалось, и сами проводили какие-то акции. Например, в сорок втором, к 1 мая, украсили город красными флагами. Самый большой из них повесили перед комендатурой. Снимал его сам комендант Сорока и подорвался на заложенной мине.

В группе, с которой был связан Плют, было ещё с десяток человек, среди них Чепик Кирил Петрович, его дочь Аня, Валя Васюта, Боркевич Нолька. Лёве с Геной тоже нашлась работа.

Полиция в Чашниках располагалась на Пролетарской улице, в сотне метров от их дома, а через дорогу от неё — здание гестапо. Молчаливый и рассудительный Гена был совсем как взрослый. Он знал в лицо каждого полицая, хорошо понимал, о чём говорят немцы, на улицах на него не обращали внимания, при нём не стеснялись говорить. А придя домой, он обстоятельно рассказывал отцу обо всём, что видел и слышал. Лёва был связным. Добытые сведения он нёс

в Паулье родственнику отца Ивану, а тот, в свою очередь, передавал их жившему в той же деревне партизанскому связному Лятохе.

Так было и в тот раз, а именно 5 марта 43-го года. Рано утром Лёва ушёл в Паулье — понёс добытые для партизан разведданные. А днём к ним в дом зашли двое незнакомых в штатском и увели отца. Гена в это время играл во дворе, отец только успел сказать на ходу:

— Сынок, иди домой и никуда не выходи.

Гена вернулся в дом, закрыл на засов дверь, залез на диван и, не сомкнув глаз, просидел всю ночь. Незадолго до рассвета из подвала поднялась мать. Обычно, когда было всё спокойно, её оттуда выпускал отец. Но на этот раз произошло что-то непредвиденное, и она не дождавшись, рискнула выбраться сама.

А через полчаса начали ломиться в дверь — это могла быть только полиция. Мать в это время была на кухне и спрятаться не успевала. Но делать было нечего, Гена пошёл открывать. Зашли двое — те, что вчера арестовали отца, а вслед за ними следователь Клещук. Он был невысокий и худощавый, с заострённым лицом, но одного вида этого человека в Чашниках боялись все. Его прислали из Витебска, на его счету было столько загубленных душ, что связываться с ним опасались сами полицаи. Договориться с ним было невозможно — ходили слухи, что он чуть не пристрелил женщину, пытавшуюся дать ему взятку. Хотя взятки охотно брали и немцы, и полицаи.

Все столпились в коридоре, из него дальше в дом, вели две двери, одна в комнату, другая на кухню, где пряталась мать.

- Ну с чего начнём? спросил полицай помоложе.
- Давай с погреба. Где у вас погреб?
- Вот он, показал Гена.

Клещук прошёл в комнату, а молодой полицай полез в погреб.

- Темно здесь, дайте лампу, послышалось оттуда через минуту.
- Где у вас лампа? спросил другой полицай.
- У нас нет лампы.
- Да сходи ты в участок, принеси фонарь, донеслось из погреба. Второй полицай ушёл, оставив дверь нараспашку. В этот момент на пороге кухни появилась мать. Она прижала палец к губам и выскользнула вслед за полицаем.

Мария быстро пересекла огород и спустилась к старому и сухому руслу Ульянки. Осторожно пробираясь вдоль него, вышла к дому знакомых и постучалась. Когда ей открыли, страшно удивились, — никто в Чашниках не сомневался, что она разделила участь остальных евреев местечка. Услышав её историю, сказали, что из города надо уходить,

потом осторожно вывели и показали безопасный путь к бумажной фабрике. Там тоже нашлись добрые люди, которые объяснили, как обойти посты, чтобы не нарваться на полицаев.

В Паулье Лёва передал всё, что нужно, Ивану и стал собираться домой. Но тётка Марфа, родная сестра отца, уговорила его остаться.

— Чего ты пойдёшь? Завтра соседи собираются в Чашники, подъедешь с ними, а сегодня оставайся.

Лёва послушал её и остался. Но на следующий день уехать тоже не получилось — соседи целый день собирались, но так и не собрались. Вечером он гонял футбол с деревенскими мальчишками, когда вдруг прибежала Марфина дочка и срочно позвала его домой. Он ещё не успел переступить порог тёткиного дома, как оказался в объятиях плачущей матери.

Тем временем в Чашниках полицаи провели в их доме обыск, но ничего не нашли. Следователь Клещук всячески пытался вытянуть из Гены хоть что-то. Вопросы задавал разные: кто бывал в их доме, с кем встречался отец, где его брат, но о матери вопросов не было — похоже о ней действительно не знали. На все вопросы у Гены были только два ответа — не видел, не знаю. В доме на стене висело много фотографий. Клещук начал спрашивать, кто на них, Гена отвечал так же однозначно — дядя или тётя. Тогда Клещук достал из портфеля и раскрыл перед ним коробку конфет. Но упрямый мальчишка заявил ему, что конфет не ест.

Клещук был на грани бешенства. Он со злостью рванул из кобуры револьвер, крутанул барабан и приставил ребёнку ко лбу. Гена видел, как палец следователя медленно спускает курок, и чувствовал, что ему конец. В следующий момент раздался щелчок и ничего не произошло. Тогда Клещук схватил мальчишку, поставил его на стул и изо всей силы ударил рукоятью револьвера в лицо. Гена упал и потерял сознание.

В себя он пришёл в тюрьме, его поместили в женскую камеру. Из шести сидевших там женщин четырёх он знал. В первую ночь его удивило то, что все почему-то спят на полу. Но, забравшись на нары, сразу понял, почему: его тут же начали заедать клопы. Гена улегся вместе со всеми и подсунул под голову шапку — больше в его постели чего-либо мягкого не было. В тюрьме не кормили, все питались тем, что приносили в передачах. Гене приносить их было некому, и ел он только то, чем с ним делились женщины, и то, что тихонько стащит у них ночью.

Однажды к ним в камеру бросили молодую женщину, она была без

сознания. Её уводили каждый день, пытали, а затем полуживую снова бросали в камеру. Так продолжалось месяца три, после её расстреляли.

В Генину обязанность входило ежедневно выносить парашу — это было обычное ведро с нечистотами. Как-то раз, проходя с ним по коридору, он услышал из мужской камеры голос отца:

- Это ты, сынок?
- Я, папа.
- Из камеры напротив мне должны передать закурить, подсунь цигарку под дверь.

С другой стороны коридора под дверью появилась самокрутка. Гена забрал её и сунул под дверь отцу. После этого отец сказал:

— Когда выйдешь, пролезь под ворота и уходи в Паулье.

Подойдя к воротам, Гена понял, что пролезть не сможет — щель под ними была слишком узкой. Он стал искать палку, чтобы подкопаться, но в этот момент во двор вышел полицай и заорал:

- Ты что там делаешь?
- Парашу выношу.
- А где параша?
- В уборной.
- Быстро забирай и иди в камеру!

Похоже, полицаи что-то заподозрили. После того случая он парашу больше не выносил.

Мария с сыном две недели прожили у Марфы. Потом их переправили к партизанам, в штаб бригады Дубова. Обоих сразу зачислили в хозчасть. В то время штаб ещё находился в Лепельском районе, в Чашникский, на Московскую гору, его перебазировали позже. Мария до конца проработала в пекарне, а Лёва за это время сменил не одну профессию. Он пас партизанских коров, был костровым, а летом его определили напарником к Ивану Подолинскому — инвалиду финской войны. Они разъезжали по деревням, собирали продукты, одежду и разную утварь.

Не каждый раз такие рейды проходили гладко, всегда был риск нарваться на немцев или полицаев. Однажды это и произошло. Деревня Ляховичи находилась на границе партизанской зоны, и немцы в ней появлялись редко. Как обычно, заехали к старосте, он усадил их обедать, а сам пошёл по домам собирать кто что даст, но через пять минут вернулся и ещё с улицы закричал:

— Быстрее, со стороны Чашников въезжают немцы и полицаи! Лёва с Иваном на ходу запрыгнули в телегу и погнали к лесу. Сзади слышалась беспорядочная стрельба, но лес был рядом, а там их уже преследовать не стали. После этого случая Мария пошла к начальнику штаба и попросила перевести сына куда-нибудь с этой должности.

— Мой муж и младший сын в тюрьме,— сказала она.— Неизвестно, что с ними будет. У меня остался один сын, и я не хочу его потерять.

Начштаба пошёл ей навстречу — Лёву перевели в разведку. Ему выдали короткоствольную винтовку с укороченным прикладом, пару десятков патронов и две гранаты. С этого дня он уже ходил в разведку и боевые рейды наравне со взрослыми.

Гена стал в тюрьме старожилом, с тех пор, как его арестовали, прошло больше пяти месяцев. За это время его раз десять вызывали на допрос и при этом постоянно избивали. Клещука всегда интересовало одно и то же: кто бывал у них дома и с кем встречался отец. Но Гена по-прежнему молчал. Однажды он проснулся от какого-то шума. Из коридора доносились крики, чей-то плач, и среди всего этого, он услышал голос отца:

— Прощай сынок.

Через три дня одна из женщин обняла его и спросила:

- Ты знаешь, что папу расстреляли?
- Знаю.
- Откуда ты знаешь?
- Я слышал, как его уводили.

Прошло ещё два дня, и его вызвали к начальнику полиции. Ещё в коридоре Гена услышал обрывки разговора, и понял, что речь шла о нём.

- Да чего тут думать? Пристрелить его и выбросить в уборную. Это был голос Клещука.
- Не стоит, лучше отправим его в Германию, там из него сделают нашего человека. Это уже говорил Новиков, командир карательного отряда личность не менее одиозная, чем Клещук. В прошлом активный комсомолец, а в настоящем такой же активный палач и убийца. Кроме этих двоих в кабинете был ещё третий начальник полиции Тисленок.

От наказания в конечном итоге никто из них не ушёл. Тисленка и Пахомова судили и повесили сразу после войны. С Новиковым это произошло даже раньше. Подпольщики подбросили ему записку, в которой поблагодарили за проданное партизанам оружие. Взбешённые полицаи, не разбираясь, вздёрнули его прямо возле здания гестапо. Немцы заподозрили в записке фальшивку, увидев в окно расправу, выбежали и сняли его. Только было уже поздно.

А вот Клещуку удалось скрыться, нашли его только в шестидесятых. Он жил в Донбассе под чужой фамилией, работал бригадиром

на шахте, был ударником и даже орденоносцем, его портрет висел на городской Доске почёта. Это его и сгубило. Бывшая заключённая чашникской тюрьмы, чудом выжившая в сорок третьем, именно по этому портрету и опознала палача. Это лицо ей запомнилось на всю жизнь. Клещенка судили и приговорили к расстрелу.

Но всё это будет позже, а пока они ещё чувствовали себя полновластными хозяевами жизни.

Гена вошёл в кабинет. Тисленок с минуту помолчал, потом кивнул Новикову:

— Ладно. Сходи, позови Шуру.

Через минуту в кабинет зашла женщина, это была Шура Шумская. Её брат Мишка служил в полиции, а муж, тоже полицай, погиб в перестрелке с партизанами.

— Забирай его,— бросил ей Тисленок. — И приведи в человеческий вид.

Шура жила возле кладбища, идти туда было чуть меньше километра, только Гена от истощения идти не мог вообще. Он падал, поднимался, шёл, опять падал и опять поднимался. На руки взять его Шура тоже не могла — с головы у него буквально сыпались вши. Дома протопили баню. Гену подстригли, отмыли, а полуистлевшую одежду бросили в печку, потом покормили и уложили спать. Впервые за много месяцев он спал в нормальной постели.

Был август, Гена начал приходить в себя, прошло больше недели, как его выпустили из тюрьмы. Как-то ночью его разбудили, велели быстро одеться и сказали, что нужно уходить. Вечером, перед этим, он заметил какие-то сборы, но вопросов, как всегда, не задавал. От дома напрямую пошли в сторону льнозавода, он находился на той стороне Ульянки. Хотя неподалеку и был мост, переходили её вброд. Мишка при этом держал на руках Гену, а Гена — его винтовку.

Шура с братом уже давно собирались уйти к партизанам, но боялись, что не примут, а то и пустят в расход, не особо разбираясь. А здесь им выпала козырная карта — ведь они спасали сына расстрелянного подпольщика. И это действительно сработало, Гена стал для них настоящим пропуском, их приняли и даже не стали допрашивать.

В деревне Дворец, где Гену оставили у родственников, он пробыл недолго, оттуда его переправили в Паулье, и там у Марфы он оставался до освобождения Чашников. Шура Шумская погибла вместе с бойцами своего отряда, в сорок четвертом во время блокады.

20 октября сорок третьего в районе началась крупномасштабная

операция, участие в ней приняли восемнадцать партизанских бригад. Планировалось освободить Чашники и ликвидировать в Лепеле и Камне Народную армию Каминского. Занять Чашники предстояло бригаде Дубова. Началась подготовка — нужно было знать всё о состоянии немецкого гарнизона. За этими сведениями Лёва ходил в Чашники трижды, передавал их ему Нолька Боркевич. Их группа осталась целой и продолжала работать, погиб один лишь отец — он выдержал всё и никого не выдал.

Бои продолжались три дня. Немцев выбили с занятых позиций. После чего они засели в зданиях костёла, больницы и школы, и, безуспешно пытаясь вырваться, провели четыре контратаки. Но, к концу третьего дня к ним подошло большое подкрепление — возникла угроза окружения, и партизаны вынуждены были отойти.

Весной сорок четвертого, после разгрома партизанской зоны в Ушачах, в мае и июне немцы продолжили карательные операции в соседних районах. Не имея возможности противостоять явно превосходящим силам, бригада Дубова в первой половине июня вынуждена была укрыться на Поляковом болоте. На остров посреди болота, шли по связанным из тонких стволов и кустарника греблям, которые сразу же за собой убирали.

А 22 июня началось наступление советских войск. Через несколько дней командир вызвал Лёву, выделил в помощь ему ещё четырех пацанов и поставил задачу:

— Сейчас вас проведут через болото, выясните, где немцы и есть ли они вообще. А когда вернётесь, вас встретят.

Ребята двигались осторожно, где перебежками, где ползком, а когда вышли к дороге, увидели советские танки. Крича и размахивая руками, в неописуемом восторге они выбежали из леса.

- Что это за дети? спросил, показавшись из люка, командир головного танка.
 - Мы партизаны!
 - А где остальные?
 - Там, на болоте.
 - Пошли, посмотрим.

Он, а с ним ещё несколько человек направились вместе с ребятами в сторону болота. Так встретились партизаны бригады Дубова с нашими войсками, произошло это 25 июня. А 27 июня уже были освобождены Чашники.

Когда Мария с сыном вернулись в дом, узнала, что в нём был немецкий госпиталь. Похоже, бежали немцы в большой спешке, потому

что побросали всё — в комнатах застеленные койки, а во дворе — голодную овчарку.

Через три дня из Паулья привезли Гену. Мария устроилась продавщицей в хлебный магазин, районные власти выделили им корову — началась новая мирная жизнь. В сентябре дети пошли в школу, Лёве было пятнадцать, до войны он закончил три класса, его определили в пятый. А Гену, как положено, — в первый.

Вопрос, кто тогда, в сорок третьем, выдал отца, так и остался открытым. О том, что он прячет дома жену, не знал никто. В группе арестов тоже больше не было, и она продолжала работать до самого освобождения. Могли это сделать жившие рядом полицаи Капуста или Садовский, и то чисто по подозрению, ведь ничего конкретного на отца так и не нашли.

Почему в этот же день не забрали Гену? Вероятно, за домом следили, ждали, что кто-то придёт, и если бы мать попыталась уйти ночью, её бы тут же взяли. И это случилось бы, не пойди полицай за фонарём. Не уговори тётка Лёву остаться в Паулье, скорее всего, его бы расстреляли вместе с отцом, ведь ему уже было четырнадцать. И неизвестно, какая судьба ожидала Гену, если бы его не спасла Шура Шумская. Возможно, это и совпадения. Но не слишком ли их много? Может, и был всё-таки у семьи какой-то ангел-хранитель?

Мария впоследствии вышла вторично замуж, родила ещё одного ребёнка. Её старший сын закончил пединститут, преподавал в Чашникском районе историю и немецкий, был директором Дома пионеров, инспектором РОНО, председателем райкома профсоюза. Младший стал строителем, работал прорабом на больших стройках. Строил атомные электростанции в Игналине, Актау и Новолукомльскую ГРЭС у себя на родине.

Братья Плют живут в Чашниках. Генриху Гавриловичу 82 года, у него своя квартира, а Леониду Гавриловичу уже исполнилось 90, и он по-прежнему живёт на улице Пролетарской, в том самом доме N 30.

С братьями Плют беседовал Семён ШОЙХЕТ.

Автор выражает благодарность за помощь, оказанную при написании очерка, директору Чашникского исторического музея Костянко Галине Григорьевне.

Историческая справка

Накануне Великой Отечественной войны в Чашниках проживало более 2 тыс. евреев, и после захвата города немеикофашистскими войсками, 5 июля 1941 года здесь было создано гетто. Евреям не разрешалось покидать местечко, но территория гетто никак не была огорожена, а поскольку евреи жили компактно в центре города, то их оставили в собственных домах. Вскоре немцы провели регистрацию всех евреев Чашников и обнародовали приказ, что еврей, встреченный в сельской местности, подлежит расстрелу. Евреев использовали на тяжёлых принудительных работах: расчистке улиц и дорог, работах на нефтебазе и железной дороге, резке шпал, колке дров, заготовке торфа, старых женщин заставляли тщательно выщипывать траву у тротуаров. В сентябре ноябре 1941 года, до сильных морозов, примерно 200 евреев помоложе использовали на торфозаготовках недалеко от Чашников. Держали узников в старых бараках и ничем не кормили, негласно позволяя ночами обменивать вещи на продукты в ближних деревнях. Нередко немцы и полицаи издевались над евреями: около пожарной части постоянно находилась большая бочка на колесах, и они запрягали в неё пожилого еврея, сами садились на бочку и ехали к реке. Там еврея заставляли наполнить бочку доверху и полную прикатить обратно. Массовый расстрел узников гетто произошёл в начале февраля 1942 года. Немцы приказали трудоспособным евреям-мужчинам собраться вместе якобы для временной работы. Когда собралось примерно 200 человек, их повели в сторону деревни Заречная Слобода, и на мосту через речку Ульянку полицаи открыли стрельбу по ним. Через несколько дней после этого, 11 (по другим данным — 13 или 14) февраля 1942 года гетто было уничтожено. Утром немцы отослали большую группу еврейской молодёжи на расчистку дороги от снега возле деревни Коптевичи, удалив таким образом самых активных и сильных евреев из местечка. Всем оставшимся приказали к 16.00 собраться в центре Чашников в районном Доме культуры. Евреи поняли, что их ждёт, и многие не пришли в назначенное время, поэтому полицаи на лошадях окружили улицы, где жили евреи, выгоняли людей из домов и гнали к зданию Дома культуры. Узники провели там всю ночь. На следующий день в 10 часов утра колонну евреев повели по Слободскому мосту через речку Ульянку к песчаному карьеру в четырёх километрах от Чашников, у деревни Заречная Слобода. Всего в этот день было расстреляно около 2 тыс. евреев.

Историческую справку подготовил Константин КАРПЕКИН.

Наш гость Ада Райчонок

Есть люди, любое общение с которыми не только надолго остаётся в памяти, не только не обременяет, а наоборот приносит радость. Как будто они делятся с тобой своей целеустремлённостью, мудростью и добротой.

Я много лет знаю Аду Эльевну Райчонок, и каждая встреча с ней — это хорошее настроение и новые впечатления. Несмотря на солидный возраст, она по-прежнему энергичный человек, во всяком случае, таким старается выглядеть на людях. У неё много горестных мыслей, но она ни на кого их не перекладывает — сильный человек. И таким её сделала жизнь, которая с раннего детства испытывала на прочность. В Германовичах в доме у Ады Эльевны были вкусные угощения, но самое главное — был интересный разговор. И ради этого стоило ехать в Шарковщинский район. А это, прямо скажем, неблизкий путь.

— Мы с Вами земляки, из Витебска. Расскажите о своём детстве,

о родителях. Что вспоминается из витебского периода жизни?

— Конечно, мы земляки. Я родилась в Витебске в 1937 году.

Я дочка двух народаў,

І тым ганаруся,

Але я беларускай з маленства лічуся.

Беларуская матуля мяне гадавала

I ў часы ліхалецця ад бяды зберагала.

Але жах Халакосту я спазнала тады,

I мне сняцца расстрэлы праз гады, праз гады.

Але бацьку-яўрэя адабрала вайна,

I сіроцкую долю я спазнала спаўна.

- Чьи это стихи, Ада Эльевна? спросил я.
- Мои, ответила она.

И продолжила своё стихотворение:

Вось чаму я страшэнна баюся вайны.

Ужо выраслі ўнукі, пастарэлі сыны.

Не хачу я, каб ім давялось ваяваць

I сваёю крывею зямлю паліваць.

На ідыш мая размаўляла бабуля,

А на трасянцы — матуля.

Я не ведаю ідыш,

Не мая ў тым віна.

Ва ўсім вінавата вайна.

Моя мама белоруска, а папа — еврей. И самые мои первые воспоминания, самые детские — это мой папа, который был студентом Витебского политехникума. Лежит дома больной и держит в руках конспекты, готовится к зачёту или экзамену, а я маленькая, ползаю по нему, «помогаю» готовиться к экзамену.

И ещё ранние воспоминания. Витебск горит, дышать нечем, мы жили в районе хлебозавода, он был сразу за нашим забором. И вот нас перевезли на другую сторону Западной Двины, там было меньше дыма, и нам, детям, мочили платочки и прикладывали к лицу, потому что нечем было дышать. И приехал папа, он прощался со мной и с мамой. Это самое трогательное воспоминание.

- Как звали Ваших родителей?
- Маму Паша, Прасковья, а папу Эля.
- Как мамина девичья фамилия?
- Белякова. Мама со Старого Села, это Витебский район, была деревня Побединщина.
 - А папа?

- Аронов Эля.
- Они работали, учились?
- Папа был студентом. Он поступил учиться в 1937 году, когда я родилась. Ему трудно было учиться, времена были тяжёлые, мама работала на фабрике «Профинтерн» начальником цеха. А папа подрабатывал музыкантом, играл в духовом оркестре. Вот так мы и жили.
 - В семье были ещё дети?
- Кроме меня, никого не было. Не успели. Папа получил диплом 28 июня 1941 года, уже неделю шла война, и немцы наступали на восток.

Я думала, что в политехникуме есть музей, и отдала туда папину выпускную фотографию и его диплом. А теперь жалею. Я не думала, что когда-то сама сделаю музей, и будет у меня комната, посвящённая Холокосту.

Потом пришли в Витебск немцы. В доме на одном коридоре с нами жила добрая-добрая старушка Лиза, аккуратненькая, беленькая. У неё всегда водились деньги, а у нас всегда трудно было с деньгами, и мама часто одалживала у этой Лизы. Она оказалась резидентом немецкой разведки в Витебске. Я в окошко видела, как подъехала машина, и офицеры в чёрных мундирах подвели её к машине, честь ей отдавали. Потом она хозяина своей квартиры устроила переводчиком в управу.

Мне было запрещено выходить на улицу. Мне было четыре года, мама боялась за меня. Но я обманула её и однажды выскочила на улицу. Не знаю, сколько пробыла там, мимо шёл немецкий офицер в чёрном, мне запомнилось, что у него был кортик. Он меня за руку повёл в гетто. А гетто было рядом с нашим домом, на берегу Западной Двины. Столько лет прошло, а я теперь могу нарисовать очертания того помещения, где мы находились.

Мама не знала, где я, с ума сходила. Сколько я там пробыла? Никогда не спрашивала об этом, а когда захотела узнать — мамы уже не было. Мне было очень плохо в гетто. Представляете, четырехлетний ребёнок оказался среди незнакомых людей. Дети плачут, нервничают взрослые, постоянно кушать хочется. Люди со мной делились, хотя сами почти ничего не имели, успокаивали меня.

- Хоть кто-то знакомый был?
- Я никого не знала. Маленькая была. Мама думала, что меня, наверное, убили. Кто-то ей сказал: «Ищи её в гетто». Она пошла и увидела меня. Все соседи немцам говорили, что я не еврейский ребёнок. Сосед, старый холостяк, сказал маме: «Выходи за меня замуж, и я скажу,

что я отец ребёнка». И мама пошла на такую жертву ради меня. Меня выпустили из гетто.

- А Лиза, резидент немецкой разведки, не выдала Вас?
- Она не выдала, не выдал меня и сосед. Фамилия его была Бенос, имени не помню. Дочка его Лиза, почти ровесница мне, даже кушать приносила.

Выжили мы только благодаря тому, что когда горел хлебозавод, папа принёс мешок хлеба и сколько-то бутылок масла. И вот благодаря воде, хлебу и этому маслу мы выжили как-то.

Мама пошла работать на хлебозавод, и отчим пошёл туда работать. Потом я ещё раз убежала от мамы.

- Почему?
- Хотелось на улицу. Дети сказали: «Надо жидовочку наказать». Бросили меня на колючую проволоку. Я поранилась вся. У меня было заражение крови. Кричала день и ночь от боли. Мама на работе была. Я одна оставалась.

Была подпольная организация, и у нас дома собирались подпольщики. Приходил врач Стож, он меня лечил. Есть книга «Витебское подполье» (Н. И. Пахомов, Н. И. Дорофеенко, Н. В. Дорофеенко, «Беларусь», Минск, 1969), там написано про подпольную группу, что собиралась на Мало-Ильинской улице.

Отчима звали Женя Баранов. Его родной брат Николай Рябов по заданию подполья пошёл в полицию, и он помогал нам.

У мамы была сестра. Она была женой командира партизанского отряда Ковалёва Николая Петровича. Немцы искали его семью. Пришли арестовывать. Они жили в деревне Поргуново, это Шумилинский район. Мамина сестра выскочила голая через окно и удрала. Детей не тронули, именно её хотели взять. А потом она ночью пришла, детей забрала и отцу отвела. Но мама поехала, детей забрала, ей брат Иван помогал, и всех привезла к нам домой. У маминой сестры было три маленьких ребёнка. Жили все у нас. Правда, долго не пришлось им у нас пробыть, потому что кто-то выдал. Пришли и забрали, до сих пор у меня в ушах стоит крик, когда выволакивали их из дома. А потом и нас забрали. Меня в сандаликах довоенных, хотя прошло уже два года, нога у меня выросла, и, эти сандалики мне буквально вбили ногу. Везли нас на открытой грузовой машине. У меня ноги зашлись от холода.

- Куда везли?
- В Лепель. И там мы были в концлагере. Там было много людей. Что ещё в памяти? Когда была блокада на Ушаччине, пригнали пар-

тизанские семьи в лагерь. Там были казармы, комнатки, клетушечки маленькие. Там только стояли кровать и столик. Я никуда не могла выйти. Мама запретила. Была под замком. И тут прибыли партизанские семьи. Мне казалось, что они должны быть какие-то особенные. Так хотелось посмотреть на них. Я сорвалась и побежала. Увидела, что их разместили в обыкновенном хлеву, где коровы стояли. Женщины стелили какие-то подстилки и клали на них детей. Они плакали, крик стоял. У меня в памяти осталась одна девочка, раненная в ногу. Плакала всё время. Представляете, мы с ней встретились через 70 с лишним лет. Я была в Юрцево, там санаторий для ветеранов войны. По вечерам собирались и разговаривали. «Где ты была?», — «Где ты?». Она стала рассказывать, что была в Лепеле в концлагере.

Я спрашиваю:

— В коровнике?

Она подтвердила.

Я говорю:

- Раненая девочка лежала и плакала.
- Так это же была я, сказала моя новая знакомая.

Её зовут Клавдия Иванова, она из Ушачей. Сейчас мы с ней иногда перезваниваемся. Так у меня появилась новая подруга.

- Вы пробыли в Лепеле до освобождения?
- Нет, немцы, когда отступали, погнали нас дальше на запад. Я помню, что из детей была я одна. Босая шла с мамой, отчимом. Самое дорогое богатство у меня было я несла два мешочка, в одном фотографии отчима, его семейные, в другом фотографии моих родственников. Мы ночевали под открытым небом. Немцы с собаками были, как самое страшное, я вспоминаю переправу через Березину. Немцы пустили нас и свою военную технику вместе, потому что в это время налетели советские самолёты.
 - Это уже был 1944 год...
- Самолёты бомбили переправу. Ужас. Через мост надо было бежать. У меня мешочки с фотографиями. Отчим рванул меня за руку и мешочек с его фотографиями выпал у меня, к счастью, мои фотографии остались. Падали раненые, убитые. Кровавое месиво.

Потом нас снова гнали на запад. И я хорошо помню итальянцев. Они сидели в Докшицах в концлагере. И нас около них прогнали. Страшные, измождённые все в немецком лагере итальянские солдаты. Как они там оказались, не знаю. Просили у нас: «Хлеба, хлеба». Мы отошли, может, с полкилометра и услышали пулемётные очереди. Немцы расстреливали итальянцев. Потом подъехал на мотоцикле какой-то

офицер, что-то сказал нашим конвоирам. Конвоиры знали польский язык и предупредили нас: «Удирайте» — и стали стрелять вверх. Наверное, не хотели брать грех на душу. А мы упали и поползли по полю.

А вскоре мы встретили советские войска. Как раз в это время у мамы начались роды, и солдаты принимали моего брата. Помню, молоденький солдатик пришёл, показал мне брата и говорит: «Назовите его Лёней». Так Лёней его и назвали. Он сейчас в Полоцке живёт.

- Война закончилась. Отец не вернулся? спросил я.
- Мы не знаем, где он. Когда немцы гнали пленных, папа был среди них. Мамина какая-то знакомая видела его. Он ей сказал, что их гонят в Лепель. Мама пошла в Лепель, но его не нашла.

Отца оставили эвакуировать оборудование политехникума. Он ведь только получил диплом. Немцы пришли. Не успели они уйти. Он попал в эту катавасию. Может, лет 15 или 20, как я перестала его искать. Такой слух прошёл, будто бы он был в партизанах. Мой дядя служил военным цензором на Украине. Подошёл к нему как-то человек и спросил:

- Вы Аронов?
- Аронов.
- И у вас брат есть? Илья?
- Есть.
- Так мы вместе с ним воевали в одном отряде.

Дядя растерялся от такой новости. А когда пришёл в себя, человек этот уже ушёл. Он побежал за ним, но не догнал.

- Закончилась война. Сколько вам лет было?
- Восемь лет. Я пошла в школу в Парафьяново. Это нынешний Докшицкий район. Мы остались там жить в железнодорожной будке, недалеко от леса. Когда немцы отступали, они подожгли склады, и отчим наносил много горелого пшена. Мы это ели, другой еды не было. Я до сих пор не могу есть пшено. Очень много было грибов опят. Собирали, мама варила их, и носили к поезду, продавали и с этого жили. А потом мама устроилась на работу, её взяли сборщиком налогов. Один день она была в Парафьяново, а потом ездила в другие города, местечки. Я один день даже в школу не ходила маленького брата смотрела, в няньках была. Один класс я в Парафьяново окончила. Плохо нам было жить. Потом училась в Нововилейке, Полоцке. Мой дядя Семён Аронов забрал меня к себе. Я поступила учиться в Полоцкое педучилище. Там было два отделения школьное и пионерское. В принципе, одни предметы, но на пионерском ещё преподавали танцы. И это сказалось на всей моей карьере. На сцене я танцевала

с пятого класса и до пенсии. И только недавно перестала заниматься самодеятельностью. В день рождения Василя Быкова у него на родине собирается много интересных людей. Я раньше готовила там концерт.

После учёбы я 14 лет отработала в Слободской школе и сделала там свой первый музей. Подружилась с Иваном Павловичем Сикорой, это наш белорусский Мичурин.

Так получилось, за что бы в жизни я ни бралась, у меня всё получалось. Я много лет отработала в школе и горжусь своими учениками, открыла пять музеев, картинную галерею...

Часть вторая

Горжусь своими предками

Из гостеприимного дома Ады Эльевны мы перешли в музей и картинную галерею. Здесь всё сделано её руками. Помогали бывшие ученики, которые уважают и любят свою учительницу, несмотря на то, что уже прошло немало лет со дня их выпускного вечера.

Мы говорили про деда, бабушку — людей, которые оставили заметный след не только в истории семьи, но и в истории всей страны.

- Расскажите про деда, отца вашего отца, попросил я.
- Мой дедушка Аронов Хаим Шоломович известный революционер. Бабушка рассказывала мне про него. Он служил во время Первой мировой войны в армии. И как коммунист вёл нелегальную работу среди солдат. Моя бабушка была очень красивая женщина. Обёрнутая прокламациями и газетами, возила их к деду в окопы. Офицеры никак не могли догадаться, что эта красивая толстушка делает.

У Хаима Аронова революционная биография. Он сидел в «американке», это тюрьма в Минске, где сидело много революционеров. Потом деда выслали под надзор полиции. Он поехал в Докшицы, открыл сапожную лавку, и она долгое время была конспиративной квартирой. Когда Западная Беларусь была под Польшей, дед был тесно связан с революционерами-подпольщиками Ваупшасовым и Орловским.

Ваупшасов Станислав Алексеевич в 1920 – 1921 годах находился на подпольной работе в Западной Беларуси. В дальнейшем советский разведчик, полковник, Герой Советского Союза.

Орловский Кирилл Прокофьевич был на революционной работе в Западной Беларуси. За его поимку польские власти давали в 1924 году 10 миллионов марок. В дальнейшем Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда.

— Из дедовой лавки, они отправлялись на диверсии, — продолжает

рассказ Ада Эльевна. — Теперь я с других позиций на это смотрю. Они убили ни в чём не повинного мирного человека по фамилии Ширин, он был в прошлом полковником. С их позиций, они сражались за счастливое будущее, только убивали ни в чём не повинных людей.

- Что дальше было с дедом?
- Дед заболел. Его пришли арестовывать, а он уже был при смерти, и тогда полиция взяла под надзор его дом. Дед умер в 1926 году. Бабушку с четырьмя детьми перевезли на советскую территорию. И уже здесь её арестовали как польскую шпионку. Судили и даже приговорили к расстрелу. Но в её вещах нашли фотографию большого советского начальника. Показали ему, он оказался близким другом деда. Этот человек сказал, чтобы бабушку выпустили из тюрьмы. Детей вернули, они были в детском доме. Они стали жить в Витебске. У меня где-то есть снимок, я маленькая у бабушки на руках.

Часть третья

Музейная

- Ада Эльевна, мы находимся в комнате Вашего музея, которая посвящена Холокосту в Германовичах, Лужках в Шарковщинском районе. Вы исследуете историю этого страшного времени в здешних местах. Расскажите, чтобы люди знали, что здесь произошло.
- Трагедия была. Мы издали книгу о Германовичах, и там есть страницы, посвящённые еврейской теме. Есть список погибших евреев, которых я сумела выявить, 293 человека. Их расстреливали в Шарковщинском гетто, некоторые попали в Глубокское гетто, а несколько человек и тут, в Германовичах, расстреляли.
 - До войны в Германовичах жило много евреев?
- До тридцати процентов, а то и больше. Евреи держали лавки и давали людям товары «на повер», то есть под честное слово. И ремесленники были, и торговцы, и землю арендовали. Жили как все. Не воевали между собой люди разных конфессий. Хотя, конечно, по-разному относились к евреям.

Война всё нарушила. Было такое семейство Мильнеров — богатые люди. Они доверились одному хуторянину, а он их сдал немцам. И расстреляли их там на хуторе Дементьев. Погрузили на одну телегу, один на одного, и у одной из сестёр коса тянулась по земле, когда ехала телега.

— Ада Эльевна, на пленэр, посвящённый Холокосту, который Вы организуете, приезжают художники, которые не знакомы с этой темой. Что Вы им рассказываете?

— Мы ходим по старым людям, они нам рассказывают, что здесь было, и под этими впечатлениями художники пишут картины.

Мне уже много лет, но я не могу оставить работу, которую делаю. Потому что работаю за себя и за тех мальчишек и девчонок, которые были со мной в гетто и остались в витебских рвах. Я, наверное, одна уцелела из многих. Это, наверное, даёт мне силы и заставляет что-то делать.

Мы провели выставки почти по всей Беларуси, меня после этого пригласили в Германию, я там тоже рассказывала о том, что здесь было в годы войны.

- Ада Эльевна, Вы по жизни очень энергичный человек. В советские времена были награждены медалями и грамотами Верховного Совета БССР, Центрального Комитета КПБ за педагогическую и общественную работу. Сейчас Вас отмечают. Вы лауреат премии Быкова.
- Недавно, к столетию БНФ, меня наградила медалью Ивонка Сурвилла. Она председатель Рады БНР, живёт в Канаде.
- На прощание я пожелал Аде Эльевне: «До 120!» и добавил: «С такой же энергией и такой же любовью к жизни!»

С Адой Райчонок беседовал Аркадий ШУЛЬМАН.

Историческая справка

Лепельский концлагерь. Лепель был захвачен немецкофашистскими войсками 3 июля 1941 года. Практически сразу начались расстрелы представителей советской власти, коммунистов и еврейского населения.

В Лепеле оккупационными властями была создана тюрьма и лагеря для военнопленных и мирного населения. Тюрьма находилась в одном из зданий на современной ул. Горького.

По воспоминаниям местных жителей, в Лепеле существовало несколько лагерей для военнопленных. Основная их часть располагалась на южной окраине города, вдоль нынешней улицы Чуйкова, от шоссе Витебск — Минск до озера Святого. Здесь не было никаких построек, и пленные содержались под открытым небом. Единственным укрытием от дождя и солнца были шалаши-землянки из веток и дерна, сооруженные самими узниками. В лагере часто случались эпидемии дизентерии, всех умерших хоронили рядом с территорией лагеря. Некоторых пленных удалось выкупить родственникам, остальных же фашисты с течением времени перегоняли в другие лагеря.

Также имеются сведения и о других лагерях: с сентября 1941 года до августа 1943 года в Лепеле существовал стационарный шталаг, один из лагерей для военнопленных и мирного населения был расположен на территории военного городка (госпиталя). В последнем первоначально насчитывалось около 1 тысячи узников. Численность заключенных резко возросла после карательных операций «Котбус» (проведена в мае — июне 1943 года с целью уничтожения партизан в районе Лепель — Молодечно) и «Праздник весны» (апрель — май 1944 года).

Кроме того, с начала июля 1941 года в Лепеле существовало гетто, которое было ликвидировано в феврале 1942 года.

Заключённых расстреливали в нескольких местах, в том числе сразу за тюрьмой, в городском саду. По примерным данным, всего там было убито около 1 тыс. советских граждан.

Расстрелы производились также возле дороги, ведущей из Лепеля в Полоцк. Здесь было обнаружено 4 ямы длиной около 10 м и глубиной до 9 м. В каждой яме были выявлены останки около 100 человек, а в одной из ям — 450 человек.

Кроме того около 1 тысячи мирных жителей и военнопленных было убито фашистами на территории еврейского кладбища.

Расстрелы военнопленных и мирного населения производились на территории белорусского кладбища. После освобождения Лепеля советскими войсками на его окраине было обнаружено 18 могил, в каждой из которых было похоронено по 10 – 20 человек.

Историческую справку подготовил Константин КАРПЕКИН.

Война, изменившая судьбу

Когда началась война, Татьяне Захаровне Савицкой, или тогда ещё Тане, было одиннадцать лет. Она жила со своими родителями на хуторе Жары в Суражском районе Витебской области, в школу ходила в соседнюю деревню, была отличницей. Её отец прошёл Первую мировую, потом в Гражданскую войну ещё три года воевал за Советскую власть, вернулся с войны инвалидом. В колхоз, когда их начали создавать, вступил первым и был там одним из самых уважаемых людей.

В сороковом и сорок первом годах в районе начали ликвидировать хутора, свозить их в большие посёлки. Жителей Жаров, где было с десяток дворов, переселили в деревню Казаново. В первую очередь людям помогли перевезти дома, сараи же и прочие дворовые постройки ещё оставались на хуторе до самого начала войны.

О том, что она началась, узнали сразу — утром 22 июня эта информация поступила в сельсовет. Широкой телефонной связи в сельской местности тогда не было, по деревням разъезжали мужчины и парни верхом на лошадях, неся людям тревожную новость. С вечера того же дня мужчины стали собираться — началась мобилизация. Всю ночь они с гармошкой ходили по деревне, заходили

в каждую хату, прощались. Женщины плакали, обнимали их, а уже следующим утром проводили на призывной пункт.

Немцы в деревне появились спустя три недели после начала войны — 13 июля. За день до этого командир расположенного в этом районе 25-го стрелкового корпуса генерал Честохвалов, ещё в глаза не видя противника, отдал приказ отступать. Началось паническое бегство. 14 июля, спохватившись, он всё-таки решил организовать прикрытие. Для этого кое-как собрали остававшиеся в распоряжении штаба корпуса части. Под Казаново был дан бой, в результате которого почти вся деревня сгорела, а уцелевшие дома впоследствии разобрали немцы. Брёвна от этих домов пошли на строительство дороги на Велиж, люди её так и называли — «немецкий асфальт».

Ещё толком не успевшей обустроиться на новом месте семье пришлось снова возвращаться в Жары и перестраивать оставшийся там сарай под жилой дом. Таню на это время отвезли под Сураж в деревню Любщина к старшему брату, у которого уже была своя семья и двое детей. Как раз около этой деревни 2 августа 1941 года в овраге Городище были расстреляны суражские евреи. Этого Тане увидеть не пришлось, ей лишь показали могилу, и случайно она нашла на дороге обгоревший паспорт с фотографией молоденькой еврейки. Танин брат вскоре ушёл в партизаны, а в марте сорок третьего пропал без вести.

В Жары к отцу перебрался с семьёй его друг из Витебска. Он помог ему перестроить сарай, и вместе они пережили зиму сорок второго. Тане хорошо запомнились летящие на запад наши самолёты, которые сбрасывали по пути листовки. Немцы их моментально убирали, а местному населению запрещали к ним даже прикасаться, если у кого-то находили, расстреливали на месте. Но детское любопытство брало верх, и коль уж попадалась такая листовка, Таня тайком от всех пару раз перечитывала её и выбрасывала. Просто поразительно, но их содержание Татьяна Захаровна всё ещё помнит в свои девяносто. Вот эти листовки, записанные с её слов:

«Не спіце, над вамі забойцы заносяць сякіру. На полі ноч, на сэрцы ноч, і ноч над усім забраным краем. І людзі падаюць. як дождж, а дрэвы стогнуць — паміраем. Знясілеўшы ад цяжкіх дум, ад слёз, што ўпарта праліваеш, Трывожным сном пад гэты шум ты кожнай ноччу засыпаеш. І покуль ты трывожна спіш, крывавай здрадніцкаю лапай Тваё імя у смертны спіс заносяць вылюдкі з гестапа. Яны з цябе не зводзяць воч, і ноч страшэйшую за гэту, Варфаламееўскую ноч табе рыхтуюць людаеды.

Цяжкую, жудасную смерць яны нясуць твайму дзіцяці, Няўжо ж вы будзеце цярпець? Устань, мой брат, прачніся, маці! Бяжыце ў пушчу, у атрад, туды, дзе вашы абаронцы, Далей ад бруда чорных здрад, бліжэй да волі і да сонца!

Па узгору і далінам фрыцы ехалі лавінай.
Пачарнелы паравоз на усход імкліва вёз
Дзвесце новенькіх вагонаў,
Дзвесце новенькіх пагонаў,
Дзвесце новенькіх салдатаў,
Дзвесце чорных аўтаматаў,
Дзве вялікія гарматы.
Немцы ехалі з Берліна і ускочылі на міну.
Засталося ад гарматаў, ад салдат і аўтаматаў,
Ад вагонаў і пагонаў тое, што бачна на малюнку.
Ниже на рисунке — лежащий на боку состав.

Каля дубу гаду гад аддаваў такі загад:
Ты ляці ў чырвоны тыл и ўзарві там тры масты.
Пеця слухаў, не драмаў, камандзіру перадаў,
Што ля дубу гаду гад аддаваў такі загад.
Самалёт у небе кружыць, дзіверсант ляціць, не тужыць,
И злятае з-пад аблок праз хвілінку у лясок.
Ён сваёй удачы рады, парашут калыша задам.
Толькі хацеў крыкнуць гоп, вочы вылезлі на лоб —
Два байцы — героі нашы — на палянцы варуць кашу.
Каша наша будзе нам, куля наша будзе вам.

Листовки печатались на белорусском языке. Думаю, в переводе текстов нет большой необходимости, смысл написанного понятен и так знающим и незнающим белорусский язык.

С самого начала войны присутствие немецких сил в районе ощущалось повсюду. Кроме большого гарнизона в Сураже немецкие и полицейские гарнизоны располагались во всех крупных посёлках и деревнях. Тем не менее партизанское движение в Суражском и соседних районах возникло буквально с первых месяцев оккупации. Уже в августе начал действовать, выросший впоследствии в бригаду, отряд батьки Миная (командир М. Ф. Шмырёв). Вскоре появились и другие отряды.

Как вспоминает Татьяна Захаровна Савицкая, днём в деревне хозяйничали немцы, а по ночам — партизаны. В отрядах сказывалась

нехватка оружия, продовольствия, одежды. В партизаны брали только с оружием. В соседней деревне был случай. Мужчины, попытались уйти в лес без оружия, но в отряд их не взяли — пришлось вернуться домой. Кто-то из местных предателей их выдал, а назавтра всех мужчин из двух деревень вывезли в Сураж и расстреляли.

Зимой сорок второго в ходе Торопецко-Холмской операции войска Красной Армии прорвали фронт и при содействии партизанских отрядов освободили часть населённых пунктов между Велижем и Суражем, однако, встретив сильное сопротивление, вынуждены были отступить. На участке фронта между Велижем и Усвятами на целых семь месяцев образовалась брешь, названная впоследствии Суражскими или Витебскими воротами.

Попытки ликвидировать зону немцы периодически предпринимали в течение всего сорок второго года, но зимой сорок третьего занялись этим всерьёз. Татьяна Захаровна вспоминает — вначале на зачистку территории от партизан были брошены части русских коллаборационистов. Люди называли их «казаками». В деревнях их расквартировали по домам, но в течение целого месяца они не предприняли никаких действий, и всё закончилось тем, что их начальство перешло к партизанам. В марте русских вывели и в район были брошены крупные карательные части с танками, артиллерией и специальными егерскими командами. Бои продолжались почти месяц. Не в состоянии противостоять превосходящим силам противника, большая часть партизанских соединений вынуждена была уйти за линию фронта.

В сентябре сорок третьего началось наступление советских войск — со стороны Суража, время от времени доносилась канонада. Немецкое командование приняло решение очистить прифронтовую полосу от гражданского населения. Жителям было объявлено об эвакуации в Сенненский район. Погрузив на подводы продукты и нехитрый скарб, люди двинулись в сторону Витебска. Их никто не сопровождал, поэтому по дороге, недолго думая, свернули в лес, поставили шалаши и решили дождаться своих.

Однажды ночью в лесу появился немец, он был без оружия. Как он туда попал, неизвестно, возможно, заблудился, единственное, что спросил, — дорогу на Казаново. В лагере были только старики, женщины и дети, какая-то женщина вывела его и показала дорогу. Вероятно, добравшись до своих, он рассказал, что в лесу скрываются русские, потому что на следующий день в лагере появились эсэсовцы с нагрудными бляхами и собаками. Всех подняли и погнали, но уже

не на Сенно, а в сторону Минска.

Тане этот путь показался очень долгим. Время уже было осеннее — конец сентября, шли босые, голодные и холодные, у кого-то с трудом тянула телегу хилая лошадка, у кого-то корова, а другие вообще шли пешком с торбами и котомками. По обочинам разъезжали на машинах немцы из охраны и пели песни. Скорее всего, это были их русские прислужники, потому что песни звучали на русском. Одна строчка даже запомнилась: «Конь Будённого утекал, а всадник шпоры потерял».

Однажды отца заставили отдать их старого и хромого коня. А вечером накормили перловым супом, в котором кому-то попались кусочки мяса — нетрудно было догадаться, что сварили суп из их коня.

От земляков Таня и её родители отстали, те оказались где-то далеко впереди.

На какой-то станции недалеко то Минска измученных и полуголодных погрузили в товарные вагоны. Дальнейший путь шёл через всю Польшу, Германию и закончился в деревне Энкенбах возле города Кайзерслаутерн — почти на границе с Францией.

Их ожидал трудовой лагерь — огромный барак, обнесённый забором и колючей проволокой. Барак не отапливался, питание — в обед баланда, вечером три картошки в мундирах. Комендант был садистом, на запястье у него всегда болталась плётка, которую он, не задумываясь, пускал в ход даже без малейшей на то причины. Однажды эту плётку пришлось испытать на себе и Тане, после чего у неё на всю жизнь остались проблемы со здоровьем. Её провинность, с точки зрения коменданта, была очень серьёзной — во дворе лагеря росла груша, и девочка осмелилась подобрать упавшие на землю плоды.

Через дорогу от лагеря находился завод, выпускавший детали для стрелкового оружия. На нём работали как заключённые русские, так и немцы. Рабочий день был для всех одинаков — двенадцать часов. Среди немецких рабочих из мужчин были только старики либо инвалиды, а так в основном женщины и дети. Вместе с Таней работало трое немецких мальчишек по тринадцать — четырнадцать лет, и таких было много. Но в начале сорок пятого им вручили повестки и забрали на фронт.

Ближе к лету сорок четвертого начались бомбёжки. Во время одной из них в барак попала зажигательная бомба, из людей никто не пострадал, но загорелся сам барак. Пока его восстанавливали, заключённых разместили во временных помещениях. Забор после бомбёжки был разрушен, из лагеря можно было свободно выйти, только идти было некуда.

В марте сорок пятого наконец пришло освобождение. Освободили лагерь американские войска.

В конце мая из барака в Энкенбахе всех переселили в специально оборудованный в Кайзерслаутерне лагерь для перемещённых советских граждан. Здесь некоторое время они жили, естественно, уже совершенно в других условиях, пока не был восстановлен взорванный мост через Рейн. После этого согласно Ялтинским договоренностям, их переправили в советскую зону.

После, ещё несколько месяцев, они убирали урожай в бывшей Пруссии. Работали по десять-двенадцать часов, жили в домах выселенных немцев, а продукты получали из воинской части. Вся уборка велась вручную, уже под конец привезли откуда-то комбайн и начали обмолачивать убранные снопы.

Домой отпустили только в сентябре, когда все сельскохозяйственные работы были закончены. Сначала везли на армейских студебеккерах, а дальше уже поездом в пассажирских вагонах.

Из разрушенного войной Витебска до деревни добирались с большим трудом — транспорта практически не было. Жары, в отличие от города, остались нетронутыми, уцелел и их переделанный из сарая домик.

Был конец сентября, все наборы в школы и училища уже закончились. Тане к тому времени исполнилось шестнадцать, и она пошла работать в колхоз. Через год, как раз девятого мая, умер больной отец, престарелую мать забрала к себе старшая сестра. Оставаться одной в их крошечном домике Тане уже не было никакого смысла, и она уехала по вербовке кирпичного завода в Витебск. Учиться ей больше так и не пришлось.

Сегодня Татьяна Захаровна по-прежнему живёт в Витебске, в 2019 году ей исполнилось девяносто лет.

С Татьяной Савицкой беседовал Семён ШОЙХЕТ.

При подготовки статьи использованы следующие источники: http://voenspez.ru/index.php?topic=33341.160 «Бои за Витебск в июле 1941 года».

https://pikabu.ru/story/2_avgusta_1941_goda_natsistami_unichtozheno_surazhskoe_getto_6847441

http://www.pobeda.witebsk.by/land/epizode/suraj/ «Витебские (Суражские) ворота».

Пока живу – надеюсь...

С Майей Ефимовной Васюк я встречался несколько раз в 2013 – 2014 годах, когда готовил второе издание книги о Витебском гетто «Хроника страшных дней». Меня тогда заинтересовал её рассказ — что помнит 4-летний ребёнок о войне, что память сохраняет на всю жизнь, а что блокирует, чтобы не разрушить психику.

- Майя Ефимовна, Вы сами из Витебска?
- Я родилась в Витебске в 1937 году.
- К началу войны вам было четыре года. Кто были ваши родители?
- Папа Басс Ефим Янкелевич. Родился в Витебске, так написано в документах, которые я видела, родители его жили в районе сегодняшнего Московского проспекта, в то время район Продольных улиц. Он окончил какое-то учебное заведение, профессия связана с обработкой металла.
 - А мама?
- Мама Кутина Нина Петровна. Работала на фабрики «ЗИ». Была спортсменкой, занималась парашютным спортом, коньками. Она родилась в Астрахани. У её родителей было 12 детей. Мама младшая, а старшая Мария Петровна, была связисткой в Витебске. Вся семья сюда переехала.
 - Вы были единственный ребёнок в семье?
 - Когда они были в Витебске, я была одна.
 - Вы помните что-нибудь о начале войны?
- Конечно, помню. На Московском проспекте, как он сейчас называется, стояли деревянные дома. За деревянными домами были колонка, хлебный магазин. Там работала жена моего старшего дяди

Кутина. Её звали Раиса Петровна. А он был секретарём обкома партии. Сначала был на фабрике «КИМ» заместителем директора, а потом направили в обком.

Первых немцев я увидела возле колонки, с засученными рукавами по локоть. На мотоциклах с колясками приехали, пили воду и смеялись.

Где сейчас пожарная служба по улице Жесткова, с левой стороны, за главпочтамтом, стояли три деревянных дома. Там жила моя тётя Наташа. Она в войну оставалась в Витебске, а после освобождения города распределяла по детским домам и воинским частям продукты.

- К началу войны отец был в Витебске?
- Он в Среднюю Азию в 1939 году уехал с мамой работать. Его направили туда. Меня оставили у бабушки, папиной мамы. Там меня очень любили. В Средней Азии родилась моя сестра.

Папу забрали на фронт из Ленинабада. Это Таджикская ССР. Он погиб в 1942 году под Сталинградом. Станция Махкамовка. Маме прислали извещение в Среднюю Азию. Мама там работала на складе готовой продукции, отправляла на фронт посылки. И там, уже после того как пришла повестка о гибели отца, она познакомилась с отчимом Эйдельштейном Матусом Кушеровичем. Он работал шофёром. Мама была очень красивая, и он ей прохода не давал.

- Ваша судьба здесь? Вы живёте у бабушки. Что с ней произошло, что с дедушкой?
- Отдают меня к русской бабушке, потому что на евреев уже начались гонения. Русская бабушка была мать коммуниста. Мой дядька, секретарь обкома, не остался в подполье, а ушёл на фронт. И моя тётя связистка ушла с воинской частью. Помню, в сторону Мазурино шли. Солдаты строем, и тётя среди них, они последние оставляли Витебск. Тётя эвакуировала своих двух дочерей в Ульяновск, а сама на фронт.
 - Еврейская бабушка погибла в Витебске?
 - Её повесили около Ратуши.
 - А дедушка?
 - Дедушки я не помню.
 - Как звали русскую бабушку?
 - Не помню. Фамилия Кутина.
 - Она вас прятала? Кто-то знал, что Вы еврейка наполовину?
 - Ну близкие знали.
 - Какова ваша дальнейшая судьба?
- Мамина мама жила на 2-й Ветреной улице. У них свой дом был. Там меня очень жалели. Еврейская бабушка тоже переселилась к этой русской бабушке. Потом нас забрали вместе в концлагерь «5-й полк». Бабушку одну, другую и меня.

Там моя русская бабушка заболела тифом. Там же поголовный тиф был, и немцы очень боялись его. Большое кладбище возле «5-го полка»

было, хоронили там в низине. Немцы нас с тифом отпустили в город всех троих. И мы пришли в бабушкин дом, на Песковатики. Я помню этот дом, стояла печка, и за печкой мы спали, стояла кровать железная. Бабушка с тифом умерла, и её похоронили. Я с еврейской бабушкой продолжали прятаться за печкой. На той стороне гетто было.

- Это 1941 год...
- Помню, лодка туда ходила. А потом была облава. Приезжала чёрная немецкая машина и забрала бабушку и меня. На ту сторону Двины. Нас поместили в гетто. Помню, кто-то приносил нам еду. Бабушкины знакомые нас из гетто спасли. Потом мы прятались в землянке на берегу Двины.
 - До зимы были в землянке?
- До зимы и зимой были в землянке. Потом попали в новую облаву, и бабушку повесили после этого.

Помню, какая-то девушка, Вера Иванова, ещё в «5-м полку» взяла меня на свою фамилию. Молодёжь с концлагеря отправляли на работу в Германию. И она дала мне свою фамилию — Иванова.

Вероятно, Иванова выдала Майю за свою дочку, чтобы её не отправили в Германию. Понятно, что четырёхлетний ребёнок, попавший в такую страшную ситуацию, помнит далеко не всё. В память врезались только какие-то наиболее яркие фрагменты детской жизни.

Следующие воспоминания касаются 1944 года, когда Красная Армия освобождала Витебскую область. Как Майя Ефимовна оказалась в партизанском отряде, она не помнит. Эта история снова каким-то образом связана с витебскими подпольщиками, с врачом Бекиш, с Верой Ивановой.

- Советские войска освободили вас под Богушевском?
- Да, под Богушевском.
- Вы находились в детском доме, в партизанском отряде?
- В партизанском отряде. Нас вывозили из леса партизаны на телегах. Я плакала, ничего не видела. Помню женщину, ей оторвало ногу по колено, когда выходили из леса. Бомбили, обстреливали. Когда уже стала взрослая, я эту женщину встретила в Витебске.
 - Что было дальше?
- Сюда пришли, в свою землянку. С Ивановой, которая дала мне свою фамилию.

У Смоленского рынка, где пожарная служба была, немцы в годы войны сделали конюшню. После войны конюшню загородили, и там немцы сидели в лагере.

Когда мы находились в «5-м полку», немцы нам кидали огурцы, и мы бросались, как собаки, за едой, есть то хотелось, а они смеялись. А когда нас освободили, тогда мы уже здесь им кидали еду.

Были на Песковатиках огороды, я старую картошку искала, пере-

капывала. А потом уже терпеть голод больше не могла, а кушать было нечего. Вера Иванова меня заставляла за водой ходить, я шла и плакала. Я от неё ушла, ходила по городу. Больше её не видела. Пришла в милицию и сказала, что мамы с папой у меня нет, и я — одна. Кто меня спас во время войны, как я осталась цела — не помню. Я всё время плакала.

Меня определили в детский дом на Марковщине. Моя тётя Наташа, она распределяла продукты по детским домам и воинским частям, меня в детском доме встретила.

- Какая у вас фамилия была?
- В детском доме Иванова.
- Тётя вас узнала?
- Она написала маме: «Нина, я видела твою дочку в детдоме. Но она Иванова, может, это не твоя?». Мама взяла отпуск. Приехала сюда с отчимом. Пришли в детдом. Ей меня не отдают. Тогда уже подтвердил бывший директор фабрики «КИМ», наш довоенный знакомый Галынчик, и меня отдали.

Они опять уехали в Среднюю Азию и меня забрали. Воинским эшелоном ехали.

- Жизнь вас трепала с детства как следует.
- Так трепала, что до сих пор плачу.
- Как в дальнейшем судьба сложилась?
- Сначала мы поехали в Среднюю Азию, а потом в Польшу с отчимом. Он же польский еврей. Мама решила вернуться обратно в Среднюю Азию.
 - Где Вы пошли в школу?
 - В Средней Азии.
 - Как долго Вы учились там?
- Окончила 7 классов. Поступила экстерном в медицинский техникум. В 1954 году вернулась в Витебск.
 - Куда Вы пошли работать?
- На фабрику «ЗИ». Работала и училась. Окончила техникум. Вышла замуж, уехали в Донбасс. В Донбассе родился старший сын, и мы вернулись в Витебск...

Майя Ефимовна давно на пенсии. У неё два сына и четверо внуков. Жизнь нелёгкая, но Майя Ефимовна достойно её живёт.

Пытается найти родственников отца Ефима Янкелевича Басса. Мы опубликовали объявления в журнале «Мишпоха», в интернете — пока результатов нет. Но надежда остаётся.

С Майей Васюк беседовал Аркадий ШУЛЬМАН.

Память должна сохраниться

С Фридой Вульфовной Рейзман мы встретились после её возвращения с траурного митинга на Яме, который проводится ежегодно 2 марта в Минске в память о жертвах самой большой карательной акции, которая была проведена фашистами и полицаями в 1942 году.

— Мы жили в минском гетто возле Ямы. Сейчас этой улицы нет. В те времена она соединяла Заславскую и Танковую улицы. Называлась Крымская. Там на углу стояла синагога. Нас поселили в ней. На той же улице находился детский дом, моя мама как могла помогала детям, носила им что было из еды.

Мы тогда жили вчетвером: мама, средний брат, я и папин дядя. Он стал с нами жить после первого погрома 7 ноября 1941 года, когда вся его семья погибла.

Мы начали с воспоминаний о самых страшных военных днях, когда маленькая Фрида с родителями оказалась в гетто, а потом наш разговор коснулся довоенных лет, светлых воспоминаний детства, которые не смогла стереть из памяти даже война.

— Отец, Вульф (Велвл) Шоломович Лосик работал до войны на обувной фабрике имени Кагановича. Ребёнком он остался сиро-

той: умерла мать, его воспитывала бабушка, а когда ему было десять лет, умерла и она.

Пока была жива бабушка, Вульф ходил в синагогу и читал поминальную молитву по отцу. Он был единственным мужчиной в семье. Жизнь заставила быть самостоятельным. Вульф Лосик стал работать учеником у сапожника. Это было в Пуховичах. И с годами он стал хорошим модельером. Когда ему шёл 17-й год, в 1920, Вульф переехал жить в Минск. Устроился работать на фабрику, но, конечно, частенько приезжал в Пуховичи, навещал родных. Он был очень активный, молодой, но малоразговорчивый человек. В 1932 году вступил в партию. Тогда же его послали учиться в рабфак. Но он не смог учиться из-за болезни и потом очень сожалел об этом. В Минске у Вульфа старшая сестра служила домработницей у каких-то состоятельных людей и жила у них в чулане. Он поселился в этом чулане вместе с сестрой.

— Мама Дора Куселевна работала на Нижнем базаре, — рассказывает Фрида Вульфовна. — Он находился там, где сегодня площадь «8 марта». Там стояли небольшие промтоварные магазины. Мама работала за прилавком, называла себя «мануфактурщицей».

У бабушки — маминой мамы — было семеро детей, у всех свои дети. У младшей маминой сестры — шестеро сыновей. Огромная семья. Остатки этой мишпохи в 1965 году собрались и сфотографировались вместе, человек тридцать: двоюродные, троюродные братья, сёстры.

Дора Куселевна из местечка Шацк, и фамилия девичья у неё была Шацкая. Её отец, Куше Лейзер, умер совсем молодым, в 38 лет. Он был балагулой — извозчиком. У него была лошадь.

— Мама жила в Шацке до 23 – 24 лет. Папа с ней встретился на какой-то вечеринке. Он рассказывал, что когда впервые увидел маму, буквально остолбенел — такая красивая она была. Маме было 18 – 19 лет. Они поженились, мама жила в Шацке, папа работал в Минске и на выходные приезжал к ней. Мой старший брат Куше-Лейзер, его назвали в память о дедушке, родился в Шацке. После его рождения мама перебралась в Минск. После Куше-Лейзера родился в 1926 году Авроом-Мейшке, а младшей была я — 1935 года рождения. Меня назвали Фрида в память о бабушке.

Мы снимали две комнаты по улице Мясникова, я эту квартиру хорошо помню. Домик был маленький, окна почти касались тротуара, мы видели, как люди ходят.

Семья у нас была бедная. Мама — глубоко верующий человек,

а папа — коммунист. Дома говорили на идиш, мой старший брат даже плохо в те годы по-русски говорил.

...Пришли осенние праздники. Мама всё приготовила. Наступило время сесть за стол, надо сказать молитву. А папа наотрез: «Я не буду». Мама ругается: «Раз не будешь говорить молитву, не будем за стол садиться». И в этот момент постучали в дверь. Мама открыла. На пороге стоял старик. Через его одежду было видно тело. А на улице холодно — осень. Мама была очень добрым человеком, она позвала старика в дом. И продолжила с папой ругаться. Старик услышал этот разговор и говорит: «Не надо ссориться. Хотите, я скажу молитву?». Всё закончилось миром. Сели за стол, покушали. Мама постелила старику, дала какую-то рубаху и сказала, что завтра утром они пойдут в магазин и она подарит ему кордовой костюм. Тогда кордовой костюм – был дефицитом, за ним стояли очереди.

Но утром, когда они проснулись, старика в доме уже не было. Все было закрыто, а его не было. С тех пор мама говорила, что ей шло «фун фенстер, ун фун тир» (из окон и из дверей — идиш).

Открылись магазины «Торгсина». Её позвали работать туда. Место было хорошее. Мама одела семью. У нас дома были запасы масла, она его там покупала.

Мама всегда говорила: «Этот старик был Мойше Ребейну».

Мы жили в Минске до 1940 года. Папа занимал на фабрике какой-то пост, и его откомандировали в Белосток это присоединённые в сентябре 1939 года к Белоруссии территории. Папа стал работать главным инженером на обувной фабрике.

В Белосток мы уехали всей семьёй. Получили двухкомнатную квартиру. Мама работала в магазине. Со мной была няня-полька. От неё я узнала польский язык. Она меня даже водила в костёл. Однажды я рассказала об этом папе. Он сказал домработнице: «Маня, больше не делайте этого».

Братья учились в Минске в еврейской школе № 12. Они домашними паиньками не были. Однажды бедную козу так забегали, что она сдохла. Как-то вызвала маму в школу учительница еврейского языка и говорит ей: «Ниш гикумен, ниш гикумен, гундерт мол, ее гекумент» (Не приходили, не приходили, сто раз не приходили, наконец-то пришли — перевод с идиш).

В Белостоке средний брат Авроом-Мейшке пошёл в школу, а старший, Куше-Лейзер побыл месяц, вывел меня на крылечко и сказал: «Завтра скажешь папе, что я в Минске». И тихонько уехал. Ночью я услышала крик в доме. Проснулась. Поняла, что ищут Ку-

ше-Лейзера. Я подошла к папе и тихонько на ушко ему сказала, что Куше-Лейзер уехал в Минск.

Там брат устроился на работу сантехником.

20 июня 1941 года папа уехал в Друскининкай в санаторий. Мы остались в Белостоке втроём. Через день началась война. Мама быстро сообразила, что нужно немедленно уезжать в Минск. Папин товарищ Машарский с семьёй собирался тоже как-то добираться до Минска. Сначала мы поехали на грузовой машине. Потом две недели шли пешком. Немцы обгоняли нас. Они не знали, кто мы и не трогали нас. Когда мы пришли в Минск, там уже хозяйничали немцы. Мы поселились не в нашей квартире, а напротив, там стояла пустая комната. Разыскали Куше-Лейзера.

Подходит к маме одна женщина и говорит, что видела нашего папу в лесу недалеко от Минска. Маме 39 лет, она молодая и смелая женщина. Одна идёт в лес, о котором ей рассказали. И это чудо! — она нашла мужа, который скрывался там. Мама рассказала, как обстоят дела в Минске, и привела папу домой.

…На всех столбах появились приказы о переселении евреев в гетто. Мы подчинились приказу и пошли на новое место: папа, мама, я, двое братьев и четыре наших родственника: папина тётя Райфул Сухман, её муж Лейба, дочка Фаня и маленькая внучка Любочка. Мы вселились в одну комнату крошечной квартирки на Витебской улице. В комнате стоял один диван и сразу — дверь. Спали на полу.

Папа закопал свой партийный билет — после войны он достал его из тайника. Вульф Лосик ежедневно ходил с колонной из гетто на работу. Работал в Красном урочище на бойне. Сейчас на этом месте автозавод.

Как только в гетто стало организовываться подполье, папа стал его участником. Он был на первом заседании подпольной группы. В подпольную группу входил Гебелев. Он дружил с папой с довоенных лет. Их родные местечки Пуховичи и Узляны расположены неподалёку друг от друга, они оба активно занимались общественной работой. Входил в подпольную группу и Гирш Смоляр.

После первого погрома 7 ноября 1941 года Витебская улица отошла к «русскому» району. Мы переселились на Республиканскую улицу. В первом погроме погибла папина тётя Райфул Сухман. Узников согнали в колонну, подъехала душегубка, её заполнили и людей увезли. Дядя был на работе, и колонну, пока шёл погром не пустили в гетто.

На Республиканской улице была большая квартира. Но там жило четыре семьи. Нам выделили комнату в семь квадратных метров. Стояли две кровати и письменный стол. Дядя спал на письменном столе, братья — на одной кровати, мы — на другой.

...Дети остаются детьми даже в гетто. Когда папа сажал себе на колени маленькую Любочку, я очень ревновала.

Папа приносил домой оружие: наганы, патроны и клал их под матрац. Я лежала на этом месте. Вскоре кто-то приходил и уносил оружие.

С едой было совсем трудно. Менять на продукты у нас было нечего. Где-то мама всё же доставала конину, варила капустные листья, делала затирку. Когда немцы захватили Минск, и первые дни грабили все магазины, мой брат тоже пошёл и принёс домой ящик уксуса. Мы заправляли этим уксусом картофельные очистки и капустные листья.

— А майхел (удовольствие — идиш), — говорит Фрида Вульфовна, вспоминая детские ощущения. Это было лакомство для голодных людей.

Папа работал на бойне. Мама и братья не ходили на работы. Это продолжалось недолго, до января или февраля 1942 года. Зима, лютые морозы. У меня на ногах появились чири. Папа накалял на свечке иглу и прокалывал их. В доме было холодно, но ещё оставались сараи, туалеты, их разбирали, и было чем топить.

Кто-то из папиной подпольной группы попался в гестапо. Он повёл фашистов прямо к нам в дом. Подпольщики узнали об этом и папу предупредили буквально за несколько минут до их прихода. Вульф Лосик успел вынести оружие, которое хранилось у нас.

Немцы зашли и сразу маму ударили по лицу. Я спряталась под табуретку. Когда немцы занялись обыском, я сумела выскочить в сенцы и стала за дверью. Она была открыта, и в щель я видела, как ходит часовой. Пока он был ко мне лицом, я стояла и боялась шелохнуться, когда повернулся спиной, я выскочила и спряталась в уборную, которая стояла во дворе.

Подпольщики всё время следили за нашим домом. Они и спасли нашу семью. Когда меня вытащили из уборной, и кто это сделал, я не знаю. Видимо, я уже замерзала и потеряла сознание, руки почернели и распухли. Я очнулась на улице Республиканской. До войны там была кукольная фабрика, сейчас на этом месте ресторан «Нёман». Я в огромном зале, посередине которого стоял бильярдный стол, и на нём лежала женщина. Крысы ей отгрызли

часть лица, я когда увидела, очень испугалась. Меня спрятали под какими-то плетёными корзинами. Потом подпольщики передали меня маме. Я после этого испуга писалась до 14-ти лет.

Как спаслась мама? У неё немцы спрашивали: «Где муж?». Она отвечала: «На работе». «Покажи, где он работает», — говорили они. Посадили её в машину. Она говорит: «Не знаю, я там не была. Знаю, где живёт парень, который вместе с ним работает». Она привезла к дому, и немцы пошли за парнем. Мама в этот момент убежала. Её искали, потом немцы сказали: «А юде блайб а юде» (Еврейка остаётся еврейкой – нем.).

В нашем доме немцы сделали засаду. Они всех впускали и никогда не выпускали. Мама пошла к подруге. Её тоже звали Дора. В этом же доме жила ещё одна польская еврейка. Ей было уже, наверное, за 90 лет. Она была одинокая женщина. Носила на себе пояс с золотыми украшениями. Мама присматривала за этой женщиной. Старуха достала золото и говорит маме: «Двейра, спрячь, пригодится». У мамы были небольшие запасы муки. И она в мешочек с мукой спрятала золото. Всё это стояло на столе. Но немцы это не трогали и не проверяли. У нас в доме была «малина» — место, где мы прятались во время облав. Мама сказала Доре: иди и скажи детям, чтобы взяли мешочек с мукой со стола, и через «малину» уходите. Так и сделали: братья с Дорой вышли через «малину».

Мы нашли маму и отправились на улицу Шевченко, там жили наши дальние родственники. Немцы искали нас. Но мы жили в гетто под фамилией Сухман. Поэтому нас не нашли.

Мы не знали, где папа. Старший брат Куше-Лейзер был в каком-то трансе, и мама не выпускала его из квартиры, средний брат Авроом-Мейшке, мы звали его Мишка, был более реальным человеком.

Так продолжалось до самой весны 1942 года. Приходит к нам какой-то парень и говорит маме: «Завтра я тебя отведу к твоему мужу». Это было 9 апреля. Почему-то назавтра мама взяла с собой меня. Парень повёл нас. На том месте, где сейчас находится Дом моделей, стояли два старых дореволюционных дома. Они были разбиты, оставались одни коробки. Мы зашли в руины. Парень свистнул. Опустилась лестница. Мы поднялись по ней, и лестницу вслед за нами убрали. Я вначале даже не узнала папу. Он отрастил большие пышные усы и косил под татарина. Говорит нам: «Завтра я ухожу в партизаны». Мама: «Ты меня оставляешь с тремя детьми? Возьми хотя бы Лазаря с собой». «Хорошо, — ответил папа. — Зав-

тра я пришлю человека. Он приведёт ко мне Лазаря. Я возьму его с собой».

До 1943 года мы ничего не знали ни о папе, ни о Лазаре.

Мы остались втроём, и с нами маленькая Любочка. Папин дядя Лейба Сухман однажды ушёл на работу, попал в облаву, и его отправили в концлагерь Тростенец. Там он погиб, насколько я знаю, в последние дни оккупации. В Минске живёт его сын Михаил Сухман.

...Зима 1943 года. Миша уходит на работу с колонной. Они работали на заготовке дров. Когда их вывезли в лес, на колонну напали партизаны. Немцы разбежались, и многие узники удрали, а Мишка не сумел. ...Уже поздний вечер, все вернулись в гетто, а Мишки нет. Мама сразу почувствовала, что он попал в облаву. От горя вырвала с головы клок волос. Потом на этом месте у неё стал нарыв. Мама побежала к начальнику гестапо Готенбаху, упала перед ним на колени, просила спасти сына. Мама была очень красивая женщина. Готенбах ей ответил: «Если твой сын жив, спасу его». Но он уже знал, что никто из пойманных в облаве в живых не остался. Я после войны узнала, что все схваченные 29 и 30 января 1943 года во время облавы, были доставлены во двор тюрьмы на Володарского и там расстреляны, а трупы вывезены в Тростенец.

В гетто были полицейские — евреи. Один из них, Хает Исаак говорит маме: «Я твоего сына видел во дворе тюрьмы, он находится в шестой камере в подвале. Просил сказать, чтобы ты отправила ему передачу». Мама что только могла собирала и трижды сыну в тюрьму передавала передачи. И только потом узнала, что всё это Исаак Хает забирал себе, а Миши уже не было в живых.

После войны Хаета посадили в тюрьму.

...Мы с мамой остались вдвоём. Жили на Крымской в синагоге. Там было много людей. Мы разместились в проходной комнате, рядом с нами – еврейская семья из Польши. У них было пять дочек, все красавицы. Отец с матерью мне казались стариками, уже после войны я узнала, что им было всего по 50 лет.

Мама работала во дворе нынешнего Дома правительства. Если идёшь с улицы Мясникова, там и сейчас стоит этот домик. Она меня брала с собой. В торце дома жил немец Макс, он разводил кроликов. Я чистила их клетки, рвала траву и кормила кроликов.

...Это было летом 1943 года. Однажды утром по гетто разнёсся слух, что немцы вырезали детский дом на Заславской. Там жили сироты. Иногда они приходили к нам, и мама их подкармливала

чем могла. После этого известия мама тотчас побежала в детский дом. Она обошла оба этажа старого кирпичного дома и услышала детский плач. Он доносился из-под печки. Как туда смогла втиснуться девочка, было непонятно. Мама принесла её к нам. Так у нас оказалась Майя Радашковская. Мы сняли дверь с петель, и на ней она спала. У Майи была сильная чесотка, и я от неё заразилась.

Майя ушла от нас на «русский район». Предупредила, чтобы её не ждали. Была не по годам взрослая. После войны Майя жила в Минске, сейчас в Израиле.

Однажды, это было в 1943 году, когда мама с колонной вышла на русскую сторону, к ней подошёл какой-то белорус. Сказал, что долго её искал. А потом передал: «Я от твоего сына Лазаря, вывезу тебя к нему». Мама отвечает: «Сначала вывези дочку». Она говорила по-русски с сильным еврейским акцентом, картавила. Договорились, где и когда этот человек будет меня ждать. А потом мама мне сказала, что завтра я должна уйти.

Мы пришли с мамой к проволоке, которой было огорожено гетто. Сидим и ждём момента, когда рядом не будет ни немца, ни полицая. И как только представилась возможность, я сиганула под проволоку. Мама сказала мне на прощание: «Вон подвода стоит, туда к ней и беги». На подводе уже сидел парень. Он постарше меня, лет 15 ему было, еврейский парень, смуглый такой. Потом я узнала, что его зовут Миша Шнейдер. Сейчас он живёт в Америке. Крестьянин-белорус посадил меня, и мы поехали. Выехали за Минск. Я не была похожа на еврейку — светлая, голубоглазая, мама одела мне платочек. Где-то под Минском началась стрельба. Крестьянин ссадил нас с подводы и уехал. Мы с мальчиком побежали. Я долго бежать не смогла, у меня закололо под рёбрами. Миша взял меня на руки и побежал дальше со мной. Мы спрятались в каком-то сарае в сене. Солнце уже заходило. Стрельба закончилась. Крестьянин каким-то образом нашёл нас и забрал. Он привёз к себе в Узляны, накормил, разместил спать на сеновале. Поздно вечером верхом на лошади приехал брат Миши Фима Шнейдер. Он был в одном партизанском отряде с моим братом. Фима забрал нас и привёз в деревню Озеричино. Мой брат был подрывником и в Озеричино готовил операцию на железной дороге. В это время он спал в каком-то погребе. Фима завёл меня к нему и говорит: «Лазарь, я привёз твою сестричку». А Лазарь спросонья посылает его куда только можно. Я тоже что-то сказала. Лазарь открыл глаза, увидел меня, схватил за плечи и стал

кричать: «Мишки нет». Он так плакал! Этот момент для меня был самый страшный.

Лазарь воевал в партизанском отряде имени Кутузова 2-й Минской партизанской бригады у Лапидуса. Отряд стоял в деревне Поречье. Взять с собой меня он не мог — боевой отряд. И Лазарь попросил присмотреть за мной пастуха в Озеричино. Я с пастухом пасла коров. Меня одолевала чесотка. Буквально разрывала себе руки. Ходила к речке, опускала руки в воду, и мне становилось легче.

Лазарь договорился с тем же крестьянином, он где-то через месяц поехал в Минск и привёз маму.

Лазарю партизанской почтой передали об этом, он на коне верхом примчался. Они проговорили всю ночь. А наутро он забрал маму в партизанский отряд в Поречье. И меня взяли с собой. Шли мы по болоту километров пять. Я прыгала с кочки на кочку, а маме идти было очень тяжело. К вечеру прошли болото. Мама в отряде в госпитале смотрела за ранеными. А меня поместили в деревню Святое к белорусской женщине Паладье. Это Пуховичский район. В деревне было девять домов. Через речку деревня Поречье, там в годы войны жило сорок еврейских детей.

Партизанский врач Подоляко вылечил меня от чесотки. Брал свиной жир, смешивал его с толом и этим мазал кожу.

Ко мне вернулось детство. Я была озорная, верхом на лошади ездила, с мальчишками играла, с Паладьиным сыном дралась, хотя он был старше меня.

...5 июля 1944 года, сразу после освобождения Минска, мы вернулись в город. Мама рвалась домой. Хотела узнать, что с Мишкой. Тот самый Хает сказал ей: «Сын говорил, если с ним что-нибудь случится, а ты останешься живой, в шестой камере тюрьмы на стенке я тебе всё напишу». Тюрьму охранял наш довоенный сосед Рува. Они вместе с мамой вошли в шестую камеру. Теперь я знаю, что эту камеру называли «жидовской». На стене было много надписей, но не Мишкиных. Хает всё придумал.

Мы поселились на Республиканской улице. В этой квартире в годы оккупации жил полицай, он удрал с немцами. У нас перебывал почти весь партизанский отряд Лапидуса. Ребята молодые, кушать постоянно хотят, где-то что-то украдут: козу, курицу — и к нам несли. Брат жил с нами. Лазарь в годы войны подорвал 18 вражеских эшелонов. Его представляли к ордену Ленина. Но наградили орденом Красной Звезды, а потом и орденом Красного Знамени.

Одним из первых в Белоруссии Лазарь был награждён партизанской медалью 1 степени. И очень гордился этой наградой.

Папа вернулся к нам месяца через полтора — два после освобождения Минска. Выполнял какое-то задание. Он тоже имел боевые награды, но ничего не рассказывал об этом. По характеру был скрытный человек.

В сентябре 1944 года я пошла в первый класс школы № 12. Лазарь стал работать сантехником. Папу отправили восстанавливать обувную фабрику имени Тельмана. А вскоре к нему перешёл работать Лазарь.

У меня хранится фотография. На ней запечатлён партизанский отряд, в котором воевал Лазарь. Они встречались в послевоенные годы. Встречи организовывал Хаим Качинский, в те годы он работал шофёром, развозил хлеб.

Мама заболела тифом, её забрали в инфекционную больницу, и оттуда она вышла очень слабенькая. Вскоре мама умерла.

Папа до пенсии отработал на обувной фабрике имени Тельмана. Прожил 88 лет, умер в 1991 году. Лазарь умер через три года после папы, он его очень любил.

Я окончила школу, техникум, потом училась во Всесоюзном институте лёгкой и текстильной промышленности в Москве. Работала на трикотажной фабрике. Она размещалась в этом же здании, где сейчас находится Минский еврейский общинный центр по улице Веры Хоружей.

Более двадцати лет возглавляю благотворительную общественную организацию узников гетто «Гилф».

С каждым годом нас становится всё меньше. Но память о событиях страшных военных лет должна сохраниться. Это наш долг и наша обязанность.

С Фридой Рейзман беседовал Аркадий ШУЛЬМАН.

Историческая справка

Минск был оккупирован немецко-фашистскими войсками 28 июня 1941 года. Уже через три дня после захвата города, 1 июля 1941 года, оккупационные власти наложили на евреев Минска «контрибуцию», заставив сдать определенное количество денег и драгоценностей. Также в городе был создан юденрат (еврейский комитет) для исполнения немецких приказов в отношении евреев Минска.

19 июля 1941 года на совещании командующего тылом группы ар-

мий «Центр» генерала Шенкендорфа и высшего начальника СС и полиции генерального округа «Белоруссия» бригадефюрера СС Ценнера было решено создать гетто.

На перемещение евреев по плану было отведено 5 дней, но осуществить переселение большого количества людей за такое время оказалось невозможно, и срок был продлён до конца июля. К 1 августа 1941 года переселение евреев в гетто было завершено, там насчитывалось около 80 тысяч человек. К октябрю 1941 года в гетто было около 100 тысяч узников.

Минское гетто состояло из нескольких «кварталов»:

- 1) «большое гетто» (существовало с 19 июля 1941 года по 21 октября 1943 года, занимало территорию 39 улиц и переулков вокруг Юбилейной площади общей площадью 2 км.кв. Здесь располагалось более 80 тысяч евреев);
- 2) «малое гетто» (существовало с октября 1943 года до 30 июня 1944 года в районе радиозавода имени Молотова);
- 3) «зондергетто» (существовало с ноября 1941 года по сентябрь 1943 года в районе улиц Сухой и Обувной. Здесь находилось более 20 тысяч евреев, депортированных нацистами из стран Западной, Центральной и Восточной Европы).

Первый крупный погром в гетто прошёл в августе 1941 года (было убито около 5 тыс. евреев). В последующем массовые уничтожения узников были проведены нацистами 7 — 8 ноября 1941 года (по разным оценкам, в этот день было убито от 5 до 18 тысяч человек), 20 ноября 1941 года (убито от 6 до 15 тысяч), 21 января 1942 года (более 12 тысяч), 2 — 3 марта 1942 года (более 8 тысяч), 28 — 31 июля 1942 года (от 10 до 25 тысяч).

Всего к концу 1942 года в гетто было убито более 90 тысяч евреев. Последним днём существования Минского гетто считается 21 октября 1943 года — день начала последнего погрома. В течение 21 — 23 октября 1943 года нацисты убили всех оставшихся вживых узников, кроме 500 квалифицированных мастеров, вывезенных в Германию. На территории Минского гетто, как потом выяснилось, в живых осталось только 13 человек, которые прятались на протяжении нескольких месяцев в подвале дома около еврейского кладбища на улице Сухой, и смогли выйти из убежища только в день освобождения Минска в июле 1944 года

Минское гетто было одним из самых крупных в Европе, а на оккупированной территории СССР занимало второе место по количеству узников после Львовского.

Историческую справка подготовил Константин КАРПЕКИН.

Один шанс из тысячи

Остаться живым в раннем детстве, когда Михаил Давидович Розенштейн, наверное, ещё и не понимал ничего, у него был один шанс из тысячи. Его сверстники, земляки из Белостока, других городов и местечек, захваченных фашистами, разделили участь большинства евреев — были расстреляны, закопаны заживо во рвах и траншеях.

Он, благодаря мужественным людям, рисковавшим своей жизнью и жизнями близких, остался жить. И если у судьбы есть предначертание, то его обязанность рассказывать о тех страшных годах, чтобы о них знали и они стали уроком для всех поколений.

- Михаил Давидович, с какого Вы года?
- Родился 14 сентября 1940 года в городе Белостоке.
- Белосток был уже советский...
- Уже Западная Белоруссия вошла в состав Белорусской Советской Социалистической Республики.
 - Кто были ваши родители?
- Мои родители были активные члены Коммунистической партии Западной Беларуси. Отца звали Давид Иосифович Розенштейн, маму Евгения Семёновна (Шоломовна) Каплан. Отец 1903 года рождения, а мама с 1907 года. История нашей семьи связана с историей Западной Беларуси, с историей Коммунистической партии Западной

Беларуси. Мать и отец были активными членами компартии. За свою подпольную деятельность отец 12 лет отсидел в каторжных тюрьмах Пилсудского в Польше, мать — 8 лет. Только в 1939 году, когда Западная Беларусь была освобождена и мама за полгода до этого вышла из тюрьмы после последней отсидки, отца выпустили власти, учитывая, что уже было наступление немецких войск на Польшу. И он через всю страну добрался до Белостока. Мама в это время находилась в городе. Я родился соответственно в 1940 году, когда они смогли воссоединиться.

- Вы были первым ребёнком?
- Да. Единственным.
- Где отец работал?
- Отец занимался подпольной деятельностью. Был журналистом, главным редактором в изданиях Коммунистической партии Западной Беларуси.

Мама — коренная белосточанка. Отец родился в Гродненской области в местечке Порозово. В Еврейской Российской энциклопедии написано, что в местечке Порозово родились: Давид Иосифович Розенштейн и главный раввин Иерусалима в 1936 году.

Позже семья отца переехала в городской посёлок Пески, тоже Гродненской области, а потом — в Вильно. И уже в Вильно родились остальные дети в семье.

- Вам был годик, когда началась война.
- Даже годика не было, восемь месяцев. Белосток был оккупирован 25 июня 1941 года.
 - Родители не успели уйти?
- Отец был мобилизован и отправился в Минск. Он хотел забрать меня и мать, но мама отказалась, она была директором фабрики и считала своим долгом в первую очередь эвакуировать людей и фабрику, а потом уже подумать о себе и своём сыне.
 - Дальнейшая судьба семьи?
- Отец прошёл всю войну, а мама эвакуироваться не успела, 28 июля было создано белостокское гетто, в которое я вместе с матерью попал.
 - Вы это знаете из рассказов мамы?
- Мать погибла. У неё был большой опыт подпольной работы, и она вошла в один из первых антифашистских комитетов, созданных в гетто. В декабре 1941 года антифашистский комитет был выдан провокаторами, мама арестована и уничтожена немцами. Подтверждение этого есть в книге Бернарда Марка. Это сотрудник Еврейского исторического института в Варшаве, в 1951 году он издал книгу «Бе-

лостокское гетто. Самооборона. Восстание. Уничтожение». Там об этом написано, я приведу перевод. «Широко разветвленная деятельность помощи советским военнопленным — жертвам гитлеровского террора, а также огромный размах антигитлеровской работы велись через подпольный актив в гетто, что вызвало соответствующую реакцию врага. Гестапо решило парализовать их деятельность путём ареста актива подпольной организации. Первая волна арестов произошла на протяжении нескольких дней после закрытия доступа в гетто в сентябре 1941 года. На улицу Сенкевича, 15 привели группу еврейских коммунистов, выданных шпионами гестапо. Все были расстреляны гестаповцем Дабисом. Когда организация вновь развернула деятельность, оккупационные власти приступили к нанесению смертельного удара.

Евгения Семёновна Каплан

Гестапо определило ликвидацию на декабрь 1941 года. Арестовано было много деятелей. Попал в сети оккупантов Абрам Майзельс — один из руководителей антифашистского сопротивления. В то же время была заключена в тюрьму Женя Каплан — деятель коммунистического движения, бывший член городского совета Белостока. Участь Жени разделила Маня Зусман. Все арестованные понесли мученическую смерть».

Мама была простой текстильщицей на фабрике. Когда в 1939 году установилась Советская власть, коллектив избрал её директором фабрики. У неё было много знакомых среди рабочих, простых людей,

которые жили в Белостоке. Она была депутатом Народного собрания Западной Беларуси, которое постановило о присоединении Западной Беларуси к Белорусской Советской Социалистической Республике. Кроме того, в Белостоке жили её родственники. Все были уничтожены. В Белостоке жила сестра отца — Рахиль. У неё летом 1941 года родилась девочка. Когда мать погибла, опекунство надо мной взяла сестра отца, и я находился с ней.

Это рассказала моя спасительница отцу, когда он с ней встретился, и написала в Яд Вашем, когда ей присваивали звание «Праведник Народов мира». Ни одного из свидетелей тех событий не осталось. Все

мои родственники, которые были на оккупированных территориях, это Вильно и Белосток, были уничтожены.

- И в том числе женщина, которая взяла над вами опеку, Рахиль, тоже погибла?
 - Она тоже погибла.
 - Как ваша спасительница узнала про вас?
- Есть документ на польском языке, она написала его и отправила в Яд Вашем. Вот перевод документа.

«Генуэфа Майферт. До замужества Бендарска. Родилась 13 января 1917 года».

В 1941 году ей было 24 года. Вся жизнь впереди. Понятно, чем она рисковала. Писала она это письмо в 2002 году.

«Адрес во время войны — Белосток, улица Святого Роха, 2».

Это улица, где размещается костёл Святого Роха.

«Во время войны проживала с матерью в Белостоке, снимала квартиру внаём у знакомого доктора-педиатра. Работала на прядильноткацкой фабрике № 25, которая находилась на пересечении улиц Липовой и Ново Свят. Директором была Евгения Каплан, мать ребёнка, родившегося в 1940 году, который был спасён мною.

История спасения.

...Рахиль, по мужу Шелман, была работницей фабрики. Сестра отца ребёнка взяла на себя заботу о мальчике. У неё была своя дочь, они были заключены в Белостокское гетто. Имя мальчика Миша Розенштейн. Я поддерживала отношения с пани Шелман. Однажды во время встречи она попросила меня, чтобы я взяла мальчика из гетто. Мальчик был очень исхудавший и больной. Я была молодой, и мною не руководили никакие материальные побуждения. Сделала это, руководствуясь дружбой с умершей уже матерью ребёнка и пани Шелман».

Жена брата отца, который погиб в Освенциме, встречалась с Генуэфой Майферт в 1944 году, когда был освобождён Белосток. Я попросил её описать те события. Она написала, что Рахиль могла отдать свою дочь, но не отдала, потому что очень любила отца и считала, что муж её уже был уничтожен, сама она тоже не выживет, а отец мальчика, который находится на фронте, может быть, останется жив и найдёт ребёнка, и таким образом будет продолжен род.

Она практически пожертвовала своей дочерью, отдав меня Генуэфе, потому что та могла взять только одного ребёнка.

- Страшная жертва. Сделать такой выбор...
- Это совершенно другие люди. Невозможно описать. Рахиль тоже была членом Коммунистической партии Западной Беларуси, и брат отца был коммунистом.

Давид Иосифович Розенштейн

«При виде больного маленького ребёнка я не могла равнодушно уйти, не сделать ничего, чтобы ему помочь, — пишет Генуэфа. — Было это в декабре 1941 года или в январе 1942 года. Пошла в гетто с двумя товарищами. Один из них наблюдал за немецким часовым, а другой — открывал двери, выносил ребёнка из полиции.

Отнесла ребёнка домой. Моя мать, Анастасия Бендарска, когда увидела ребёнка, сказала: «Дочка, зачем ты принесла этот скелет?» Лечением ребёнка занимался педиатр, у которого мы были квартирантами.

Шансов на выживание без доктора не было. Отдавала себе отчёт, что за укрывание еврейского ребёнка мне и моей матери грозит смерть,

решила крестить ребёнка».

Дом был многоквартирный. Соседи... Вчера у паненки Генуэфы ребёнка не было, а сегодня — есть. Он кричит и плачет, его не спрячешь в шкаф, как взрослого человека.

Она сделала этот шаг, и если церковь признала, а поляки католическая нация, значит, надо было и остальным признать.

«Дала ему имя Мирослав. Крёстным отцом стал органист костёла Святого Роха. Никаких денег за укрывательство мальчика не получала.

Прошли годы оккупации, я очень полюбила своего приобретённого сына. Было нам вместе хорошо. Пришло ощущение, что будет он только моим. В один из дней, было это в августе 1944 года, когда был освобождён Белосток, кто-то постучал в мою дверь. У порога квартиры стоял Давид Розенштейн отец мальчика. Отец забрал сына и поселил в Легнице, где он служил после окончания войны. Позже выехал в Минск.

Желаю, чтобы институт Яд Вашем получил как можно больше доказательств помощи и жертвенности со стороны славянских народов по отношению к еврейскому народу во время той страшной войны».

- Как отец узнал, кто вас спас?
- Отец в своих воспоминаниях о матери пишет: «Что касается судь-

бы нашего сына, то о том, что он спасён поляками, я узнал от белостокских товарищей, советских партизан и партизан Армии Людовой, с которыми познакомился в 1943-44 году на территории Гродненщины, где находился в составе советского партизанского соединения в качестве сотрудника редакции. Сына увидел в 1944 году во время

Маленький Миша со спасительницей Генуэфой Майферт

боев за освобождение Белостока. К гражданке Майферт меня привели по просьбе Станислава Бурузинского, это один из руководителей антифашистского подполья Белостока».

Наверное, когда меня забирала Генуэфа Майферт, то об этом знало антифашистское подполье, и за моей судьбой как-то следили.

- Вы после войны встречались со своей спасительницей?
- В 1944 году отец меня увидел, но война ещё не окончилась. Пару месяцев он находился в Белостоке и Гродно. Его хотели оставить в тылу, но по решению ЦК компартии и политуправления он пошёл на запад, и я остался с Генуэфой. Мы переехали в Гданьск, когда немецкое население выселялось оттуда и, соответственно, город заполнялся польским населением.

До 1946 года я находился с Генуэфой Майферт. Отец пишет: «Наконец в 1946 году, когда находился в Познани в редакции газеты Свобода, сын стал жить со мной».

- После этого Вы не виделись с Генуэфой?
- Она навещала меня, пока я с отцом был в Польше. Это было в Познани в 1946 году. (Показывает фотографию). Написано: «Любимому сыночку». Вот вторая фотография, это уже 1947 год в Легнице. Она приезжала. (Показывает фотографию).
 - Красивая женщина.
 - Очень красивая. Настоящая пани.
 - На звание Праведника Вы её представляли?
 - Конечно. Ей уже посмертно дали медаль Праведника и диплом.

Они остались в Яд Вашеме, так как близких родственников у неё не было.

- Чем в послевоенные годы занималась ваша спасительница?
- Она жила при муже. Они много путешествовали.
- Как сложилась после войны судьба вашего отца?
- Он прекрасно знал польский, идиш, немецкий и русский. Войну закончил в редакции газеты на польском языке, которая издавалась в Польше. Второй раз женился. Моей приёмной матерью была военврач, которая тоже прошла войну, работала в госпитале. Она по специальности детский врач. Во время войны была хирургом. Потом наблюдала детей в детском саду, который был при Группе советских войск в Легнице. Она прониклась моей судьбой, потому что я был такой беззащитный. Ещё плохо говорил по-русски и уже плохо говорил по-польски, дети меня третировали, нянечки и воспитательницы не понимали, что я говорю. Я их тоже

отец служил на территории Польши. Я в 1947 году пошёл в первый класс легницкой советской средней школы. Но в 1949 году поступило указание, что все советские дети должны покинуть Польшу. Встал вопрос, куда же мне ехать. Отца не демобилизовали, приёмная мать при нём, и меня определяют к родственникам приёмной матери. Чужие люди взяли ответственность за ребёнка, которому девять лет. Я еду

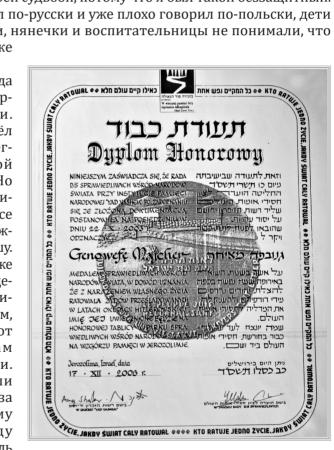
в город Электросталь

Московской области.

на год-два думали, но

не понимал.

До лета 1953 года

Диплом Яд Ва Шем о присуждении звания «Праведник Народов мира»

я там оканчиваю среднюю школу. Отец в 1953 году демобилизуется, едет в Гродно и работает в газете. После этого переезжает в Минск, наверное, в 1955 году. Минск был разрушен, жилья не было, взять меня невозможно, они снимали какую-то комнатушку на Немиге.

Отец работал до пенсии в журнале «Колхозник Беларуси», редактором которого был Самутин — один из руководителей Белостокского партизанского соединения.

- Ваша судьба?
- В 1956 году отец как демобилизованный офицер получил квартиру. Я стал приезжать в Минск. В 1957 году переехал сюда жить.

Хотел поступить в Институт механизации сельского хозяйства, приняли на заочное, и до 1959 года учился. Служил в армии. В 1961 году демобилизуюсь. Поступил во Всесоюзный заочный электротехнический институт связи. В Минске был филиал.

- Это стало вашей профессией?
- До этого я работал слесарем на заводе вычислительной техники имени Орджоникидзе. Потом перешёл в конструкторское бюро и работал там 48 лет до самой пенсии.

Михаил Давидович Розенштейн выполняет свой долг перед родными, сверстниками. Перед теми, кто стал жертвами Холокоста. Он заместитель председателя Белорусского объединения узников гетто, ведёт большую общественную и исследовательскую работу, по мере сил и возможностей помогает другим людям и рассказывает о тех страшных годах, которые ему суждено было пережить. Чтобы эти рассказы стали назиданием для всех последующих поколений.

С Михаилом Розенштейном беседовал Аркадий ШУЛЬМАН.

Историческая справка

Накануне Великой Отечественной войны в Белостоке проживало около 50 тысяч евреев, а в близлежащих к нему районах — ещё 350 тысяч.

27 июня 1941 года город был захвачен немецко-фашистскими войсками, и уже на следующий день они сожгли еврейский квартал. Во время этого пожара погибло более 1 тысячи евреев, которых заперли в одной из синагог.

Следующее массовое уничтожение еврейского населения в Белостоке произошло в первой половине июля 1941 года, тогда оккупанты уничтожили около 6 тысяч человек.

26 июля того же года в городе был учреждён юденрат, руководителем назначен Эфраим Бараш — один из наиболее активных членов

местной еврейской общины. Он организовал работу промышленных предприятий — в надежде на то, что еврейское население не будет подвергнуто уничтожению, поскольку будет работать на важном для экономики Германии производстве.

1 августа 1941 года в Белостоке было создано гетто, куда согнали более 50 тысяч местных евреев. Все узники в возрасте от 15 до 65 лет были обязаны работать на предприятиях, и за эту работу они получали паёк — 500 г хлеба в день (в последующем — 350 г).

С февраля 1942 года фашисты начали проводить в гетто массовые убийства узников. Во время первой акции они уничтожили около 1 тысячи евреев, а 10 тысяч из Белостока отправили в лагерь смерти в Треблинке.

С ноября 1941 года в гетто начало создаваться организованное сопротивление. В марте 1942 года был создан Объединенный антифашистский блок. В отличие от других восстаний, в Белостоке силы Сопротивления поддерживал руководитель юденрата Бараш. До весны 1943 года Движение сопротивления в гетто поддерживало связь с варшавской Еврейской Боевой Организацией, с гетто Вильно и с партизанским отрядом Юдиты, действовавшим в лесах с декабря 1942 года. В феврале 1943 года еврейское Сопротивление получило помощь оружием, медикаментами, разведывательной информацией от немецкого антифашистского движения.

Первые вооружённые столкновения в гетто были во время акции депортации 5 – 12 февраля 1943 года.

В начале августа 1943 года немцы приняли решение об окончательной ликвидации Белостокского гетто. В ночь с 15 на 16 августа гетто было окружено тремя кольцами немецких войск. Войскам были приданы полевая артиллерия, танки, броневики и самолёты.

16 августа 1943 года в гетто началось вооружённое восстание. В восстании участвовало всего около 300 человек, так как вооружения повстанцев могло хватить лишь для такого количества бойцов.

Отдельные группы евреев оказывали сопротивление в течение месяца. После полного подавления восстания немцы вывезли 40 тысяч узников гетто в Треблинку и Майданек.

Белосток был освобождён советскими войсками в июле 1944 года. В это время в городе осталось 1085 евреев, а из всех узников гетто спаслось 260 человек (некоторые из них выжили в концлагерях, другие находились в партизанских отрядах).

Историческую справку подготовил Константин КАРПЕКИН.

Страшное детство в неволе

Когда началась война, маленькой Лиде Матлаховой было всего шесть лет. Она жила с матерью и двумя старшими братьями в деревне Крынки, в двадцати пяти километрах от Витебска.

Отца она не помнила — он оставил семью вскоре после её рождения, мать, неграмотная деревенская женщина работала в колхозе и одна растила детей. Старший брат с рождения был инвалидом, у него были проблемы с позвоночником — горб — и совершенно не двигалась одна нога. Всю жизнь ему приходилось носить корсет, а две операции, которые ему сделали до войны, никак не помогли. Но, как нередко бывает, природа, обделившая его здоровьем, дала ему светлую голову и золотые руки: за что бы он ни брался, всё у него выходило быстро и хорошо. Второму брату в сорок первом едва исполнилось тринадцать. Кроме них в Крынках жили ещё старшие братья матери со своими детьми и многочисленная родня.

11 июля 1941 года немцы взяли Витебск и перешли в наступле-

ние на смоленском направлении. Деревня Крынки и носящая то же название железнодорожная станция оказались в их руках через два дня, а ещё через три они вошли в райцентр Лиозно. И с первых дней оккупации начали устанавливать в районе свой порядок. Сопровождалось это, как всегда, массовыми репрессиями. Оказавшиеся в условиях жестокого террора, находясь под постоянной угрозой для жизни, люди стали уходить в леса. Стихийно начали возникать небольшие партизанские группы, быстро разраставшиеся в отряды. С первых дней подались в партизаны и мужчины из Крынок, были среди них и родные племянники матери Лиды — сыновья её старшего брата.

С таким сопротивлением немцы столкнулась впервые с начала своего успешного наступления и ещё больше ужесточили режим. Крынки почти полностью сгорели во время их наступления. Один из братьев матери выкопал землянку, в которой какое-то время они и ютились — он с двумя взрослыми дочерьми и мать со своими тремя детьми. Но очень скоро такая относительно спокойная жизнь закончилась.

В один из дней в деревне появились полицаи, в основном все были из местных. Людей выгнали на улицу и заставили строиться — детей и взрослых отдельно. Мать в это время пекла хлеб, даже не успела вытащить его из печки. Это была карательная акция, потому что сразу же начались расстрелы. Первым увели за дом и расстреляли старшего брата матери, чьи сыновья ушли в партизаны. Мать плакала и причитала, но это не помогло. Следом за ним полицаи расстреляли ещё четырёх молодых парней. Не исключено, что та же участь ожидала и остальных, но в это время появился немецкий переводчик, он отвёл старшего полицая в сторону, что-то сказал ему, после чего людей отпустили.

Не дожидаясь худшего, многие попытались укрыться в лесу, но там сразу же нарывались на полицейские кордоны. Свободной оставалась только одна дорога — в сторону станции, а там, как вскоре выяснилось, их уже ожидал и готовый к погрузке эшелон и оцепление солдат. Немцы, не разбираясь, начали заталкивать людей в товарный состав. Лидина семья и дядя с дочерьми оказались в одном вагоне. После этого они уже так и держались вместе до самого конца войны. В том же вагоне ехало с ними ещё с десяток семей из их деревни.

Поезд шёл на запад с редкими остановками на крупных станциях в Польше, вся дорога заняла более пяти суток. Немцы в пути не кормили, питались тем, что успели прихватить из дому. Выгрузили их в Германии на станции в Кольтешагайте. В наши дни трудно опреде-

лить, что в те годы могло так называться — деревня, посёлок, станция или же сам концлагерь, сегодня на карте Германии такого названия уже нет. Но во время войны концентрационные и трудовые лагеря, а кроме этого и их многочисленные отделения были разбросаны по территории всей Германии и размещались во многих населённых пунктах.

Концлагерь, куда их привезли, состоял из трёх отдельных лагерей, расположенных друг от друга в нескольких километрах, в среднем из них дымил трубой крематорий. Семья Лиды попала в первый по счёту лагерь, там уже находились заключённые, вывезенные из Украины. Он был разделён на две части, в большей из них в буквальном смысле умирали от голода советские военнопленные. В воспоминаниях Лиды это были живые скелеты, они едва держались на ногах и с трудом перемещались по территории. Некоторые висели на колючей проволоке, разделявшей лагерь, и просили хлеба, который взять было негде — его у самих не было. Во второй половине содержались гражданские, здесь стояли два длинных барака и несколько служебных помещений. Внутри бараки делились на множество комнат, в каждой из них вдоль стен высились трехъярусные нары и под потолком едва светилось забранное решёткой окошко.

В одну из этих комнат и подселили на долгие четыре года мать Лизы и всю их большую семью. Опасаясь, что немцы каким-то образом смогут узнать о воевавших в партизанах родственниках, мать ещё в поезде уничтожила все документы, так что в лагере данные всех записали с их слов. Одна из дочерей брата была беременна, она родила в лагере. Её дочка живёт сегодня в Москве и считается малолетней узницей. А отец этой рождённой в неволе девочки в то время воевал на фронте и не имел представления о том, что происходило с его близкими.

Кормили в лагере вареной брюквой, хлеба не было вообще. Голод мучил постоянно и детей, и взрослых, его ощущение не покидало даже во сне. Одежду заключённым не выдавали, ходили в том, в чём приехали, и, несмотря на вечные ремонты и починки, она постепенно превращалась в лохмотья. Лишь ближе к зиме выдали телогрейки с нашивками, определявшими национальность узника: русский, белорус, украинец — такой в основном был национальный состав лагеря. Находились в нём ещё несколько семей из Средней Азии.

Взрослых и детей постарше каждый день уводили на работы. Работали под охраной, как минимум по двенадцать часов. Труд этот был изнуряющим и тяжёлым — в основном на укладке и ремонте железно-

дорожных путей. Лида в это время оставалась в лагере присматривать за больным братом. В их лагере отношение немцев к заключённым ничем не отличалось от всех прочих лагерей — издевательства и побои были обычным явлением, и причём не только со стороны эсэсовцев из охраны.

Однажды по лагерю везли картошку, Лида и ещё одна девочка тайком пристроились за телегой и стащили оттуда по одной картошине. Солдат из хозчасти, который эту картошку вёз, избил их до такой степени, что Лида после этого две недели не могла подняться на ноги. Её брат как-то попытался пролезть под проволоку в надежде раздобыть что-нибудь съестное. Мальчишку избили до полусмерти и посадили на голодный паёк в карцер. Когда он через три дня вышел, то едва держался на ногах, его рвало слизью. У кого-то в лагере нашлись уксус и сода — только таким образом его удалось спасти.

Но были и другие немцы, с одним из охранников Лида даже подружилась. Как-то она подошла к воротам, где он дежурил, и спела ему песенку на немецком:

«Ку-ку, ку-ку, зуфтем эс дем вальс.

Лясен ун зинген, танцен ун шпринген,

Фрулен, фрулен вит эсен бат».

(Записано со слов Лидии Афанасьевны Матлаховой)

После Лида попросила её выпустить. Солдат погладил ребёнка по голове, предупредил, чтобы долго не гуляла, поскольку у него скоро заканчивается смена, и открыл ворота.

Этой нехитрой песенке Лиду через колючую проволоку научила немка из соседней деревни. Оказавшись на свободе, девочка быстро отыскала её дом. Немка ребёнка накормила, завернула с собой хлеба и дала немного мелочи. После этого Лида наведывалась к ней регулярно. Она отдавала часовому полученные от немки пфенинги, а когда возвращалась, говорил ей день и время, когда прийти в следующий раз. И этот хлеб, который она проносила в лагерь, безусловно, помогал выживать всей семье.

Зимой 1945 начались бомбёжки. Бомбоубежище находилось рядом с бараками, и иногда в нём приходилось проводить всю ночь. Через месяц по лагерю стали ходить слухи о скорой эвакуации, а ещё спустя какое-то время начались разговоры о том, что никуда их не повезут, а скорее всего, расстреляют.

Однако, немцы так и не успели ни вывезти лагерь, ни ликвидировать его — слишком стремительным было наступление советских войск. Наверху шёл бой, все узники лагеря сидели в бомбоубежище.

Когда всё затихло, в бомбоубежище широко распахнулись двери, и в проёме показались наши солдаты. Трудно передать, сколько было радости, счастья, люди плакали, обнимались, женщины целовали своих освободителей, ведь для них наконец-то закончились эти жуткие годы, полные ужаса, страха и мучений. Кто-то из заключённых спросил: «А где же немцы, куда девалась охрана?». Тогда один из офицеров подвёл интересовавшихся к комендатуре и показал подвал, забитый трупами охранников.

Освобождённых строго-настрого предупредили, чтобы не приближались к домам рядом с лагерем — все они были заминированы. А вскоре на ближайшей станции их погрузили в вагоны и отправили домой. В дорогу выдали хлеб и сало, в пути так же регулярно выдавали хлеб и сахар, а когда ехали через Польшу, хлеб и другие продукты к поезду подносили поляки.

Дорога до Витебска была долгой, случались продолжительные стоянки на станциях, но людей это не слишком беспокоило, ведь они возвращались на родину, это была дорога домой.

Для семьи Лиды Матлаховой годы кошмара и мучений закончились благополучно, ведь что ни говори, а все остались живы. Стоит сказать, что так повезло немногим, в том числе и их землякам из Крынок.

Из Витебска на Смоленск через Крынки уже ходили поезда. Люди знали, что возвращаются на пустое место, где нужно начинать всё с начала — их деревня сгорела ещё в 1941. Но это был их дом, их земля, и это была уже совершенно другая жизнь — жизнь без войны.

С Лидией Матлаховой беседовал Семён ШОЙХЕТ.

Три страшных года оккупации

Дом, в котором до войны в Витебске жили Нина и Мендель Аликимовичи с двумя маленькими дочурками Женей и Галей, сохранился и в наши дни. Это дом номер пять по проезду Гоголя. В июле сорок первого, когда начались все эти события, Жене шёл седьмой год, а Гале едва исполнилось пять.

Случилось так, что в один из тех дней отец ушёл на работу и ушёл навсегда, больше они его никогда не видели. В тот день эвакуировали витебский завод имени Коминтерна, на котором он работал. Вместе с заводом вывезли в тыл часть рабочих, в их числе оказался и отец. После его призвали в армию, а с фронта он не вернулся.

Потом начались страшные бомбёжки. В детской памяти Жени они отложились на всю жизнь. Она и сегодня помнит, как они бежали с матерью по Задуновской (ныне улица Фрунзе) в сторону Тулова, и там прятались во ржи от пролетавших над головой немецких самолётов. А после, когда возвратились в город, оказалось, что их дом разбомбили.

Они стояли около горящего здания, в котором у них осталось всё. Когда началась бомбёжка, они в спешке бежали в чём были. А после ходили по домам и просили хоть что-нибудь из того, что люди могли дать — одежду, еду, приют. Жене хорошо запомнилось, как в каком-то доме матери подарили пуховую подушку, а им с сестрой, вместо игрушки, маленький красный кувшинчик. Спать в эти дни им пришлось у чужих людей в разных местах — там, где пускали переночевать.

Ну а когда пришли немцы, в первую очередь по городу стали выискивать евреев, и буквально с первых же дней начались расстрелы и казни. По прошествии нескольких недель такой жизни Нина решила уходить из города. Было страшно за детей, ведь отец у них был еврей, и об этом люди знали, а кроме того нужно было где-то и за что-то жить. И они пошли в Городок. Нина сама была оттуда родом, и там проживали два родных брата её матери. Больше идти было некуда.

Когда шли мимо Клуба металлистов, где немцы уже приступили к созданию гетто, через дыры в ещё недостроенном заборе было видно, как там стреляли в людей и сталкивали их в какую-то яму. А в следующую минуту Женя увидела жуткую картину — крошечному ребёнку разбили о стену голову и тоже швырнули в ту же яму. От ужаса она закричала на всю улицу. Мать схватила детей за руки и потащила прочь от страшного места.

Все тридцать пять километров до Городка им пришлось пройти пешком, транспорта не было, по пути к ним присоединилась ещё одна женщина с дочкой, у которой тоже был муж еврей.

В Городке они остановились у Семёна, младшего из Нининых дядей. Его до прихода немцев в армию призвать не успели. А старший её дядька Антон был уже непризывного возраста. Жил Семён на улице Пионерской, недалеко от центра. Хозяйство у него было приличное — большой огород, коровы, свиньи, даже лошадь, но впоследствии немцы забрали всё, вплоть до последней курицы.

Но долго, к сожалению, они у Семёна не задержались, и причиной тому была Женя. Она никак не могла поладить с младшим Семёновым сыном Стёпкой, её одногодком. Жена Семёна, постоянно защищая своего ребёнка, в конце концов предложила Нине подыскать себе какое-нибудь другое пристанище. На тот момент пустующих, оставленных людьми помещений в Городке было предостаточно, и Семён нашёл для них комнату в центре, в доме рядом с немецкой жандармерией.

Очень скоро в Городке возникла та же проблема, от которой Нина бежала из Витебска. Городок был небольшим населённым пунктом, и о том, что она была замужем за евреем, здесь знали все. Стоило де-

вочкам появиться на улице, как их начинали обзывать «жидовками». Они с плачем возвращались к маме, и Нина в конце концов перестала выпускать их из дома. Вот только непоседу Женю, где-то запереть было сложно. Но она была светленькой, совершенно непохожей на еврейку, так что мать несильно её и удерживала. Ну а черноволосой и смуглой Гале выходить куда-либо Нина запретила напрочь.

Однако всё это несильно помогло. Вскоре появились приказы, обязывающие родителей регистрировать детей-полукровок в полиции. Опасности добавила гулявшая с немцами тёткина племянница. Нина имела неосторожность высказать ей своё мнение по этому поводу, а та недолго думая донесла на неё в комендатуру. Нину таскали на допросы, избивали шомполами, но она выдержала — ведь не могла же мать отдать на смерть своих детей. В конце концов помог живший за стенкой сосед полицай. Он поклялся немцам, что знал её мужа, и что тот русский.

Работы в Городке не было вообще, тем не менее, жить на что-то надо было. Вначале Нина побиралась, потом научилась гадать, и этим с горем пополам как-то зарабатывала на пропитание себе и детям. А Женя постоянно носилась по улицам и залазила во все возможные и невозможные дыры. Однажды, заслышав где-то мычание коров, они с соседским пацаном забрались в пустой, примыкающий к соседнему двору дом и через выбитое окно стали с интересом наблюдать, как немцы бьют скот. Немецкий солдат, заметив в окне двух любопытных детей, выплеснул на них ведро крови. Когда Женя в таком виде возвратилась домой, мать поначалу схватилась за голову, однако, выслушав её историю, ещё добавила сверху.

Осенью девочки заболели тифом, их поместили в тифозный барак. Что он из себя представлял? Длинное помещение, внутри в два ряда двухъярусные нары. И вдоль этих нар вплотную друг к другу лежали мужчины, женщины, дети — больные, выздоравливающие, живые и уже неживые. Женя с Галей сбежали оттуда на следующий день. Когда они снова появились дома, соседка посоветовала Нине крестить их.

— Глядишь, поможет, — сказала она.

Церковь была рядом, Нина сходила и привела священника. Уже подходя к их двери, он неожиданно остановился.

- Чем болеют дети?
- Тифом.

Ни слова не говоря, священник развернулся и ушёл. Через месяц дети пошли на поправку, но после этого Нина ни разу в жизни не переступала порога церкви.

Зима сорок первого была голодной и холодной. Мужчин в семье не было, дрова Нине приходилось пилить вдвоём с Женей. В комнате у них стояла полуразвалившаяся печурка, её топили каждый день, но всё равно было холодно, и чтобы не зам`рзнуть, натягивали на себя всё, что только было. Однажды, когда Женя несла домой из сарая дрова, стоявший неподалёку немец спустил на неё собаку. Женя закричала, упала лицом в снег, но помочь было некому, и овчарка с остервенением рвала на ней одежду, прокусывала её насквозь, до тех пор, пока солдат не отозвал её. Так она и зашла домой — в изодранной одежде, заплаканная и перепуганная, неся перед собой охапку дров.

Весной, почувствовав, что уже не в состоянии прокормить двоих детей, Нина отправила Женю к своей крёстной Марии на станцию Залучье, оставив при себе только младшую Галю. В Залучье тётя Маша сразу же начала откармливать бледного и худющего как щепка ребёнка. Она могла даже разбудить её среди ночи, чтобы заставить что-нибудь съесть. Её муж дядя Ваня работал на железной дороге и был связан с партизанами. К этому впоследствии привлёк и Женю.

Она начала пасти их корову, выпас был недалеко от леса. Каждый раз ей давали с собой маленькую котомку, а в лесу её кто-то забирал. Что было в той котомке, Женя, конечно, не знала, скорее всего, какие-то сведения для партизан.

К дяде Ване относились с большим уважением. Однажды ей пришлось убедиться в этом. Как-то двое незнакомых попытались забрать у неё корову. Женя расплакалась. Она всячески упрашивала не забирать её, говорила, что корова не её, а дяди Вани.

- Какого дяди Вани? спросил один из незнакомцев. Иван Иваныча из Залучья?
 - Да, сквозь слёзы ответила Женя.

Парни глянули друг на друга и оставили корову в покое.

В Залучье Женя пробыла больше года, и только осенью сорок третьего, проезжая мимо, Семён забрал её и отвёз к матери в Городок.

Вскоре опять начались бомбёжки, на сей раз бомбили наши. С каждым днём они становились всё более и более интенсивными, а по мере приближения фронта к ним добавились ещё и артобстрелы.

Рядом с их домом во дворе жандармерии немцы выстроили большой глубокий бункер, в нём обычно и укрывались от бомбёжек. Однажды, спускаясь в него, Женя обогнала какую-то женщину. Она уже сбежала вниз и была рядом с металлической дверью бомбоубежища, когда наверху, у самого входа в бункер, раздался взрыв и неожиданно к её ногам скатилась голова той женщины, которую она только что обогнала.

Запомнился Жене и ещё один случай. Их соседка Маша, у которой была трёхлетняя дочурка Валя, во время артобстрела вместо того, чтобы спасать себя и ребёнка, принялась спасать своё добро. Она вытащила из дома сундук, посадила на него дочку, а сама бросилась в дом за оставшимися вещами. Когда она выходила с двумя чемоданами, её разорвало прямым попаданием снаряда. После артобстрела жившая неподалёку Машина золовка столкнула куски её тела в воронку с водой и унесла к себе оставшиеся от родственницы вещи. А маленькая Валя бегала за Женей и плакала: «Зеня, забери меня. Забери меня». Чуть позже из деревни приехала Машина мать, она вытащила из воды по кускам свою дочку, чтобы похоронить по-человечески, и забрала к себе ребёнка.

Незадолго до освобождения Городка Семёну пришлось скрываться — немцы ходили по домам и забирали оставшихся мужчин. Трудно сказать, что это было, возможно, насильственная мобилизация в полицию, а может, на оборонительные работы. Естественно, что его не устраивало ни то, ни другое. Он выкопал во дворе погреб, в котором и прятался до прихода Красной Армии.

Когда в декабре 1943 года началось наступление, оставаться в местечке уже стало невозможно. Немцы, уходя, сжигали за собой всё: деревья, дома, зачастую вместе с людьми. После дети видели в домах жуткие обгоревшие трупы. Не дожидаясь худшего, Нина собралась, забрала девочек и ушла к Семёну. Там, в выкопанном погребе, они сидели вместе, пережидая, когда всё закончится.

Погреб был приличных размеров, так что места хватило всем. Семёна затолкали в мешок, а на него посадили детей, будто они сидели на вещах, на тот случай, если зайдёт кто-то посторонний.

Гостей, естественно, не ждали, но однажды незваный гость всё же постучался. Нина поднялась, открыла дверь — за дверью стоял немецкий солдат в армейской форме. В руке он держал гранату и сразу же пригрозил бросить её в погреб — возможно, подумал, что там партизаны. Нина поговорила с ним, рассказала, кто в погребе. Солдат спрятал гранату и сказал:

— Я не эсэсовец, женщин и детей не убиваю, а вы сидите тихо, никуда не высовывайтесь и никому не открывайте.

Уже поздно ночью в дверь опять постучали. Решили не открывать, но стук повторился, потом ещё раз. Поняв, что открыть всё равно придётся, Нина поднялась к двери. Когда она открыла, сразу упала в обморок. Перед ней стоял человек во всём белом — это были наши передовые части.

Все высыпали из погреба, женщины и дети обнимали, целовали освободителей. Когда наверх поднялся Семён, солдаты, обрадовавшись, что среди спасшихся оказался ещё и мужчина, принялись его качать. Вокруг всё было изрыто воронками, уже не было ни дома, ни хлева, ни сарая, но в то место, где находился погреб, не попал ни один снаряд, видимо, им всё-таки суждено было жить.

Назавтра днём в центре Городка можно было наблюдать странную картину. Он практически уже был занят нашими частями, а по улице, как ни в чём не бывало, шёл пьяный немец и играл на губной гармошке. Его повесили во дворе их дома, а дети с нескрываемой злобой швыряли камни в его полураздетый, болтавшийся на верёвке труп.

Семён вскоре ушёл на фронт и возвратился домой без ноги.

Нина с детьми в Витебске оказалась только через полгода, после его освобождения. Она не хотела туда возвращаться, в Городке у неё были родственники, а там вообще никого. Но к тому времени вышло постановление — всем вернуться к месту довоенного проживания, так что выбора не было.

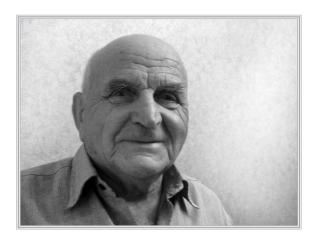
Из Городка добирались на открытой платформе. Стоило Нине на одной из остановок на пару минут отлучиться по своим делам, как у детей украли собранные женой Семёна в дорогу продукты — соль, хлеб, картошку.

В неуютном разрушенном Витебске они пошли к фабрике КИМ, где Нина работала до войны. Предприятие лежало в руинах, но уже начинались восстановительные работы.

Оставив детей возле пустой коробки здания Пятого коммунального дома, Нина пошла искать дирекцию. Вернулась она с буханкой хлеба, которую ей выделил директор фабрики Голынчик. Нину приняли на работу, а пока посоветовали найти себе более или менее целое помещение в разрушенном детском садике. Когда восстановили здание Шестого коммунального дома, в нём они получили большую комнату.

Так началась для них новая, мирная послевоенная жизнь.

С Ниной Аликимович беседовал Семён ШОЙХЕТ.

Три фамилии и два имени одного человека

Василию Рубиновичу Лобанку недавно исполнилось 90 лет. С юбилеем его поздравляли дети, внуки и правнуки. Кто-то из них живёт рядом в Борисове, кто-то в Израиле. Поздравили члены еврейской общины Борисова. Прямо под окнами его квартиры (Василий Рубинович живёт на первом этаже, пандемия, и устраивать массовые празднества не рекомендуют) хореографический коллектив танцевал под еврейские мелодии. Весь многоквартирный дом узнал про юбилей и присоединился к поздравлениям. И мы, хотя и немного позже, пришли поздравить Василия Рубиновича с 90-летием и поговорить с юбиляром.

- Где Вы родились?
- Гродненская область, город Мосты.
- Вы с 1930-го года. Помните довоенное детство?
- Конечно, помню. Папа Рувим Рубинштейн. В польское время был сапожником на дому. А в советское устроился в воинскую часть телефонистом. Мама Цыва, Цывилья. Была домохозяйкой. В семье двое детей: я старший и брат, младше года на четыре, Лёва.
 - Вы начинали учёбу в польской школе?
- Я окончил два класса польской школы. Недалеко от нашего дома была синагога, и там чему-то учились, но я туда не ходил. Хотя в польское время мы в семье соблюдали все обычаи. Праздники были,

суббота, кошерная пища. И тфилин, и талит. Но я не думаю, что семья была очень фанатичная.

- Опишите довоенный городок Мосты.
- Небольшой, хоть и районный. Деревянные здания, были и двухэтажные. Город в основном говорил на польском языке и на идиш. В семье тоже так говорили. У нас в Мостах своего дома не было. Мы поселились на квартире. До этого жили в местечке Лунно. Потом переехали, остановились у вдовы, она полька, была замужем за крещёным евреем. Фамилия у неё Бляхер, или Бляхоровска, она говорила: «Пани Бляхоровска». У неё было четыре дочки, одна другой меньше, материально очень тяжело жила.
 - А Ваша семья хорошо зарабатывала?
 - Голода не помню, но и роскоши не было.
 - Рядом с границей жили, были ли разговоры о войне?
- Я знал о войне с 1939 года. Над нами пролетали немецкие самолёты, когда Красная Армия ещё не вступила в Западную Беларусь, до 17 сентября 1939 года.
 - А как отнеслись к Красной Армии в 1939 году?
- Радовались, хотя и не все. У нас были богатые люди: завод был, лесопильный цех большой. Их хозяева не радовались. Я помню, бегал с пацанами, яблоками красноармейцев угощали.

Мы хотели переехать. Разговоры в семье были, что есть родня то ли в России, то ли в Америке. Потому что чувствовали, что будет война. Но отец устроился в воинскую часть, и никуда мы не поехали. Когда война началась, в первый же день воинская часть выдала машину-«полуторку» на три семьи: мы — вчетвером, муж с женой, тоже работали в воинской части, и ещё одна женщина ехала с нами в кабине.

Мы выехали 22 июня вечером. Доехали до местечка Пески, это близко. Остановились. Слышали разговоры: «Десант, десант». Вернулись обратно. И поехали назавтра утречком рано, но уже на Щучин, Лиду, Минск. Дорогой нас обстреливали немецкие самолёты. Мы соскакивали с машины, опять садились. Но настроение было бодрое. Думали, что мы покажем немцам! За Лидой заехали в лес, как я понимаю, это была Налибокская пуща, и движение уплотнилось: военных не было, гражданские всё. Впереди немецкие десантники перекрыли дорогу. Были слышны выстрелы. Думали, поедем дальше. Но получилось всё наоборот. Налетели самолёты, бомбили нас. Мама, брат и я побежали в лес. Закончилась бомбёжка. Помню пыль, дым, стоны людские. Мы остались живы, но заблудились. Лёва плакал, капризничал.

Я говорю: «Я пойду к папе, и вы приходите». Пошёл и сам заблудился, дороги не нашёл. Маму потерял. Больше я уже ни маму, ни папу, ни брата не видел.

- Какая их судьба, Вам тоже неизвестно?
- Про отца вообще ничего не слышал. После войны, когда я приезжал в Мосты, мне сказали, что мать с братом были в гетто, что дальше, не знаю. Говорили, что вроде их вывозили в Вильно, с Мостов с гетто вывозили на расстрел в Лиду, в Лунно.
 - Вы заблудились, что было дальше?
- Вышел я на какую-то поляну. Военная машина стоит. Солдаты садятся в машину и мне: «Садись, мальчик, чего стоишь». Я с ними сел в машину, мы ехали, нас обстреливали, кто-то куда-то побежал, пули над головами.

...Потом я опять один. Вышел на опушку, народу много, сажают в машину, нужно уезжать. Хотя и по-русски говорят, но я понял, что это немцы. В машину не сел. В кусты забился и уснул.

Утром проснулся, солнце высоко, и я решил идти на восток. Поток людской идёт, и я вместе с ними. В какую-то машину сажусь. Приезжаю — Минск.

Город дымится, едем среди развалин, и люди поднимают провода, чтобы можно было проехать. Доехали до парка Челюскинцев.

В Минске я прожил недели две. Последние несколько дней жил на улице — сейчас Киселёва где пивзавод. Я ходил туда то ли за пивом, то ли за квасом. А потом пришли немцы с бляхами на груди к нам в дом: «Почему дом не помечен? Почему латки не пришиты?» Я у евреев жил. Немцы ушли, хозяева стали латки пришивать к одежде, а мне говорят: «Мальчик, иди на восток, может, останешься живым». Я ушёл.

Дошёл до деревни Шабаны. Там встретился с двумя окруженцами. Перед самой деревней стоял длинный сарай. Мы за сарай, а там стоит машина немецкая. Говорят нам: «Ком, ком — иди сюда». Мы подошли. Немцы корову застрелили, надо было помочь им погрузить тушу на машину. Ребята не понимают ничего, а я молчу. Один из немцев схватился за пистолет, мол, сейчас русских застрелю, как это не понимают, что им говорят. Тогда я стал переводить. Погрузили тушу на машину и собрались уходить. Немцы разобрались, что мы не местные. Говорят: «Поедете с нами». Заставили сесть в машину. Едем в Минск.

По дороге окруженцы объясняют, чтобы я не говорил, что еврей. «Ты русский. А немецкому научила старая еврейка в детском доме».

Меня завели к какому-то немцу, тот дал прочитать листик с печатным текстом на немецком языке. Я два класса польской школы закончил. Буквы похожи, и я легко прочитал.

«Будешь у нас жить. Станешь переводчиком». Так я остался у немцев. В Доме правительства в подвале портные сидели — все евреи. С меня мерку сняли, чтобы пошить одежду. И шёпотом спрашивают: «Еврей?». Я кивнул головой.

Как они издевались над этими людьми, даже страшно рассказывать. Вышли из мастерской, мне какой-то немец-очкарик приказывает: «Пойдёшь со мной». Зашли в комнатку. «Раздевайся». Я разделся. «Штаны снимай». Я всё понял. «Юда», — на меня говорит. Завели в комнатку. Что делать? Прыгать с окна — разобьюсь. Выйти в коридор — там очкарик стоит. Лёг на тюфяк, слышу, идут пьяные немцы, их много. Затворами лязгают. Спасибо шофёру. Стал кричать: «Пьяные, ещё стрельбу здесь откроете. Пускай лежит, завтра разберётесь». И они от меня отцепились. Сели за стол и пьют. Я в самом деле уснул. Проснулся часа в четыре утра и скорее к двери. Часовой идёт, пропускаю и за его спиной что есть духу убегаю. Дальше память отшибло.

...Я в Смолевичах. Иду по местечку. Торбочка за плечами. У меня ни одного документа. Иду на восток, цель — перейти линию фронта. Прошёл Борисов. В городе какой-то траур. В этот день в гетто был массовый расстрел. Я бегом по улице Дзержинского и скорее из Борисова. Прошёл Углы и попал в деревню Поганица. Там я прожил дней пять у какого-то деда. Он говорил: «Оставайся. Я вдвоём с бабкой. Будешь за сына».

- Кто вы, они не знали?
- Я русский. Иванов Василий Иванович, детдомовец, подкидыш, родителей не помню.

Потом слышу их разговор. «Он нас обманул, он еврейчик». А это опасно, там кого-то уже расстреляли за укрывательство.

Я ушёл от них. У меня было сало, огурцы, молоко. Иду от деревни до деревни, ночевал где придётся. Любил на сеновалах спать. Я особо много не болтал, только самое необходимое. Хорошо говорил по-русски, в моём понимании, а коренные жители меня быстро раскусили.

Я сильно голодал в первые недели оккупации. И здесь на меня напал аппетит. Мог в одной хате поесть, потом перейти в другую и там покушать. Люди сочувствовали и в торбочку хлеба давали. Иду, солнце светит, хлеб в торбочке лежит, ну как не отщипнуть кусочек.

- Пытались найти родителей?
- Пытался первое время в Минске. Я жил на Сторожёвке, ходил на Комаровку. Там на заборе на щитах объявления: «Ищу, ищу». Я ходил и читал, может, меня кто-то ищет.

...Прошёл Крупки. Люди идут, и я с ними. Один не ходил — опасно. Попал в Белыновичи. Занесло на Могилёвщину: Шклов, Днепр, железная дорога.

Стало холодать. Я понял, что дальше не пойду. И я там начал ходить от деревни до деревни. К этому времени появились полицаи, старосты, бургомистры. Уже опасно ходить в открытую. Я всё время зубрил поговорки, которым меня люди научили. Пытался научиться языку, на

котором говорили местные. Слово «кукуруза» мне трудно давалось, хотя «р» выговаривал. Но к зиме я уже нормально разговаривал.

Рядом со Шкловом есть деревня (не райцентр) Климовичи. Я пошёл в Климовичи — зима, мороз. Какая-то фуфаечка на мне и зимняя шапка. На ногах лапти. Кое-как добрался. Отвели к бургомистру Потапову. Он меня расспросил. Я снова сказал, что Иванов Василий Иванович, жил у деда, он умер, идти больше некуда. «Ладно, — говорит бургомистр, — поживи в деревне. Иди в крайнюю хату, переночуй, потом пойдёшь в другую, потом в следующую, и так перезимуешь». Он особо меня не расспрашивал. Наверное, догадался, кто я. Потому что одни люди говорили, что я похож на еврея, другие — не похож.

Дошёл до пятой или шестой хаты. Там семья Селедцовых жила. Бабка сердобольная, верующая, меня пожалела. «Ну куда ты пойдёшь? Поживи у нас немножко». Семья была из трёх человек: бабушка Ганна— спасительница моя, сын Емельян и дочка Наталья. Дети взрослые. Там я зиму перезимовал.

- Они знали, кто вы?
- Я им рассказал, без подробностей. Сказал, что еврей.

Они предупредили, чтобы я нигде особенно не ходил.

Там ещё немного подучился местной разговорной речи. Деревня уже знала, что у Селедцовых живёт сирота. Меня весной на общее собрание вызвали. Прихожу — говорят, будешь пастухом. Деревня большая — домов 80 или 100. Я стал пастухом, мне это очень хорошо. Целый день меня в деревне нет, а туда приходят то немцы, то полицаи. Был случай, коров гоним с пастбища, меня женщины встречают и говорят: «Ты пока в деревню не иди. Там немцы. Уйдут, мы тебе дадим знать».

Так я там прожил три года — всю оккупацию. Селедцовым по моему представлению Мемориальный институт Катастрофы и Героизма присвоил звание «Праведник Народов мира».

В деревне одновременно со мной скрывалась ещё одна еврейская девочка, лет на пять моложе меня. Она была типичная еврейка.

В 2001 году за спасение Василия Лобанка (Израиля Рубинштейна) Кривелей (Селедцовой) Наталье, Селедцову Емельяну и Селедцовой Анне было присвоено почётное звание «Праведник Народов мира». Это звание присваивает Мемориальный институт Катастрофы и Героизма еврейства «Яд Вашем» в Иерусалиме.

Меня заинтересовал рассказ Василия Рубиновича о ещё одной еврейской девочке, которая скрывалась в Климовичах. Выяснил, что это была Клара (Марьяся) Каган. Спасали её Зот и Елизавета Чайковы. Им в 1999 году было тоже присвоено звание «Праведник Народов мира».

Василий Лобанок продолжает свой рассказ.

- Прожил у Селедцовых до освобождения. Я деревенский хлопец: и пахал, и на конях ездил.
 - И ни разу никто не усомнился, кто вы?
- Был один такой, мой одногодка Семёнов Миша. Он сказал: «А ты такой-сякой, может, ты..?» Мать ему сразу: «Цыц». И он замолчал.

Не раз бывал на грани жизни и смерти. Зимы были суровые. Я в хате. Там женщина и две девочки моих лет. Играем. Вдруг открывается дверь, и заходят немцы. Я на печку и девочки за мной. Они сели на край печки, а я лёг сзади, чтобы меня не было видно. Они белоголовые, я — черноголовый. Немцы сели за стол, сидят час или два. Печка натоплена хорошо. Я в одной рубашке на голых кирпичах. Мне надо хоть немножко поменять положение. Нельзя. Хозяйка с перепугу говорит только одно слово: «Паночки, паночки». Когда немцы ушли и я слез с печки, ожогов на теле не было, но отёк был здоровенный.

Был эпизод, когда я шёл со Шклова с женщинами. Зашли в деревню Великое Чёрное, а там власовцы, и один из них на меня: «А это что за жидёнок?». Я говорю: «Чаго ты ко мне прычапіўся, я тутэйшы». Бабка одна за меня вступилась: «Чаго к майму унуку прывязаўся?». Меня спасло, что они уже строились. А так меня бы разоблачили.

Была женщина Прасковья. У неё конь хороший, жеребец. Надо сено отвезти или ещё что-то — меня звали. Партизан это тоже коснулось. Я у них связным был. Прасковья мне бумажку вложит в фуфаечку, приду к месту, а там какая-то женщина заберёт эту бумажку. Что там написано, я не знал.

Всякое было. На печке лежу, заходят к нам как бы два партизана. Зимой, в белых маскхалатах. На хозяйку: «Сало давай, давай то и другое». Она перед этим недавно забила поросёнка. И они ко мне на печку. Чего им надо было на печке? Оказывается, это были не партизаны, а полицаи, маскировались под партизан.

- Когда освободила вас Красная Армия?
- Это было 6 июля 1944 года. Там дорога проходит со Шклова на Круглое, Белыновичи. Немцы идут, идут... Надо прятаться. Побежали в болото. Через некоторое время приходят к нам из деревни и говорят: «Наши пришли, советские войска». Люди вернулись в деревню. И целовали наших солдат, и радовались.
 - Как сложилась ваша судьба?
- Людям говорил, что я еврей. А они: «Отстань со своим еврейством». Фронт прошёл быстро. На следующий день появилось в деревне стадо коров. С ним две доярки. Машина грузовая. И офицер Мясников. А в деревне голод. Они меня зовут на работу к себе. Им нужен пастух. Паёк дают. Самое основное появилась пища. Устраиваюсь на работу.

Так прошло недели три, может, больше. Надо было идти на запад. Но войска так быстро продвигались, что коровы не успевали и мы пошли на восток. Погнали стадо в Смоленскую область. Там было подсобное хозяйство Смоленского военторга. Там месяца два пробыли. А потом зима, коров пасти не надо. И я остался без дела. Живём в землянке. Коров режут и везут мясо в Польшу — военторг от штаба 33-й армии. И я в Польшу — города Белжица, Люблин. Становлюсь сыном военторга. Определяют меня к часовому мастеру.

Когда я устраивался пастухом, старшему лейтенанту Мясникову сказал, что тут я Иванов Василий Иванович, а вообще — Рубинштейн Израиль Рувимович. Он ответил: «Ну хорошо». И как будто забыл об этом. Но как меня называли в деревне Вася Иванов, так я и остался. Никаких документов мне не выдали. Живу, кормят отлично. С едой в военторге было хорошо. Одели меня и главное — помыли. Потому что я приехал туда вшивый и чесоточный.

Потом пошли на запад. От Вислы дошли до Одера, потом до Эльбы. Видел я американцев через Эльбу.

С Германии я опять коров гоню. Большое стадо в Брест. Там погрузили в вагоны и приезжаем в Смоленск. Я в самоволку, еду в Мосты на родину. Пробыл там два или три часа. Узнал, что все мои погибли, дом, в котором жили, занят. Делать нечего, я возвращаюсь обратно.

В Смоленске, где-то в начале декабря 1945-го, меня вызывают в контору и ведут со мной разговор: «Будем сокращать, куда хотите поехать? В суворовское училище или с часовым мастером Титовым Борисом Михайловичем? Говорю: «С Титовым». Мне выдают документы на имя Иванова Василия Ивановича. Я в ответ: «Вы же знаете, кто я». Они: «Отстань, будешь Ивановым, русским, зачем тебе это — Рубинштейн...» Выдают мне Почётную грамоту, благодарность и справку на получение медали «За победу над Германией».

Приехал в Москву. Пробыл там три месяца. Не могу никуда пойти ни учиться, ни работать. Жду весны, чтобы карточку у Титова забрать и уехать на родину. Но потом получилось, что шефство надо мной взял директор одного завода. Я получил свидетельство о рождении и устроился на работу на завод «Точизмеритель».

Правда, недолго я там проработал. Бросил завод, с прописки не снимался и уехал в Белоруссию. В Мосты попал осенью 1947 года. Захожу в райисполком. Прошу выписать свидетельство о рождении. У меня спрашивают: «Где ты был два года?» Рассказал всё, как было. Не знаю, поверили или нет, но получаю свидетельство, что я Рубинштейн Израиль, только не Рувимович, а Рубинович. Описка случилась.

Потом была учёба в фабрично-заводском училище, кирпичный завод в Гродно, «Промбурвод», служба в армии. После службы попал

в Речицу, там женился и взял фамилию жены— с тех пор я Лобанок Василий Рубинович.

Вот такая непростая жизнь у человека с тремя фамилиями — Рубинштейн, Иванов, Лобанок, с двумя именами — Израиль и Василий и даже двумя отчествами.

Прожито девяносто лет. Василия Рубиновича уважали на работе, уважают соседи, члены Борисовской еврейской общины. У него четверо внуков и восемь правнуков. Они любят деда и прадеда и радуются каждой встрече с ним.

С Василием Лобанком беседовал Аркадий ШУЛЬМАН.

Историческая справка

Районный центр Мосты был оккупирован немецкими войсками 25 июня 1941 года, а к концу июня была захвачена вся территория района. В это время там проживало более 4 тысяч евреев.

Нацисты разделили Мостовский район на две части: большая (западная) вошла в состав округа «Белосток» провинции «Восточная Пруссия», а меньшая (восточная) — в Слонимский округ рейхскомиссариата «Остланд».

В пределах бывшего Мостовского района оккупанты создали два гетто — в деревне Пески и в местечке Лунно. Первое из них существовало с лета 1941 года и до 2 ноября 1942 года, второе — с 1 ноября 1941 года по 2 ноября 1942 года.

Под страхом смерти евреям было запрещено снимать опознавательные знаки на верхней одежде в виде жёлтых лат или шестиконечных звёзд, выходить из гетто без специального разрешения, покидать дома от заката до рассвета, менять место проживания и квартиру внутри гетто, ходить по тротуарам, находиться на территории парков и общественных мест, посещать школы.

Во время оккупации в гетто, расположенном в Лунно, было уничтожено более 1,5 тысячи евреев, в Песках — около 2 тысяч евреев. По другим сведениям, всего на территории Мостовского района от рук немецко-фашистских захватчиков погиб 2681 мирный житель.

13 июля 1944 года Мосты и Мостовский район были освобождены советскими войсками.

Историческую справку составил Константин КАРПЕКИН.

Demcmbo, исковерканное войной

Их было три сестры. В сорок первом старшей, Лене, исполнилось пятнадцать, Вале, по воспоминаниям которой написан этот рассказ, — одиннадцать, а младшей, Нине, ещё не было трёх. Жили в Сиротино — до войны это один из райцентров Витебской области. Их отец, Матюшко Леон Миронович, работал председателем райисполкома. Был уважаемый человек, имел правительственные награды, в том числе и орден Трудового Красного Знамени. Мама, Варвара Никифоровна, после рождения младшей дочки занималась домашними делами и растила детей.

Война в их городок пришла нежданно, но Вале это запомнилось на всю жизнь. Началось всё с авианалёта. В Сиротино не было ни военных, ни средств противовоздушной обороны, так что фашистские ассы чувствовали себя в полной безопасности. Они проносились над городком на бреющем полёте и расстреливали людей из пулемётов. Валю стервятник застал на мосту через овраг, когда та возвращалась из магазина. Девочка зажмурила от страха глаза, но она отчётливо слышала, как пули звякали о доски моста прямо у её ног. Слава богу, пулемётная очередь прошла мимо. В следующее мгновение, оказавшаяся рядом женщина схватила её за руку и утащила под мост.

Об эвакуации в эти дни в семье не было и речи. Отец вместе с военкомом целыми днями носился по колхозам, занимаясь мобилизацией. Дома он появлялся далеко за полночь, но однажды возвратился раньше обычного, костюм его был заляпан грязью. Отец рассказал матери, что немецкие танки уже прошли на Витебск, а ему пришлось прятаться от них в какой-то канаве. Той же ночью они быстро собрались и уехали в Дутчино — деревню, расположенную в пятнадцати километрах от Сиротино, к жившей там родной сестре отца Фёкле.

Деревня была небольшая, но и здесь оставаться отцу было небезопасно. Он собирался перейти линию фронта, но немцы быстро двигались на восток, и уже через несколько недель это оказалось неосуществимым.

Всё произошло 7 ноября 1941 года. Валя с утра пошла на озеро кататься на коньках — в ту суровую и раннюю зиму сорок первого там уже стоял крепкий лёд. Возвращаясь, она увидела возле дома страшную картину — два эсэсовца вели папу со связанными руками к машине. Едва открыв дверь, она закричала: «Мама! Там немцы...» — и осеклась. В доме было полно солдат, которые переворачивали всё вверх дном, как потом выяснилось, искали отцовские награды. Валя бросилась к машине, немец пытался преградить ей дорогу, но она каким-то невероятным образом прорвалась и уткнулась мокрым от слёз лицом в папино плечо. Отец сидел в машине бледный как полотно и тихонько произнёс: «Не плачь, доченька, может, я ещё вернусь».

Отца увезли. Мать начала собирать ему передачу, но руки не слушались, тряслись, тогда папина сестра Фёкла усадила её и занялась этим сама. Назавтра мать со старшей дочерью Леной понесли передачу в Шумилино, обратно Лена вернулась одна. Больше они своих родителей никогда не видели. Потом выяснилось, что мать из Шумилино отправили в Витебск в полевую жандармерию, туда же, куда увезли отца.

В Витебске жила ещё одна папина сестра — Фруза. Она попыталась передать для него какие-то продукты, но их не приняли, сказали, что он сыт — вероятнее всего, к тому времени его уже расстреляли. Позже знакомый парень из Чернецкого — деревни, в которой они когда-то жили, рассказывал, что он сидел в одной камере с отцом. Однажды, когда отца уводили на допрос, тот не смог натянуть сапоги — ноги распухли от побоев и пыток. Отец ушёл в галошах на босу ногу, а сапоги унёс в руках. В камеру после того он уже не вернулся.

Вскоре немцы опять нагрянули к ним с обыском, на сей раз, они забрали швейную машину, велосипеды и другое из того, что посчитали более-менее ценным. После соседи рассказывали, что видели награ-

бленное в машине Терехова — того самого человека, который выдал немцам отца, а незадолго до этого военкома. Не исключено, что всё, что они забрали у них из дому, и было ему платой за предательство.

А буквально через пару недель на Валю снова свалилось горе. Она услышала от соседей о расстреле сиротинских евреев, среди которых была Белла Кандель, её лучшая подруга. Отец Беллы работал заготовителем, жили они по соседству, и Валя бывала у них дома, вероятно, даже больше, чем у себя. Был среди расстрелянных евреев ещё один соседский мальчик — Миша Йоффе, с которым Валя дружила. Он был помладше их с Беллой, и они его постоянно опекали и защищали. До войны евреев в Сиротино жило много — добрая половина проживавшего там населения. Всех их расстреляли в двух километрах от местечка во второй половине ноября. Ещё рассказывали, что Беллу полицаи только ранили и закопали ещё живую.

Трудно даже представить, что в тот страшный месяц сорок первого года довелось пережить одиннадцатилетнему ребёнку. Ещё и сегодня, вспоминая обо всех этих давно минувших событиях, Валентина Леонтьевна с трудом сдерживает слёзы.

Летом сорок второго началась массовая отправка людей из оккупированных областей в Германию. В деревнях устраивали облавы, неоднократно наезжали полицаи и в Дубчино. Люди прятались в лесах, Лена с Валей всё лето укрывались на острове в дальней стороне озера. Но наступила осень, пошли дожди, начались морозы, постоянно находиться в лесу становилось всё трудней и трудней. Да и кроме этого, местный староста пригрозил Фёкле, что если сёстры не вернуться в деревню, немцы пристрелят их младшенькую.

Выбора у девчонок не было, пришлось возвращаться. Но и дома им долго побыть не удалось. После очередного полицейского рейда их вывезли в Шумилино, оттуда в Витебск, где через пару дней загрузили в товарняк и отправили на запад. В Гродно была пересадка с баней и дезинфекцией. Здесь незнакомая женщина одела Вале на шею крестик. Потом был промежуточный лагерь в Германии, где предприятия набирали для себя бесплатную рабочую силу. В результате обе девочки оказались в Баварии, в городке Анцбах, в сорока километрах западнее Нюрнберга.

Их определили в женский лагерь, под номером EUK-71, который располагался в здании заброшенного кирпичного завода. Что собой представлял завод? Длинное кирпичное здание, с рельсами для вагонеток внизу, на втором этаже — два ряда кессонных ниш с обеих сторон, в которых когда-то сушили кирпич. Эти ниши, отгородив досками от

общего помещения, немцы превратили в камеры. В центре каждой стояла буржуйка, а по краям в три яруса — деревянные нары, общий туалет находился на улице. Территория лагеря, как и положено, была обнесена колючей проволокой.

Кормили два раза в день — перед уходом на работу и после возвращения. Еда всегда была одна и та же — похлёбка из нечищеной картошки и хлеб с примесью опилок. Зимой погреться можно было только возле буржуйки, остальное помещение камеры было пронизано холодом и сыростью. Вале как ребёнку выделили место на нижних нарах, но здесь сильно тянуло холодом от бетонного пола, в результате у девочки в двенадцать лет уже стали болеть суставы.

Охраняли лагерь полицейские, они же конвоировали женщин на работу и обратно. На кухне готовкой пищи занимались руские немки. Они жили отдельно, в лучших условиях, и свободно ходили по городу, всем остальным выход за территорию лагеря был запрещён. Однако Вале иногда, в зависимости от того, кто дежурил на воротах, удавалось уговорить полицейского, и тот на час выпускал её в город. За это время она успевала сбегать в какой-нибудь находящийся неподалёку магазин, выпросить там хлеба и вернуться назад.

Всё же, благодаря тому, что охранники в лагере были не военные, и тем более не эсэсовцы, его режим не отличался чрезмерной жестокостью. Здесь не было ни зверств, ни издевательств, как в обычных концлагерях, а если кого-то и наказывали, то исключительно за явные нарушения.

Некоторые заключённые работали на мясокомбинате, а основная часть — на подшипниковом заводе. Он находился в двух километрах от лагеря и назывался «Кюгель музель фабрик». Рабочими завода в основном были женщины. Взрослые работали на станках, Лена, которой в сорок втором уже исполнилось шестнадцать, стояла за прессом. Валя, вместе другими детьми и инвалидами мыла в керосине готовые детали. Продолжительность рабочего дня, за редким исключением, как для заключённых, так и для немок, была двенадцать – четырнадцать часов.

Благодаря заботам шефа завода, а возможно даже и за его счёт, заключённых иногда кормили обедом — это была вареная картошка, выходило по две штуки на человека. Случалось, он рассказывал им о положении на фронтах. Возможно, он был участником сопротивления, а может, просто порядочным человеком.

На одном участке с Валей работала немка — фрау Кох, её рабочий день длился всего четыре часа, вероятно, из-за болезни. Как-то раз после работы она взяла Валю к себе домой, покормила и даже пойма-

ла для неё по приёмнику какую-то передачу на русском. Это не вязалось с немецкими законами, потому что во время следующего визита к фрау Кох явилась полиция. Донесла на неё соседка снизу — нацистка, возможно, работавшая где-то в партийных органах, по крайней мере, в доме её звали партайгеноссе. Полицейский поговорил с хозяйкой, потом попросил Валю встать, убедившись, что это всего лишь ребёнок, попрощался и ушёл. Но больше фрау Кох Валю к себе уже не водила.

В начале сорок четвёртого в лагере появились итальянские военнопленные. Их поместили в пустующую часть завода, отделив её от женского лагеря. По сравнению с заключёнными женщинами они жили в комфортных условиях. У них была нормальная еда, кровати в комнатах, они не работали и свободно выходили в город. А в конце апреля начались бомбардировки, довольно скоро превратившие город в сплошные руины. Бомбоубежище располагалось в лесу, в трёхстах метрах от лагеря, там и прятались во время частых ночных налётов, главное при этом было успеть добежать. Оно было огромным, со временем туда из разбитых цехов перевезли часть станков, на которых продолжали работать почти до самого конца войны.

В апреле сорок пятого их освободили американцы. Бывших заключённых — женщин из лагеря ЕUK-71 — разместили в городе в пустующих армейских казармах. Все они были до крайности истощены. Три месяца американцы содержали их, по возможности, в самых благоприятных условиях, откармливали, а после погрузили в армейские грузовики и переправили в Чехию, где и передали советскому командованию. Ещё две недели девочкам пришлось проходить фильтрацию в каком-то лагере на территории Польши, и после этого их отправили домой.

В пустом, разорённом войной Витебске они с трудом, но всё-таки разыскали папину сестру. Однако переночевали они у неё только две ночи — кушать было нечего, и лишние рты тёте оказались не нужны. Лена уехала в Шумилино, вскоре нашла там работу в прокуратуре. Валя осталась в Витебске, долго искала угол, пока не познакомилась с тётей Маней — женщиной, приютившей её. Старенький домишко стоял на Винчевской улице (ныне проспект Черняховского). Спала Валя с хозяйкой на одной кровати, в доме было холодно, заедали клопы, но это была какая-никакая, а крыша над головой.

Чтобы получить паспорт, Валя дописала себе лишний год, после чего устроилась почтальоном на телеграф. Зарабатывала сущие копейки, едва хватало на еду. Вскоре ей удалось разузнать о своей младшей сестричке. Когда их с Леной угнали в Германию, Нина осталась в Дубчино с Фёклой. В конце сорок третьего Фёкла умерла от тифа.

Ребёнка забрала к себе жившая в той же деревне Зинаида, её двоюродная сестра. Ну а с приходом наших она определила её в открывшийся в Лельчицах детский дом. Очень хотелось съездить к ней, но смогла это Валя лишь через два месяца, когда скопила со своей крошечной зарплаты на какой-то гостинец для ребёнка.

Через год ей кто-то посоветовал ехать в Литву — там, мол, и жизнь получше, и с едой попроще. И Валя, особо не раздумывая, поехала, в Витебске ей терять было нечего. Два года она прожила на хуторе у хозяина-литовца. Работать приходилось много, но относились к ней хорошо, для хозяйки она даже стала как родная, а главное, всегда ела досыта, наверное, впервые за последние годы. Но однажды это всё закончилось, причём очень неожиданно. Как-то ночью из леса пришли бандиты. Поговорили о чём-то с хозяином, спросили, глядя на Валю, кто это у него живёт. Когда услышали, что русская из Витебска, посоветовали побыстрей от неё избавиться, сказали, что они не тронут, а придут другие, могут и пристрелить.

Утром хозяйка собрала в дорогу продуктов, хозяин запряг лошадь, отвёз на станцию, и Валя вернулась в Витебск. Работала на стройке, моталась по квартирам, заработки были совсем небольшие, а молодой девушке кроме еды и жилья нужно было ещё и одеться. Только на это всегда не хватало денег. В пятьдесят первом она вышла замуж и уехала на север по месту службы мужа. И только после этого у неё началась нормальная жизнь.

С тех пор прошло много времени, но и сегодня Валентина Леонтьевна Соловьёва считает эти десять лет с сорок первого по пятьдесят первый выпавшими из её жизни. Будто их и не было. Вот только забыть о них никак невозможно, да и, вероятно, нельзя забывать.

С Валентиной Соловьёвой беседовал Семён ШОЙХЕТ.

Историческая справка

Во время Второй мировой войны в Анцбахе располагался подлагерь концлагеря Флоссенбюрг, а также базы Люфтваффе и Вермахта. Заключённые, помещённые в этот подлагерь, содержались в выставочном павильоне и работали над устранением повреждений от бомб на близлежащих железнодорожных линиях. Пайки были очень маленькими, что приводило к высокому уровню смертности.

Во Флоссенбюрге нацистский концентрационный лагерь функционировал с мая 1938 года. В отличие от других концлагерей, он распо-

лагался в отдалённом районе, в горах Фихтель в Баварии, рядом с городом Флоссенбюрг и недалеко от границы Германии с Чехословакией. Первоначальной целью лагеря было использование принудительного труда заключённых для разработок гранита.

В 1943 года основная часть заключённых работала на производстве истребителей «мессершмит» и другого вооружения для нужд фашистской Германии. Изначально предназначенный для «преступников» и «асоциальных» заключённых, после вторжения Германии в СССР, в лагерь направлялось большое количество политических заключённых из Восточной Европы.

Кроме подлагеря в Анцбахе в структуре концлагеря Флоссенбюрг находилось множество других вспомогательных лагерей, которые в итоге по общему количеству заключённых превысили центральный лагерь. По примерным подсчётам, за весь период существования через Флоссенбюрг и его подлагеря прошло от 90 до 100 тысяч заключённых. Около 30 тысяч человек умерли от недоедания, переутомления и казней.

В частности, в марте — апреле 1945 года в Анцбахе содержалось около 700 заключённых, 72 из которых погибли. В начале апреля того же года более 90 заключённых были отправлены в другой подлагерь — Херсбрук, а остальных перевели в главный лагерь во Флоссенбюрге.

В апреле 1945 года Анцбах был освобождён Третьей армией США, здесь была оборудована авиабаза, а также создан лагерь для перемешённых лии.

В 2007 году на территории бывшего концлагеря Флоссенбюрг были открыты мемориал и музей.

Историческую справку подготовил Константин КАРПЕКИН.

Знать и помнить

Город Шклов называют в Беларуси столицей огурцов. Здесь действительно выращивают замечательные овощи. Памятник огурцу стоит на площади рядом с городским рынком и автовокзалом. У небольшого и уютного города в Могилёвской области есть и много других достижений.

По главной улице — Ленинской идём мимо аккуратных домов и красивых скверов. Нас ждёт встреча с Асей Борисовной Цейтлиной.

Встречаемся мы накануне еврейского Нового года — праздника Рош га Шона.

В этот день в 1941 году фашисты и их приспешники в деревне Заречье (рядом со Шкловом) расстреляли родителей и сестру Аси Борисовны. Она сама чудом избежала смерти.

Рассказывает Ася Борисовна Цейтлина.

- Где Вы родились?
- Здесь рядом, в деревне Заречье. Мама работала в верёвочной артели, а папа от Оршанского мясокомбината в деревне Заречье. Производил приём сена, соломы. Маму звали Сима Абрамовна (девичья фамилия Генушева), папа Цейтлин Борис Григорьевич.
 - С какого Вы года?
 - С 1929 года.
 - В деревне Заречье кроме Вас ещё были еврейские семьи?

— Там жили бабушки, дедушки, и дядя— папин брат. Он погиб в партизанском отряде.

Мы жили в своём доме. У меня было ещё две сестры. Жили неплохо. Огород был и хозяйство — свиньи, корова.

- Когда началась война, Вам было 12 лет. Что Вам запомнилось?
- Было воскресенье. Сидели с мамой в огороде, пололи. Папа в это время был на работе. И тут объявили, что началась война. Люди собрались в деревне, недалеко от нашего дома, кто-то плакал. Так для меня началась война.

Папа из призывного возраста уже вышел, и мы должны были уехать в эвакуацию на лошади. Папа, мама, две сестры и я. У папы лошадь была своя. Доехали только до Дрибина. Дрибин был уже охвачен пожаром. Остановились на лугу, и дальше нас никуда не пустили. Переждали несколько дней и возвратились в деревню Заречье в свой дом.

- Что дальше произошло?
- Жили мы. Пришли немцы в дом. У сестры были школьные документы и всякие значки. Они сделали обыск, забрали всё, что было у неё. И папа отправил сестру к знакомым в деревню Уланово, к председателю сельского совета. Чтобы она там спряталась.
 - Как звали сестру?
 - Шура. Она в Уланово осталась, а мы жили в Заречье.

3 октября, как раз был еврейский Новый год, мы отпраздновали и легли спать. Всё было спокойно. Папа в это время ходил на рытьё окопов, забирали его немцы и полицаи. И вот в 7 часов утра родители уже встали, я ещё с сестрой спали, нам всем устроили подъём. У мамы топилась русская печка. Полицаи выгнали всех из дома. Недалеко стоял сарай. Туда сводили всех евреев Заречья. Местных было человек двадцать. Кроме того, в Заречье жили евреи, приехавшие из Могилёва. Всех лицом повернули к стенке. Потом пришли ещё полицаи, вооружённые, с собаками. Мы жили в Большом Заречье, а нас через мостик повели в Малое Заречье. Всех загнали в сарай, обыскали, ничего не нашли, папа ничего не взял с собой. Нас пока не тронули. Мы были окружены немцами и полицаями. Потом вывели из сарая и построили. Повели к деревне Путники. Там были окопы. Мы не знали, для чего нас ведут. Пошли строем, окружённые немцами, полицаями, собаками. Немного прошли, и папа говорит мне: «Иди зайди к знакомым. Мы за тобой зайдём». Я же должна была подчиниться папе.

- Можно было свободно выйти из строя?
- Вышла, меня никто не тронул. Пошла в сторону. А остальных погнали дальше. И только отошла шагов тридцать, услышала выстрелы. Я побежала обратно, никто меня не тронул, но было уже поздно, лежали только трупы расстрелянных. Постояла, что делать? Возвратилась домой. Дом закрыт, топилась русская печь, но дом уже

был пустой. Вынесли всё за это время и закрыли дом. Пошла к сараю. Знала, что папа там закопал хорошие вещи. Смотрю, вырыта яма. Ничего нет. Кто-то видел, кто-то знал, где он закопал. Всё ограбили. Я расплакалась.

Подошла ко мне одна семья, у них детей не было. Они меня к себе забрали — старик со старухой. Дали стакан молока, кусок хлеба, я перекусила и пошла ходить по деревням. В Уланово, где пряталась сестра, меня сначала не пустили, но кое-как я туда добралась. Она уже знала, что родителей и одну нашу сестру расстреляли.

- Как звали расстрелянную сестру?
- Лиза. Побыла я там, всё рассказала. Оставаться было нельзя. Возвратилась назад в Заречье и снова ходила по деревням. Деревня Плещецы, деревня Кривей... На той стороне по деревням ходила. И так почти год.
 - Что Вы кушали?
 - Побиралась.
 - Где Вы ночевали?
 - Где придётся. Переночую и пошла.
 - Знали, кто Вы?
- На той стороне, в Уланово не знали. А на нашей стороне, где Заречье, знали, кто я. Я была похожа на еврейскую девочку. Они знали, но давали покушать, на одну ночь пускали. Потом наш дядя узнал о сестре. Он был в партизанском отряде. Семья его погибла вместе с моими родителями: бабушка, жена и двое детей.
 - Как звали дядю?
- Мотл Цейтлин. Он погиб в партизанском отряде. Ушли они на разведку в Шклов, он был тяжело ранен. Не смогли его спасти. Дядя узнал, что я прячусь. Хотел меня спасти. Но куда забрать ребёнка, не знал. Сестру дядя уже забрал в партизанский отряд, и вот они меня направили в деревню Старо-Брящино. Я пришла в деревню и сказала, что из детского дома из Минска, детский дом разбомбили, а я пришла в эту деревню. Они всё выслушали, одна женщина, у неё было двое больных детей, меня забрала. Её звали Ульяна, фамилию не помню. Я жила там как русская из детского дома, звали меня Зина, без фамилии была. Однажды ночью пришёл дядя, хотел меня увидеть. Сам он не зашёл в дом, а зашёл другой партизан. Он назвал меня и сказал, что дядя Мотя хочет меня видеть. Я ему отвечаю, что за занавеской лежит полицай, он всё слышит. «Что он там делает?» — спросил партизан. «Ульяна вышла замуж за полицая». Партизан тихонечко ушёл. Я выглянула в окно, дядя увидел меня, я увидела его. И всё. На этом мы расстались.
 - Вы жили в одном доме с полицаем?
 - В одном доме. Я присматривала там за детьми. У женщины было

Ася Цейтлина с внуком Димой

хозяйство. Я лошадь водила в ночное, а днём за детьми смотрела. И навоз чистила — всю работу делала.

- Полицай не догадывался, кто вы?
- Не догадывался. Но после этого ночного визита сказал: «Пойдём со мной в лес». Это было воскресенье. А мне по воскресеньям давали выходной. Я поняла, происходит что-то не то. И говорю, что в лес не пойду сегодня.
 - Зачем он хотел с Вами в лес идти?
- Хотел, наверное, уничтожить меня. Он через занавес увидел, как партизан нагнулся надо мной. Я на диване с двумя детьми спала.

Я побежала к знакомой и рассказала обо всём. Она связалась с родственниками в Уланово, а они передали всё партизанам. Через пару дней партизаны пришли и забрали этого полицая. И никто не знает, куда он пропал.

- Ваша дальнейшая судьба?
- Жила у хозяйки, работала. Никто меня ни в чём не подозревал. Потом пришло освобождение деревни от немецких захватчиков. Я ушла на встречу с партизанами. Мне подсказали, что они в деревне Загорье, недалеко от нас. Пришла к знакомым и сказала про партизан. Они утром раненько взяли лошадь и отвезли меня в партизанский отряд на встречу с сестрой. Обо мне знал командир партизанского отряда.
 - Что за партизанский отряд?
- 25-й партизанский отряд. Как фамилия командира, не помню. Он вышел к женщинам, они стояли на дороге, встречали своих сыновей,

и спросил: «Есть ли у вас в деревне Зина?». Они ответили, что живёт такая. Он пришёл и рассказал обо всём сестре.

Вот мы и встретились с сестрой. После произошло расформирование партизанского отряда, и сестра пришла домой в деревню Заречье.

Кому-то может показаться, что три года оккупации прошли для Аси Борисовны без особого страха и смертельных волнени, ведь пережила всё. На самом деле каждый день она находилась на грани между жизнью и смертью. Может быть, ребёнок не так остро воспринимал это состояние, но сегодня, оглядываясь на прожитую жизнь, она понимает, что её спасение произошло всем смертям назло.

Вот несколько примеров из жизни девочки Аси.

Она пасла в лесу хозяйскую корову. К ней пришли полицаи. Спросили, как зовут. Потом они стали о чём-то между собой говорить. Ася не растерялась и убежала в лес. За ней не погнались. Полицаи думали, куда ребёнок денется. Ася потом осторожно пришла за коровой, вернула её хозяйке и ушла от неё.

В родном Заречье однажды попалась на глаза полицаю. Он хотел её схватить, погнался за ней, но был толстый, неповоротливый, и девочка убежала от него.

- Ходили с детьми, собирали щавель. Пришли полицаи. Это было в Заречье, около моста. На меня: «Юда, юда?». Я смотрю на них. Посмотрели ребёнок, и ушли от меня. Потом ещё раз пришли полицаи, завели меня где сидел комендант немецкий в Шклове, в старое здание райисполкома. Не было начальника. Меня никуда без его указания не повели. Была тумбочка. На той тумбочке я сидела всю ночь. Меня повели в участок, он был в конце города. Полицаи завели в землянку перед расстрелом. Там был знакомый папин. Он сказал: «Я тебя не буду замыкать. Дверь открыта, хочешь уходи». Он ушёл. И я в 11 ночи ушла оттуда. Пошла в деревню Слижи. Там жил папин знакомый. Я его прекрасно знала. Но меня не приняли. Испугались. Я ушла оттуда, уже было под утро. Там одну женщину встретила. Её сын был полицаем. Он тоже знал моих родителей. Они меня к себе домой взяли, и осталась я у них. Две недели скрывалась на печи.
 - Полицай знал об этом?
 - Конечно, знал. Но не тронул меня.

Я оттуда снова ушла в сторону Заречья. Ещё одна женщина взяла меня. Скрывалась у неё месяц. Потом узнали немцы, и мне пришлось от неё уйти в Уланово, к той семье, где была сестра.

Скрывалась в деревнях Заровцы, Подгорье, там много деревень, которые я обходила. Ночевала у тех, кто пускал к себе, а днём ходила по лугу, ягоды собирала, ягодами, щавелем питалась. Теперь даже не верится, что я могла всё это испытать.

Как я осталась жива? Наверное, судьба такая.

Дети войны взрослели не по годам, а буквально по дням. И в 16 лет, когда пришло освобождение, Ася Цейтлина уже понимала больше, чем многие взрослые люди. И в первую очередь, что теперь ей надо самой строить новую жизнь, своё будущее. Конечно, помогала старшая сестра. Но рассчитывать в первую очередь приходилось на себя.

— Я встретилась с сестрой. Возвратились в свой дом в Заречье. Пришли с нами партизаны, разыскали людей, которые взяли у нас мебель, вещи. Партизаны помогли всё возвратить домой: кровать, шкаф, ещё кое-что. Партизаны привезли и накололи дров. Достали нам картошки. Мы к папиным знакомым обратились. Эти люди кое-что дали. Стали жить с сестрой в Заречье. Она пошла на работу в сельский совет. Я — в школу в пятый класс. Окончила десять. В школу ходила в Шклов. После поступила в Могилёвский пединститут на учительский факультет. Помогло наше Шкловское районо, оказывало материальную помощь. Два года училась. После этого меня отправили на работу на Полотчину. Два года я отработала там. А потом сестра меня забрала сюда. На работу устроилась сначала в деревне Ржавье, вышла замуж в Шклове и приехала сюда. С 1956 года — учительницей в Шклове, до выхода на пенсию в 1984 году.

У меня две дочки, внуки. Старшая дочь жила здесь, потом уехала с мужем и детьми в Америку. Младшая осталась со мной. Заболел отец, потом заболела она. Это было в 2001 году. Вот уже почти двадцать лет, как умер муж, и почти сразу умерла дочка. Остался внук Дима, живёт у меня, я его воспитала.

79 лет прошло с того осеннего дня, когда были расстреляны евреи Заречья, евреи Шклова. Но люди должны знать и помнить об этом. Чтобы это никогда не повторилось!

- А внуку иногда рассказываете? Или ему это не очень интересно?
 У меня часто бывают люди. Я рассказываю о своей жизни, и Дима слушает. Первым ко мне приехал из Орши историк, писатель Геннадий Винница. Потом из Ленинграда были — интересовались. Родственники из Москвы приезжали. Несколько раз у меня бывали и записывали мои воспоминания историки и исследователи из Могилёва Ида Шендерович и Александр Литин. Сейчас уже тяжело вспоминать, но я понимаю, что об этом нужно знать и не забывать. И всегда встречаюсь с теми, кто интересуется темой войны и Холокоста.

С Асей Цейтлиной беседовал Аркадий ШУЛЬМАН.

Автор выражает благодарность Александру Литину и Иде Шендерович за оказанную помощь при подготовке материала.

Не верится, что это было со мной

Если бы такой сюжет я прочитал в книге или увидел в кино, подумал бы, что автор дал волю фантазии. Но это всё было в реальной жизни, и, слава богу, ещё есть кому вспомнить. Я в Шклове, в доме Клары Захаровны Альтшулер. Она рассказывает свою историю, в которой хватило и трагических страниц, и буквально трогательных, были встречи с самыми разными людьми: и добрыми, и честными, и подлецами, и негодяями. Она прошла всё это и знает настоящую цену жизни. Рассказывает Клара Захаровна Альтшулер.

- Я родилась в Шклове. Мама, Мария Захаровна, была домохозяйкой, её девичья фамилия Кауфман, потом стала Альтшулер, папа — Залман Наумович, уже потом Захар Наумович.
 - Много детей было в доме?
- Одна я. Родилась в 1935 году. Мне ещё шести лет не было, когда война началась. Помню улицу Коммунистическую и дом наш. Двор весь в зелени, сарай большой. Папа был хороший хозяин, хотя целыми днями находился на работе.
 - Кем он работал?

- Председателем ГОРПО, это торговля.
- Что вспоминается о начале войны?
- Пришёл папа и сказал, что его забирают в армию началась война. Он привёл во двор лошадь, и три еврейских семьи полная телега детей собрались в дорогу. Мы замкнули дом, положили вещи на телегу и поехали спасаться. Ехали две недели. Только женщины и дети. Ночью дети спали на телеге, взрослые на земле. Папа уже был на фронте. Куда мы приехали, не знаю, увидели, что навстречу идут немцы. Люди нам говорят: «Поворачивайте немедленно назад».

Вернулись домой. Выбиты окна, двери — всё ограблено. Попросились переночевать у соседей, которые напротив нас жили. Там побыли дня четыре. Днём ходили к себе домой. Мама за ручку меня водила, а потом ночевать шли обратно к соседям. Мама всё время плакала. Нас кормили соседи или мама покупала у них еду.

Через несколько дней пришли в Шклов немцы. А пока было безвластие — делайте, что хотите. Но мы только через дорогу переходили: к соседям и обратно домой. Немцы делали облавы на евреев. Заходили в каждый дом.

У нас льнозавод за парком. Там был клуб — большое помещение. И немцы ходили недели две по всем домам, по окрестным деревням ездили и собирали в клуб евреев.

- Где все разместились? Вы на полу спали?
- Разместились, где придётся. Мы сидели на полу, один возле другого.
 - Что кушали?
- Хлеб бросали немцы и воду нам ставили в бидоне. Люди кричали, плакали. Мы сидели неделю в клубе.
 - А если надо по нужде?
 - В угол ходили, прямо перед всеми.
 - Были только женщины с детьми, или мужчины тоже?
- Пожилые были. Так прошла неделя, потом открыли двери, построили всех по два человека и повели. Кругом немцы, полицаи и собаки. Немец от немца, полицай от полицая на метр. Всех русских, кого увидели тоже собрали. Они шли за нами. Чтобы знали: кто будет жидов спасать, им будет тоже самое.
 - Это был август 1941 года?
- Да, тепло было. Повели на луг за льнозавод. Там выкопаны два рва. Лежала свежая земля, и были длинные ямы. Поставили людей с одной стороны ямы и с другой. Собаки рвутся, люди кричат, плачут.
 - А русские где остались?
 - Они находились недалеко. Моего папу все знали. И одна русская

женщина, когда мы шли в колонне, сказала: «Отставайте, идёмте к нам». И мы стали немножечко отставать и к русским в колонну. Мама за руку меня держала, мы оказались среди русских. Все видели, что мы среди них, но никто ничего не сказал. Мы стояли в серединке. Видели, как расстреливали евреев, как детей на штыки брали и бросали в яму ещё живых. Кругом крик, стоны, кровь. А я обняла мамины ноги и дрожала. Мне шептали: «Только не плачь, тебя могут увидеть». Потом говорили, что ещё три дня земля дышала.

- Вы были похожи на еврейку?
- Я чёрненькая была.
- А мама была похожа?
- Мне кажется, не очень. После расстрела стали присыпать ямы. Немцы заставили это делать русских, которые их копали. Переводчик говорил, кто будет прятать евреев, тех ждёт та же участь. Потом ушли немцы с собаками и всех отпустили. Мы пошли к соседке, у которой ночевали. Но она сказала, что больше держать нас не может, чтобы мы уходили. До ночи побыли у неё и отправились куда глаза глядят. Пошли по направлению к деревне Борисковичи под Могилёв.
 - У Вас там кто-то знакомый был?
- Никого. Просто шли по дороге. Пришли в Ганцевичи. Зашли в один дом. Мама говорит: «Я хорошая портниха. Приютите нас. Спрячьте где-нибудь с дочкой».
 - Люди догадывались, кто Вы?
- Догадывались. Пришли к одинокой женщине. Она оставила нас у себя. У всех хозяев на улицах были погреба. Она поселила нас в своём погребе. Ночью пускала в дом. Я спала на печке, а мама шила. Когда уже светало, мы шли обратно в погреб. Укрывались сверху соломой. Постоянно хотелось кушать. Мы ходили по деревням, побирались. Когда мама одна пойдёт, когда меня с собой возьмёт так больше давали. Кто хлеба вынесет, кто картошину, кто молока. Так мы прожили до глубокой осени. Холодно стало. Я в ботиночках, у меня лёгкое красненькое пальтишко.

Зима, лето, осень... Не знаю, как мама, я потеряла счёт времени. И сегодня не могу точно сказать, какого числа и какого месяца произошло то или иное событие.

И вот в очередной раз сижу в соломе. На погребе замок висит. Мама замыкала меня, когда уходила. Она это делала рано утром, чтобы в деревне соседи не видели, а приходила глубокой ночью, чтобы тоже никто не видел, потому что если узнают — расстреляют. И докладывали полицаям тоже.

В деревне Толкочи, это за Борисковичами, находился штаб поли-

Родители Клары Альтшулер

ции. Ехали с обеда пьяные полицаи. А мама шла по дороге. Полицаи увидели её и стали бить, всунули палку в рот и убили. Она осталась лежать на дороге. Это было в 1943 году. В этой деревне жил мужчина, который до войны работал в торговле. Он знал нашу семью, бывал у нас дома. Он пришёл к женщине, у которой мы прятались (откуда узнал про неё — понятия не имею), и сказал, что убили мать и собаки едят её тело. Эта женщина открыла ночью погреб и приказала мне: «Девочка, уходи куда-нибудь. Не хочу, чтобы меня расстреляли». Выгнала меня. Я осталась на улице.

- Вам семь лет всего?
- Да, семь лет. Я ночью ходила, в окна стучала. «Пустите в дом, мне холодно». Кто матом на меня крикнет, кто выпихнет, а кто вообще не выйдет. Так всю ночь проводила. Ганцевичи стоят на шляхе, по нему в Шклов на базар ездили. Я приходила к какому-нибудь дому и садилась на завалинку. Люди едут, кто-нибудь приносит украдкой покушать. По мне ползали вши. Я стала опухать. У меня были длинные косы. Женщина, у которой я часто сидела на завалинке, несколько раз пускала меня в баню помыться. Сама помоется, уйдёт на улицу, и в это время мылась я. Потом одна женщина посоветовала мне, что за деревней стоит старый амбар, там крыша была и солома внутри. Я там пряталась, может, месяца два.

Уже ночью по деревне не ходила, а шла в амбар и там спала. Узнали

про это деревенские мальчишки и стали туда бросать камни, пугать меня. Я перестала ходить в амбар, снова ночью ходила по улице и стучала в окна: «Пустите, пустите». Плакала. Никто не пускал.

И вот однажды сижу на завалинке, опухшая, голодная, идёт женщина, зашла в дом, около которого я сидела. Это была родственница той хозяйки, у которой я пряталась. У этой женщины умер недавно сын. И она пришла звать людей на 40 дней. Спросила хозяйку дома, кто у неё сидит на завалинке. Хозяйка дома рассказала, что мать девочки убили, она осталась одна и никому спать не даёт, и хоть бы скорее избавиться от неё.

- Как Вас в полицию не забрали?
- Никто, наверное, не заявил. Эта женщина, бабушка Марья, вышла из дома, взяла меня за руку и повела в Борисковичи к себе домой. У неё был муж и двое сыновей. Мужа звали Иван, одного сына Тишка, или Тимофей, а другого тоже Иван. Привела и сказала, что я на улице валялась, у нас девочки нет пускай у нас будет девоч-

ка. Мужчины подняли шум, кричали, что немцы семью расстреляют.

- Они поняли, кто Вы?
- Конечно, поняли. Но мама мне сказала: «Когда у тебя спросят, кто ты, отвечай: «советская». Я не знала тогда, кто я, и не осознавала, что происходит.

После моего прихода дома у бабушки Марьи начались скандалы. Один сын — Тишка — молчал, не говорил ни да, ни нет. А второй сын Иван бушевал, бил меня, жизни не было — требовал, чтобы я уходила от них. А куда я могла пойти?

Меня заставляли гнать самогонку. Через дорогу от их дома был сарай. Там солома лежала. Они сделали дырку в стене, а дверь закрывали. Там была печка, в неё

Клара Альтшулер в молодости

ставили чугун, брага стояла в бидоне, я делала фитилёк изо льна, чтобы по нему стекала самогонка, и ночами гнала её. В сарае стояли горлачи, куда я сливала самогонку. И начинались мои муки. Хозяева неделю после этого пили и издевались надо мной. Курили и на моём теле окурки тушили. Я была в ранах, текла кровь. Одежды у меня не было: ни рубашки, ни трусов. Одно длинное самотканое платье. Его мне бабушка отдала. Если мне надо было выйти на улицу, я надевала бабушкины сапоги. А так ходила босая. На горке в деревне какая-то женщина жила. Она сплела мне лапти. Я стала ходить в портянках, лаптях. Счастье — уже не босая.

Пришла весна. Лапти мокрые. Пятки потрескались, из них текла кровь. Больно — кричала и плакала. Они меня вожжами били, когда напивались. Издевались как хотели, но всё это делали, когда дома не было бабушки. А бабушка Марья была настоящей пьяницей. Валялась на улице, её приводили, приносили. Её нет — у них воля. И водой меня обливали, и кушать не давали. Когда она не пьяная, натопит печку, а я с печки не слазила, блин бросит мне или картошку.

Мы ходили на поле, мёрзлую картошку собирали, она кормила меня. Тишка пошёл служить в полицию, чтобы их не убили — так он потом говорил моему папе. Мне он ничего плохого не делал. А Иван заявлял на меня в полицию.

Приходили полицаи, немцы. В доме была печка, и под ней держали кур. И вот немцы уже на пороге. Бабушка меня под печку запихнула. Куры переполошились и выскочили, а бабушка закрыла дверцу решёткой. Немцы весь двор, сараи обыскали — нигде меня нет.

Я уже понимала, что меня хотят убить.

Когда второй раз Иван заявил в полицию, бабушка сказала, чтобы я в поле за деревней спряталась и лежала там. Туда полицаи не пошли.

Потом Иван ещё раз заявил, бабушка мне сказала: «Лезь на чердак». Скатилась я под стреху, соломой укрылась. Немец проверял солому, мимо моей ноги штыком попал.

Иван продолжал заявлять, братья между собой ругались. Тишка говорил, что он в полиции служит, а брат заявляет туда.

Немцы приказали в каждом доме сделать уборную: вкопать столбики, прибить дощечки и планки. Открыто всё — коридор и сразу уборная. Я около уборной стояла, когда немцы в очередной раз приехали. Во дворе были баня и сарай. Немец пошёл к бане, всё там перекопал, потом сарай обыскал, дом — меня искали. А я стою как вкопанная. Он мимо меня прошёл — не заметил. Бог, наверное, меня спас.

До конца оккупации я жила в этом доме. Когда немцев прогнали, мы ходили с бабушкой Марьей по полю, где лошадей убивали, на-

бирали трупнины и приносили домой. Она вываривала мясо. Вонь стояла — не передать. Мы потом это ели — кушать что-то надо было.

Тишку посадили в тюрьму за то, что служил в полиции, а Ивана не тронули. Бабушка отправляла меня раз в три дня, относить ему в тюрьму в Шклов передачу. Я босая шла десять километров. Относила бутылочку молока, кусочек хлеба и несколько картошин. Я знала, что он меня не выдавал.

После войны в Шклове был судебный процесс над военными преступниками. На него в качестве свидетеля вызвали Клару Альтшулер. Не знаю, что мог сказать десятилетний ребёнок, но его слова о том, что Тимофей Дубровский хотя и служил в полиции, но не сдал её, и в их доме она скрывалась, помогли избежать ему более сурового наказания.

И вот однажды иду я из этой тюрьмы по Шклову мимо продуктового магазина. В витрине стоят коробки с конфетами, бутылочки, консервы. Я этого никогда не видела. Потихонечку подошла к витрине и рассматриваю, какие красивые игрушки за стеклом. Это было летом. Выходит из магазина женщина, потом узнала её имя — Обойщикова Мария. Она спросила: «Девочка, как тебя зовут?». Я отвечаю: «Клава». Меня все в деревне звали Клава. «Как твоя фамилия?» Бабушкина фамилия была Дубровская. И я отвечаю: «Дубровская». «А где ты живёшь?» «В Борисковичах, у бабушки». А она мне: «Тебя зовут Клара, и фамилия твоя — такая-то. Мы жили с тобой на одной улице до войны».

Как она мне сказала, я десять километров бежала, сколько у меня было сил. Прибежала к бабушке, бросилась на шею и говорю: «Сегодня придут немцы». «Немцев уже нет. Война закончилась»,— ответила мне бабушка. «Нет, придут немцы»,— и я ей всё рассказала.

Вскоре папу на десять дней с фронта отпустили — узнать, что с семьёй. Идёт он по Шклову, кругом пожарища, видит несгоревший дом, причём, еврейский. Зашёл туда, и там его нашла Мария Обойщикова. Она рассказала, что видела его дочь — Клару. Папа пошёл в райпо, попросил лошадь, посадил рядом Марию Обойщикову, и они поехали в Борисковичи.

Был праздник Троица. Я сходила к болоту, нарвала аира. Я поскоблила пол в хате, положила аир и пошла к соседке. Она делала из папиросной бумаги вырезанки. Я их хлебом к окнам прикрепила вместо штор. Нужно было вечером печку протопить — в праздник нельзя. Бабушка Марья мне сказала дрова принести. Я ношу по две палочки. И в это время едут по улице папа с Марией Обойщиковой. Он был в военной форме. А дальше всё, как в сказке. Я иду, а он кричит: «Вот она».

- Он сразу узнал Вас?
- Сразу узнал. Папа соскочил с повозки и ко мне. Я бросила дрова

и побежала в дом. Скорей на печку, на лежанку и кричу: «Бабушка, немец приехал». Папа за мной на лежанку. Бабушка его отпихивать. Он кричит и плачет: «Я твой папа». А я: «Бабушка, это немец. Выгони его». Папа стал бабушке всё рассказывать. Со мной он начал говорить по-еврейски. Я его не понимала, но мне казалось, что немцы говорили так же.

Папа с бабушкой всю ночь проговорили. Бабушка сидела около меня, а папа и Мария Обойщикова — на скамейке. Решили, что пока у папы отпуск, меня перевезут в Шклов, там какая-то женщина будет за мной смотреть, а бабушка Марья будет рядом. Назавтра сели на повозку и поехали. Ехать надо было мимо кладбища, где похоронен бабушкин сын. Она сказала, что пойдёт с ним попрощается. Бабушка отошла, и папа решил уехать. Наверное, они заранее об этом договорились, бабушка не могла оставить дом. Я с повозки спрыгнула, ногу подвернула, ударилась, но всё равно побежала за бабушкой.

Папа ездил ко мне каждый день. Наконец, он уговорил и бабушку, и меня. Мы приехали в Шклов и пару дней жили вместе у этой женщины.

После отпуска папа определил меня в Круглое, в детский дом, а сам уехал на фронт.

В Круглом, в парке стоял двухэтажный барак — после освобождения в нём был детский дом. В одной стороне дома жили мальчики, в другой — девочки.

В первом классе мы писали на газетах. Я в детдоме два или три года жила — пока папа не демобилизовался. Он присылал письма, и мне их читали. Писал, как мы жили до войны, чтобы я что-то вспомнила. Когда папа вернулся домой, он устроился на работу, я стала жить с ним, ходить в школу. После её окончания поступила в Могилёвское педучилище на дошкольное отделение. Тридцать восемь лет отработала в Шклове воспитателем в детском саду.

У меня два сына. Один живёт в Израиле, другой — в Шклове. Внучка и внук.

— Вот такая жизнь,— сказала мне на прощание Клара Захаровна.— Оглянешься, вспомнишь — и не верится, что это было со мной. Не хочу, чтобы это ещё раз повторилось с кем-нибудь.

С Кларой Альтшулер беседовал Аркадий ШУЛЬМАН

Автор выражает благодарность Александру Литину и Иде Шендерович за оказанную помощь при подготовке материала.

Историческая справка

Шклов был захвачен немецко-фашистскими войсками 11 июля 1941 года, и оккупация продлилась 2 года и 11 месяцев. Власть в городе принадлежала местной комендатуре, которая подчинялась непосредственно штабу 286-й охранной дивизии, находившейся в Орше.

В скором времени, примерно в конце июля 1941 года нацисты переселили евреев из Шклова и деревень Заречье и Рыжковичи, расположенных в южном пригороде, в два гетто. Первое из них располагалось в Рыжковичах (недалеко от православной церкви). Оно охранялось полицаями, но было так называемого «открытого типа», то есть евреи могли выходить из гетто, обменивая вещи на продукты питания.

Предположительно в августе 1941 года часть узников перегнали во второе гетто, которое располагалось непосредственно в самом Шклове на улице Льнозаводской (это было гетто «закрытого типа»). Здесь узники жили в крайне тяжёлых условиях: в каждом доме — по 100 – 150 человек. Им запрещалось выходить из помещений после 18.00.

Первое массовое уничтожение евреев в шкловском гетто было проведено в начале августа 1941 года. Тогда было зверски убито 84 еврея, обвиненных в «поджоге и грабеже». Второй массовый расстрел был организован нацистами в октябре того же года (по другим сведениям — в сентябре): было убито 627 евреев, которые якобы участвовали в акциях саботажа на принудительных работах.

Также в октябре 1941 года были уничтожены узники гетто в Рыжковичах. Немцы перевезли их на лодках на противоположный берег реки Днепр в деревню Заречье. В центре деревни евреев усадили на землю, обыскали и забрали все ценные вещи, после чего под конвоем повели к деревне Путники и там расстреляли в противотанковом рву.

По приблизительным подсчётам, общее число жертв шкловских гетто составляет 3 200 человек.

Место расстрела шкловских евреев находилось в поле рядом со Шкловом, и после войны оно было распахано. В 1950-е годы по требованию родственников произвели эксгумацию останков погибших и перевезли на городское еврейское кладбище в деревню Рыжковичи, где был установлен памятник.

Историческую справку составил Константин КАРПЕКИН.

Породнённые войной

С Ольгой Васильевной Кораго я впервые встретился в 2001 году, когда в Витебском горисполкоме посол Израиля в Беларуси вручал ей медаль «Праведника Народов Мира». Помню, как тогда на прощание она сказала:

— Наградили и меня, и маму, но награда в большей степени её — Анны Карповны Кораго. Извините, не смогла она сама приехать, ей уже 98 лет. Захотите поговорить с ней, приезжайте к нам в Городок, память у неё хорошая.

Пока я собирался, откладывая поездку с недели на неделю, Анны Карповны не стало. Она умерла, не дожив одного года до своего столетия.

...Наша новая встреча с Ольгой Васильевной Кораго состоялась только спустя восемь лет. Ей уже самой шёл 85-й год.

Разговор начался с воспоминаний Ольги Васильевны о довоенных годах.

— Я родилась на Россонщине в деревне Казимирово. Когда мне было девять лет, папу, Василия Кораго, направили в Городок на работу в леспромхоз. Назначили заведовать складом. Это был 1934 год. В Городке была всего одна грузовая машина. Папе дали её, чтобы перевезти вещи из Казимирово. По дороге машина сломалась, и мы переезжали целый день.

Отец работал в леспромхозе до самой войны. Мобилизовали его в конце июня 1941 года. Он провоевал три года. Уже Городок освободили, мы получали от него письма, ждали домой. А потом пришла похоронка.

Мама, Анна Карповна, до войны была домохозяйкой, растила меня с братом. А когда папы не стало, пошла работать.

В 1941 году мне было 16 лет, маме — 38. Молодая женщина.

Мама была знакома с Фаней Турнянской. Фаня была хорошей портнихой. Она шила платья и для мамы, и для меня. Я хорошо знала Фанину дочку — Галю. И хотя она была на два года моложе меня, в юном возрасте это имеет большое значение, мы дружили.

С началом войны Фаня, её муж Яков и Галя как-то потерялись из виду. И хотя городок у нас небольшой, мы не знали, что с Турнянскими. Успели они уйти на восток или оказались в гетто.

Мы жили до войны по улице Карла Маркса. Считайте, вся улица была еврейской. Наша соседка тётя Соня, дружившая с мамой, когда её забирали в гетто, принесла нам полмешка муки и попросила: «Будете печь хлеб, сами ешьте и мне приносите». Я носила хлеб в гетто, передавала его. Кто хотел помочь евреям, делал это. Однажды увидела за проволокой Галю. Она сказала мне, что осталась одна, родители погибли. «Как быть?» — задала она мне вопрос. Что я могла ответить? Пришла домой и пересказала весь разговор маме. Мама у меня была очень доброй. Она сказала: «Пойдём туда вечером, может быть, как-нибудь сумеем её вывести».

- Мама знала, что за укрывательство евреев грозит расстрел? спросил я.
- И мама знала, и я. Любой ребёнок об этом знал. Листовки были расклеены по всему городу.

Дождались мы с мамой вечера, когда стало темнеть, и пошли в сторону гетто. Я взяла из дому пиджак, чтобы Галя сразу одела его и не были видны жёлтые лоскуты на её одежде, которые обязаны были пришить к одежде все евреи.

Проволочное ограждение шло до самого ручья. Галя пролезла под проволокой. Сделала это быстро и незаметно. Мы пошли домой по другой дороге, той, что на Невель идёт.

Жила у нас Галя два месяца. Как только кто-то приближался к дому, а мы всё время смотрели за этим, Галя пряталась в погребе. Немцы и полицаи устраивали облавы. Мама, конечно, боялась, что Галю обнаружат. Она переживала, в первую очередь, за меня и брата.

В деревне Березники Войханского сельского совета у мамы жили хорошие знакомые — Королёвы Егор и Екатерина. У них не было своих детей. И мама уговорила их: «Возьмите, будет вам как дочка. Она светленькая, на еврейку не похожа».

Месяц прожила Галя у Королёвых. На улицу не выходила, пряталась в чулане. Королёвы были связаны с партизанами. Они чувствовали, что над ними сгущаются тучи, что их подозревают немцы. Королёвы договорились с Евдокией Бодяло, рассказав ей всю правду и взяв

слово что она возьмёт Галю к себе. Евдокия жила в деревне Бегуны того же Войханского сельского совета. У неё был маленький ребёнок. И она взяла Галю, как няньку для дочки Нины.

Только после войны Галина узнала, что Егора и Екатерину Королёвых фашисты казнили за связь с партизанами и укрывательство еврейской девушки. В знак благодарности к своим спасителям Галя взяла их фамилию и до замужества была Галиной Королёвой.

В деревне Бегуны было всего шесть домов, но немцы и полицаи частенько наведывались туда во время операций против партизан. Бегуны были одним из центров партизанской зоны.

Рядом с Евдокией жила её родственница София Прищепова. И у неё было двое маленьких детей. И за ними надо было присмотреть, пока мама работала в поле или по хозяйству. Так Галя стала нянчить сразу троих детей — маленький детский садик времён войны. А двум женщинам было легче прокормить девушку. Когда в деревню приходили каратели, Галю прятали в замаскированном окопе.

До декабря 1943 года, до самого освобождения Городокского района, Галя Турнянская прожила у Евдокии Бодяло и Софии Прищеповой.

16-летняя девушка вернулась в Городок и пришла в исполком с вопросом: «Как жить дальше? Нет дома, нет работы, не за что кушать». Ей предложили идти на службу в воинскую часть, которая дислоцировалась в Городке.

Я слышал о сыновьях полка. А вот о дочери полка услышал впервые. Галина два года прослужила в воинской части № 2448 43-й армии и дошла с ней до Берлина.

Ольга Васильевна Кораго показала мне документы, фотографии, переписку с Галей, теперь её фамилия Алпатова. Сейчас живёт в США. У неё две дочери, внуки, внучка, правнуки.

- Как сложилась Ваша судьба? спросил я у Ольги Кораго.
- 6 августа 1943 года мне было уже 18 лет, я попала в облаву, и меня угнали в Германию. Нас разместили в Восточной Пруссии, в фанерных бараках. Мы строили оборонительные сооружения, тяжёло работали. В 1944 году нас освободила Советская Армия. Я попала в воинскую часть и служила в ней до конца войны. Потом вернулась домой, в Городок.

Ни я, ни мама никому не рассказывали, что прятали Галю во время войны. А Галя после войны разыскивала своих спасителей. Встречаю как-то Стеру Ирмановну, нашу знакомую, она говорит, что из Риги приехала Галя и ищёт, кто её прятал. А я отвечаю: «Так это же мы её спасали».

Мы переписываемся с Галиной Алпатовой, она к нам в гости не раз приезжала. Благодаря её хлопотам всем нам: маме, мне, Егору и Екатерине Королёвым, Софье Прищеповой и Евдокии Бодяло при-

своено в 2001 году звание «Праведник Народов Мира». Правда, не все дожили до этого времени...

Этот рассказ вошёл в мою книгу «Следы на земле», которая была издана в 2009 году (Минск, изд-во «Медисонт»).

Прошло ещё девять лет. Однажды в редакцию журнала «Мишпоха» пришла молодая красивая женщина и представилась, что она Мария Репникова, ассистент профессора по глобальным коммуникациям в университете штата Джорджия и директор Центра глобальных информационных исследований. Готовила научный проект в Пенсильванском университете. Получила докторскую степень в области политики в Оксфордском университете. Специалист в области российско-китайских отношений, много времени проводит в научных экспедициях по всему миру. Название всемирно известных научных центров говорит само за себя. Гостей в нашей редакции много, но не каждый может похвастаться таким послужным списком.

Мария рассказала, что приехала ко мне из Городка, встречалась с внуками и правнуками людей, которые спасали её бабушку в годы войны. Я, естественно, поинтересовался, кто же её бабушка. Она сказала — Галина Турнянская. Я стал прокручивать в памяти свои встречи.
— Я не встречался с Вашей бабушкой, хотя фамилия знакомая.

- Её спасали в годы войны, и Мария стала перечислять. Софья Прищепова, Егор и Екатерина Королёвы, Евдокия Бодяло, Анна Кораго и её дочь Ольга.

Услышав про Ольгу Кораго, я подошёл к книжной полке и достал книгу «Следы на земле».

Мы договорились с Марией, что вернувшись в США, она запишет воспоминания бабушки, Галины Алпатовой (Турнянской), и пришлет видеозапись в редакцию.

Галина рассказала о начале войны, о родителях, о городокском гетто и об их страшной участи, о своих спасителях, о том, как стала «дочкой полка» и дошла с Советской Армией до Берлина.

Мы полностью воспроизводим видеоинтервью.

Рассказывает Галина Алпатова (Турнянская):

«Я помню, было воскресенье. Очень жарко. Много беженцев из Польши. Помню разговоры родителей. Они говорили: ну зачем нам бросать свой дом, что мы плохого немцам сделали, почему мы должны уезжать?

Й чем закончилось? Их живыми закопали, даже не расстреливали.

...Когда согнали нас в гетто, никаких условий для жизни не было. Готовить негде было, все наповал на полу лежали и спали. И если кто-то не работал, никакой похлёбки, даже грамма никакого питания не было. Если кто-то работал, железную банку какой-то бурды наливали. Это была вся еда.

...А меня знакомые, которые жили рядом, белорусы, с которыми я общалась, потому что моя мама была портниха и девочка постарше у неё заказывала, и мама шила ей, эти соседи, когда нас согнали в гетто, вывели меня под проволокой. Она не была под током, только охрана была. И забрали к себе. Больше я родителей не видела.

...Обовшивели все, страшно было, когда меня уже семья забрала из гетто и стали вычёсывать, из меня, как горох, вши сыпались.

...Сначала был расстрел мужчин. Потом живыми закапывали детей. Стариков и женщин. Это я уже узнала от очевидцев в деревне, где я находилась.

Ольга Кораго и её мама Анна меня два месяца продержали у себя, прятали. И когда уже надо было от них уходить, они к своим знакомым меня перевели в деревню, подальше от города, где меньше населения, меньше немецких частей. Там я находилась какое-то время. Меня приняли, как родную. Детей у них не было. Очень рады были, что у них девочка появилась. Они были связаны с партизанами. Им передали, что за ними началась слежка. Они должны срочно куда-то уйти из дома. Но не успели. Меня переправили в другую деревню поближе к лесу, подальше от шоссейных дорог, где меньше было всякого движения. Передали своим знакомым, там меня приняли. В двух семьях я жила, нянчила троих детей. Мужья этих женщин были в партизанах.

...Хочу добавить, что те люди, которые мне во время войны помогли, которые меня приняли к себе, шесть человек, имеют звание «Праведников Народов мира». В Иерусалиме на досках мраморных их фамилии высечены. И я летала туда, ходила, знакомилась с этими мраморными досками. Мне очень приятно, что мои дорогие спасители — их фамилии на этих досках.

...Из всех шести моих спасителей никого уже нет в живых. В 2007 году последняя из них, Ольга Кораго, умерла. Теперь я общаюсь с их детьми и внуками. И есть правнук Ванечка. И вот моя внученька летала туда, со всеми познакомилась, была в этой деревеньке, была в Витебске, встречалась со многими моими знакомыми. Очень было приятно. Её хорошо там встретили, очень дружелюбно. Сходила она на Воробьёвы Горы, где похоронены мои родители. На памятнике нет ни даже слова, что здесь погибли тысячи евреев, просто написано — «советские люди».

...В моей деревне Бегуны Городокского района Витебской области всего шесть домиков. Никто меня не выдал, никто не показал пальцем, когда были всякие проверки. И вот я осталась жива и живу до сих пор.

...В оккупации мне пришлось три года пробыть, пока не освободили советские войска. За годы было много-много страшного. Когда немцы шли цепью на партизан, простреливали все места, чердаки, сараи с сеном, подвалы, везде строчили из пулемётов.

И в одном сарае партизаны сделали подземный ход. Они ночью совершали диверсионные дела, подрывали железные дороги, а днём прятались в этих сараях.

Было два родных брата, которые находились недалеко от своих родителей, и когда немцы строчили из автоматов, одного смертельно ранили, и он захрапел, и его обнаружили. И добили, расстреляли, раздели догола. Не давали хоронить. А родителей избили до полусмерти и увезли в районный центр и там добили. И мы с их сестричкой дружили, и всё видели, как их избивали. Страшно было. Всё пережито.

...Советские разведчики спрашивали у нас, у детей, где немецкие войска стоят. И мы что знали, всё рассказывали. И через какой-то маленький промежуток ехали наши танки и освобождали территорию.

Когда прошло какое-то время и началось наступление на Витебск, население всё эвакуировали, чтобы не было гибели гражданских. Там уже была Советская власть, куда нас перевезли. И меня как круглую сироту, училищ не было, детдомов не было, всё было кругом разбито. И меня направили как дочь полка в воинскую часть.

В воинской части я пробыла больше двух лет и дошла до Берлина, победу в Данциге (Гданьске) встречали.

Много всего было. Много страшного было. Но всё пережили.

Я 35 лет жила в городе Фрунзе (Киргизия), уже дети были, я несколько раз приезжала в родную деревеньку. Меня встречали, как родную, и до сих пор я с ними держу связь, помогаю, и с ними у меня очень тёплые отношения.

...Когда я попала в воинскую часть, там меня очень полюбили, я всё помогала делать. На территории Германии немцы на чердаках прятали снайперов, и они убивали наших солдат, которым по необходимости надо было куда-то идти по городу. И наше руководство, наши офицеры такой сделали шаг. Нашли велосипед, научили меня на велосипеде кататься, одели, как немецкую девочку, и ни один снайпер не мог подумать, что я везу важные секретные документы в воинские части, в штаб полка. Я это делала безо всякого страха, чтобы не было потерь наших бойцов. Наши офицеры говорили, что стольких людей ты сумела спасти, и никто не мог тебя заподозрить, что ты такие секретные поручения выполняешь.

Два с половиной года я была в воинской части, пока она не расформировалась.

...Огромное спасибо всем, кто это помнит и продолжает своим детям рассказывать о событиях тех страшных дней».

Аркадий ШУЛЬМАН.

С Галиной Турнянской (Алпатовой) беседовала ее внучка Мария Репникова.

Историческая справка

Перед началом Великой Отечественной войны в Городке проживало около 2,5 тысячи евреев. Немецкие войска заняли город 9 июля 1941 года., и оккупация продлилась до 24 декабря 1943 года.

Первое массовое убийство евреев было организовано захватчиками в начале августа 1941 года. Ещё до того как согнать евреев в гетто, немцы и полицаи собрали молодых евреев-мужчин и часть молодых женщин, увели их под предлогом, что отправляют на работы, и расстреляли около деревни Березовка, лишив, таким образом, еврейскую общину тех, кто мог возглавить сопротивление.

В скором времени (также в августе 1941 года) на окраине города было создано гетто, в которое согнали оставшихся в живых евреев Городка. Для этих целей был отведён квартал между улицами Красноармейской и имени Галицкого. Со стороны города гетто было огорожено колючей проволокой, также естественной преградой служила река. Узников разместили в здании старой бани, нескольких строениях рядом с ней и в недостроенной новой бане. По примерным подсчётам, всего в Городокском гетто содержалось около 2 тысяч человек.

Все узники страдали от голода, им приходилось питаться лишь тем, что они смогли захватить с собой, и тем немногим, что тайком передавали некоторые местные жители. Вплоть до окончательного уничтожения евреев гоняли на принудительные работы и часто под видом этого уводили на расстрел.

В течение первых двух месяцев существования гетто узники вывозились группами в урочище Воробьёвы Горы (до войны — любимое место отдыха жителей Городка), где их расстреливали. Согласно воспоминаниям, во время казней на Воробьёвых Горах не было попыток сопротивления или бегства.

В середине октября 1941 года гетто было уничтожено полностью. В конце декабря 1943 года, после освобождения Городка, комиссия из представителей районных властей, 11-й гвардейской армии и жителей города обследовала место массовых убийств на Воробьёвых Горах. Могила имела длину 12 м, ширину и глубину 4 м. Большинство жертв были убиты выстрелом в затылок, у других голова была разбита тупым предметом, а многие дети были закопаны живыми — их скелеты не имели никаких повреждений.

Память об убитых узниках гетто была увековечена в середине 1970-х годов: у лесной дороги, ведущей к месту расстрела, было установлено два бетонных столба с металлической аркой, а в начале 1980-х годов здесь установили памятник из чёрного гранита.

Историческую справку составил Константин КАРПЕКИН.

Моё блокадное детство

Рассказывает Беркман Галина Лазаревна.

Когда началась война, мне было всего четыре года, но память всё-таки сохранила многое из того, что нам пришлось пережить в блокадном Ленинграде. Естественно, это впечатления ребёнка — всё то, что могло его каким-то образом заинтересовать.

Начало войны принесло в мою жизнь одно из первых разочарований. Мой папа учился в Военно-медицинской академии имени Кирова. Как раз 22 июня он вернулся на побывку из летних военных лагерей и повёл меня в зоопарк. Мы вышли из дома, и в этот момент какой-то незнакомый мужчина, увидев на отце военную форму, сказал, что через пару минут должны передать важное правительственное сообщение. Пришлось вернуться домой, а там по радио уже выступал Министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов. По лицам родных я поняла, что случилась большая беда, но это меня не слишком беспокоило, гораздо больше я переживала из-за того, что мы с папой так и не сходили в зоопарк.

Отец сразу отправился в академию за назначением, а когда возвратился домой, как сказала мама, был белее халата. Он получил назначение в танковые части. Это был наихудший вариант изо всех возможных — танки горели, как спички, и к концу войны из его груп-

пы уцелел только он, все его товарищи-однокурсники погибли. Папа уехал через три дня, но перед этим перевёз нас с мамой к своим родителям на Кировский проспект. Там уже жила его старшая сестра Соня с двухлетним малышом и младшая сестра — студентка Надя.

Мама работала техником-рентгенологом в профилактории завода «Большевик», который с началом войны перепрофилировали в поликлинику. Когда перестали ходить трамваи, ей приходилось добираться пешком, а это, учитывая ленинградские расстояния, было очень далеко — мы жили в центре, а завод находился на окраине в двух километрах от трамвайного кольца, где уже стояли немцы. Хорошо помню, мама как-то сказала, что когда она была на работе, обстреливали наш район, а когда приходила домой — обстреливали завод.

Пока немецкое кольцо вокруг Ленинграда оставалось открытым, из города шла массовая эвакуация. В первую очередь старались вывезти детей, но меня мама никуда от себя не отпустила, хотя ей это стоило массу неприятностей. Как только её не называли, и саботажницей, и эгоисткой. Но переубедить её было невозможно, и надо сказать, не без оснований. Врач, с которой она работала, детей в эвакуацию отправила, а через неделю пришло сообщение, что этот эшелон разбомбили.

С началом войны меня определили в детский садик, до этого я была домашним ребёнком, и, по крайней мере, один случай из моей детсадовской жизни отложился в моей памяти надолго. Нас каждый день выгуливали в парке Ленина возле памятника миноносцу «Стерегущему». Во время одной из прогулок начался артобстрел. Мы побежали в садик, но не успели, и нас буквально затолкали в парадный подъезд ближайшего дома. Обстрел был страшный, кругом всё гремело и дрожало, а мы молча сидели на ступеньках вместе с нашими воспитательницами. Когда обстрел немного затих, нас, опять же бегом, погнали в садик. Но не успели мы добежать, как сзади раздался взрыв — это снаряд прямым попаданием разворотил парадное, в котором мы только что сидели.

Самым страшным временем были осень 1941-го и зима 1942-го. Хлеб выдавали по карточкам. Мама и тётя Соня, которая тоже работала рентгенологом, поскольку их работа считалась вредной, получали, как рабочие — 250 граммов. Дедушка был главным бухгалтером на авиационном заводе и получал как служащий только 125 граммов. У бабушки, поскольку она не работала, студентки Нади и детей паёк был ещё меньше. Помню, тётин Сонин маленький Гарик каждое утро, просыпаясь, кричал: «Мама, дай хлеба! Дай хлеба!». Мою карточку сдавали в детский сад. Там нас кормили, но когда я возвращалась домой, есть всё равно хотелось, и бабушка как-то предложила: «Давай я тебе отрежу кусочек от маминого пайка». Но я отказалась: «Вот мама придёт, и если разрешит, она сама мне даст». Такая была у нас дисциплина.

И эту дисциплину в нас воспитывала и поддерживала бабушка. Она сама развешивала хлеб и строго следила, чтобы его не съедали сразу. Как сейчас помню эти весы с чёрными чашками и маленькими гирьками.

Первыми от голода начали умирать мужчины и дети. У дедушки была цинга, на ногах язвы, но он с трудом, опираясь на палочку, каждый день стойко ходил на работу. Однажды бабушка сказала: «Девочки, надо деда поддержать» — и начала от маминого и тёти Сониного пайка выделять для него по 50 граммов. Он об этом, естественно, даже не догадывался.

Карточки выдавали на декаду. Отоваривать их ходили те, у кого для этого было время, ведь приходилось выстаивать многочасовые очереди. Однажды случилось страшное, было это, как я сейчас

понимаю, в самом начале декады. Надя вернулась домой в жуткой истерике и никак не могла успокоиться: «Завтра мы все умрём, — кричала она. — У меня украли карточки». Очень хорошо помню, что я при этом подумала: «Ладно, умрём мы завтра, ну а сегодня она хлеб принесла?»

Семья Беркман, 1947 год

Вернувшись с ра-

боты, дед сказал бабушке, что встретил знакомого начальника, возможно, из райисполкома или горисполкома — он всё-таки был главбухом большого завода, и в городе его знали. Тот, увидев деда, обрадовался: «Как живёшь, Борис Наумович, слышал, что у тебя под крылом собралась вся семья?», а дедушка ему ответил: «Сегодня хорошо, а завтра — лучше». Я помню, как бабушка после этого кричала на него: «Конечно, завтра мы все сдохнем, вот и будет хорошо». Но,

думаю, этот начальник деду всё-таки чем-то помог, ведь мы как-ни-как выжили.

На Новый, 1942 год дедушка сделал нам подарок. Это была ириска, припрятанная им из своего пайка, которую он тщательно разделил на всех. А в нашем садике устроили настоящую ёлку, детям вручили подарки, в которых были кедровые орешки. Я была очень горда, когда принесла их домой и угостила всех.

Город жил, не смотря ни на что. Даже театр работал, где никогда не было свободных мест. В морозы зрители сидели в пальто, а на сцене, замерзая в своих театральных костюмах, играли артисты. Туда, чтобы меньше думать о еде, в свободное от учёбы время частенько бегала Надя. Неподалёку от нас, в бывшем ресторане «Белые ночи» открыли столовую, где без выреза из карточки давали по ложке каши, мы с мамой часто ходили туда, но кашу не ели, мы её несли домой.

Той же весной на пустырях и газонах стали разводить огороды. Дедушке на старом заводском аэродроме выделили две грядки, а для посева выдали семена морковки и турнепса. Ухаживала за этим маленьким огородиком мама, а я всегда напрашивалась ей в помощь.

Ночные бомбёжки, особенно в первый год блокады, были настолько регулярными, что стали для нас привычным делом. В нашем доме ещё с финской войны было оборудовано газоубежище, куда мы поначалу спускались каждую ночь. Хорошо помню сидящих там на скамейках бабушек, которые после каждого взрыва обсуждали, в какой дом могла попасть эта бомба. А утром, когда мама вела меня в садик, мы проходили мимо разбитых и обгоревших зданий. Со временем решив, что между нами и газоубежищем, поскольку жили на первом этаже, всего одно перекрытие, которое вряд ли спасёт от прямого попадания, мы вообще перестали туда спускаться. Считалось, что во время бомбёжек надо находиться как можно ближе к капитальным стенам — они, как правило, оставались целыми. И меня с Гариком при первых звуках сирены отправляли в простенок — коридор, у которого были две капитальные стенки.

Я с детства боюсь огня. Однажды мы проснулись от громкого топота на чёрной лестнице и криков: «Горим! Горим!». Мама приоткрыла светозащитную штору, и нам в лицо через стекло буквально ударило необычно яркое и сильное пламя. Я от испуга стала заикаться, у меня началась рвота. Утром дежурившие на крыше и во дворе дружинники ПВО, это были школьники старших классов, рассказали, что ночью на наш дом сбросили 72 зажигательные бомбы.

В 1943 году директора авиазавода вместе с семьёй вывезли самолётом на «Большую землю», его назначили руководителем оборонного

предприятия. Он собирался забрать с собой деда и обещал прислать за нами самолёт. Мы начали готовиться к отъезду. Количество вещей, которые можно было взять с собой, было ограничено, и мама зашила в моё одеяло подаренную ей ещё в девичестве ручную швейную машинку, рассчитывая, что с ней всегда заработает на кусок хлеба. Но самолёт по какой-то причине так и не прилетел, и мы уже до самого конца остались в Ленинграде.

Вся мамина родня погибла в блокаде. Её сестра Оля осталась на нашей старой квартире и умерла от голода в декабре 1941-го. Из окопов и оборонных сооружений, где она работала, их привозили поздно, и ей не всегда удавалось получить свой крохотный паёк. Брат ушёл на фронт добровольцем, а в 1942-м пришло сообщение, что он пропал без вести. После неудавшейся попытки прорыва блокады, где была полная «каша» и неразбериха, таких извещений приходило много, и это никого не удивляло.

Из-за цензуры ни на фронтах, ни на «Большой земле» о нашем положении ничего не знали. Конечно, все понимали, что мы в кольце, что нам плохо, но насколько плохо, не представляли. Папа присылал на меня свой аттестат, стоил он, как помню, 100 рублей, в нём можно было черкнуть пару слов, и папа писал: «Не жалейте для Галочки ничего, покупайте ей шоколад».

Думаю, что выжили мы только потому, что держались вместе. В немалой степени способствовало и то, что мы не страдали, как другие, от холода. В нашем доме было печное отопление, и у запасливого деда на начало войны оказалось в наличии два сарая дров. Их при очень строгой экономии хватило на все блокадные зимы.

27 января 1944-го я лежала в больнице. К нам в палату зашли санитарки и сказали: «Дети, сейчас начнут стрелять пушки, но вы не бойтесь, это наши пушки. Блокада снята, мы победили». Помню, как от радости мы прыгали до потолка на своих кроватях. «Ура! Победа! Скоро приедет папа!»

Мы тогда не понимали, что до полной победы было ещё больше года. Осенью мне исполнилось семь лет, и я пошла в школу. В ней было шесть классов, потому что на остальные четыре учеников не набралось.

Обследуя мою голову на наличие паразитов, доктор сказала стоявшей рядом маме: «Женщина, смотрите, ваш ребёнок совсем седой».

Наши дети и внуки, слава богу, этого не видели, и я очень хотела бы, чтобы ничего подобного никогда не видели так же и их внуки.

С Галиной Беркман беседовал Семён ШОЙХЕТ.

Восаждённом Ленинграде

Они живут в Витебске в небольшом уютном доме с садом, на старой и тихой улице. С этим городом связана их послевоенная жизнь...

Спокойно и достойно сидят перед нами умудрённые опытом долгой и непростой жизни две женщины — Любовь Бунимовна и Роза Бунимовна Давыдовы. Две сестры, в чьё беззаботное детство вмешалась война. Так случилось, что в самом её начале совсем ещё маленькими девочками Люба и Роза оказались волею судеб в блокадном Ленинграде.

Рассказывает больше Любовь Бунимовна, в сорок первом ей уже было девять лет, она закончила первый класс, а её младшей сестрёнке едва исполнилось два годика, поэтому Роза Бунимовна лишь иногда, припоминая то, что слышала от старших, подключается к разговору.

— Всё то лето стояла хорошая погода, мы отдыхали на даче вместе семьёй нашего знакомого, Наума Зеленко. Он был военный, и в тот день, возвратившись из города, сказал, что началась война. Мы сразу же вернулись в Ленинград.

Наш дом находился в центре, на Канонерской улице, недалеко от Мариинского театра, рядом были синагога и Лермонтовский проспект. В одной с нами квартире проживали ещё папин дядя с женой. Наши родители были родом из Себежа, вся папина родня перебралась в Ленинград ещё в начале двадцатых, а мама — примерно в тридцатом году, сразу после свадьбы. Папа, как и все мужчины в их роду — отец, дед, а возможно, и прадед, работал жестянщиком. Мама не работала, у неё даже не было специальности — в те годы среди женщин такое случалось, и не так уж и редко.

С началом войны жизнь поменялась — начались проблемы с продовольствием, потом в городе перестали ходить трамваи, а дальше всё только ухудшалось, причём, происходило это неимоверно быстро. Папа по направлению от домоуправления ходил на какие-то работы. Однажды по дороге на работу его придавила упавшая стена, возможно, это произошло после артобстрела. Папу сильно травмировало, а главное, повредило ногу, и он уже не выходил из дому. После этого все заботы легли на маму, она поднималась очень рано, чтобы занять очередь за хлебом, а затем простаивала в ней много часов, ей же приходилось ходить за водой к каналу Грибоедова. Иногда она приносила нам ещё какую-то еду, мы её называли «дуранда». Что это было, очень трудно сказать — ни суп, ни каша, никто даже не знал, из чего её изготавливали.

Начиная с осени в доме стало очень холодно. В нашем Октябрьском районе ещё сохранилось печное отопление, и мы поначалу им пользовались, а там, где уже провели центральное отопление, начали ставить буржуйки. Потом буржуйка появилась и в нашей квартире. Чтобы не замерзнуть, спали по двое: старшая дочь — с папой, а младшая — с мамой. Всю ночь мы отгоняли мышей. Кроме мышей в квартире было полно блох, клопов, тараканов и ужасно заедали вши.

В нашей семье не было ни одной рабочей карточки, каждому полагалось по сто двадцать пять граммов хлеба. Было ужасно тяжело, и постоянно казалось, что следующий день нам вряд ли удастся пережить, но к этому мы уже относились как к обыденному явлению. Наша бабушка, папина мама, жила где-то со своей дочкой, но когда она умерла, её привезли почему-то к нам. Мама на санках отвезла её на пункт, где собирали покойников. Это было неподалёку от нас, на проспекте возле Никольской церкви, оттуда их увозили на Пискарёвку (Пискарёвское кладбище).

Днём постоянно шли артобстрелы, а по ночам бомбили. Стёкол в наших окнах не было, они остались только в форточках, всё осталь-

ное было заделано двумя рядами картона, между которыми насыпали опилки или ещё какой-то утеплитель. Во время бомбёжек соседи с верхних этажей собирались либо у нас на первом, либо спускались в бомбоубежище. На четвёртом этаже жил очень известный в городе детский врач Борис Ильянович Шагал. Он, чтобы не отвлекаться на бомбёжки, писал при коптилке свою диссертацию в нашей квартире.

По ночам взрослые жильцы из нашего дома дежурили на крыше — тушили зажигалки. Дежурили также во дворе и в подворотнях све-

ряли по спискам всех, кто проходил в дом, и не пропускали посторонних. Мы, дети, им помогали: носили в маленьких вёдрах на чердак песок и воду, а кроме этого, ходили по квартирам и собирали для нужд обороны медную и алюминиевую посуду. Руководила нами соседка тётя Лиля. Всё это делалось на общественных началах.

К нам, в Ленинград, приезжали с «Большой земли» артисты. Как-то разу нас в домоуправле-

Родители сестёр Давыдовых

нии выступала Рина Зелёная. Помещение было битком набито взрослыми зрителями, и нас, детей, ставили на столы, чтобы мы могли что-то увидеть и услышать.

Зимой сорок второго нашу семью вывезли из блокадного Ленинграда. Эвакуация в городе с самого начала была хорошо организована. Ответственные за неё ходили по домам и переписывали людей, подлежащих отправке, в первую очередь семьи, у которых были дети. Проживавшие вместе с нами в одной квартире папины родственники остались в городе, впоследствии нам сообщили, что их загрызли мыши.

До Финляндского вокзала мы шли пешком. По дороге потерялась маленькая Роза, но её сразу спохватились и быстро нашли, так что до сборного пункта все добрались благополучно и без потерь. Оттуда поездом в холодных вагонах нас довезли до станции Ладожское озеро, а дальше в грузовиках на другой берег Ладоги. Дорога через озеро была долгой и тяжёлой, машину всё время швыряло, трясло, и было очень страшно. Зато на том берегу нас уже ждали тёплые помещения и еда.

В эвакуации мы оказались в Туркмении, там вскоре умер наш папа. Сразу по приезду его забрали в больницу, и он из неё уже не вышел. У нас по сегодняшний день хранится его письмо, которое он написал из больницы незадолго до смерти. Спустя какое-то время мама каким-то образом отыскала своих родителей, они оказались в Васильсурске, неподалёку от Горького, и к концу эвакуации мы перебрались к ним.

После войны мама, несмотря на то, что у нас был вызов, в Ленинград не вернулась, мы уехали вместе с бабушкой в Себеж. Она и впоследствии, хотя были приглашения, ведь в Ленинграде жили наши родственники, никогда туда не ездила и не вспоминала о нём даже в разговорах. Когда спустя много лет на экраны вышел фильм «Блокада», мы с огромным трудом уговорили её сходить с нами в кино. Мама посмотрела только первую серию, идти на остальные отказалась категорически. Видимо, слишком тяжёлыми для неё были эти воспоминания. Мы и сами не очень-то любим об этом вспоминать.

С Любовью и Розой Давыдовыми беседовал Семён ШОЙХЕТ.

Историческая справка

Блокада Ленинграда длилась с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года. К началу блокады в городе находилось недостаточное для длительной осады количество продуктов и топлива, а единственным путём сообщения с Ленинградом оставался маршрут через Ладожское озеро, находившийся в пределах досягаемости артиллерии и авиации осаждающих.

В связи с приближением немецко-фашистских войск с 29 июня 1941 года население Ленинграда (мужчины в возрасте от 16 до 50 лет и женщины от 16 до 45 лет) было привлечено к трудовой повинности, включавшей в основном строительство оборонительных сооружений. В итоге, к 20 августа 1941 года в Ленинграде насчитывалось 4612 бомбоубежищ, рассчитанных на 814 тысяч человек, и 336 погонных километров щелей-траншей, рассчитанных на 672 тысячи человек.

К началу блокады кроме советских войск в окружении оказалось всё гражданское население города (примерно 2,5 млн. жителей), а также 340 тысяч человек, проживавших в пригородах

Снабжение продуктами стремительно ухудшалось: с 17 июля 1941 года в Ленинграде были введены продовольственные карточки, с 1 сентября была запрещена свободная продажа продовольствия. Из 18 хлебозаводов Ленинграда, работавших до войны, во время блокады 8 были законсервированы. В декабре 1941 года был ограничен отпуск соли и спичек, до того находившихся в свободной продаже.

Начиная с зимы 1941 года., каждый день в Ленинграде умирало более 4 тысяч человек. В то же время часть населения была госпитализирована для преодоления последствий голода. Это стало возможно в 1942 года, благодаря проведению более успешной, чем в 1941 года, навигации. С этой же целью некоторые предприятия были перепрофилированы на производство пищевых заменителей. К примеру, в качестве добавок при изготовлении мясной продукции использовались соевая мука, кишки, технический альбумин, получаемый из яичного белка, плазмы крови животных, молочной сыворотки, была разработана технология получения пищевых дрожжей из древесины.

С марта 1942 года в городе активизировались работы по заготовке топлива и уборке улиц, возобновилось движение трамваев.

К 1943 года были приняты меры по укреплению обороны города, в результате чего было создано 110 крупных узлов обороны, оборудовано несколько тысяч километров траншей, ходов сообщений и других инженерных сооружений.

В январе 1943 года советские войска освободили южное побережье Ладожского озера, благодаря чему была восстановлена сухопутная связь Ленинграда со страной. Тем не менее, осада Ленинграда вражескими войсками и флотом продолжалась до января 1944 года. В январе – феврале 1944 года советские войска провели Ленинградско – Новгородскую операцию, в результате которой противник был отброшен на 220 – 280 км от южных рубежей города.

По примерным подсчётам, за годы блокады в Ленинграде погибло от 600 тыс. до 1,5 млн. человек.

Историческую справку подготовил Константин КАРПЕКИН.

Век Фриды Моисеевны Идельчик

17 февраля 2020 года Фриде Моисеевне Идельчик исполнилось 100 лет. И хотя желая людям долголетия, мы говорим: «До 120!», согласитесь, возраст Фриды Моисеевны очень солидный. Тем более, что её жизнь не была устлана лепестками роз, скорее, ей приходилось наступать на шипы.

В 21 год — война, плен, тюрьма, в 22 года — по приговору военного трибунала десять лет северных лагерей, пять лет, проведённых на зоне, и только через пятьдесят лет она дождалась реабилитации.

Фрида Моисеевна сильный человек. Она не только не сломалась, пройдя сквозь все испытания. Она вырастила двоих детей, и сегодня у неё шесть правнуков.

Детство

- Где Вы родились, Фрида Моисеевна?
- Деревня Краснополье Климовичского района Могилёвской области.
 - Кто были Ваши родители?
- Занимались сельским хозяйством. Мне было годика два, папа уехал на заработки, и мы переехали в Сураж Брянской области. Там он работал на бумажной фабрике и простыл очень сильно. В Сураже мы жили десять лет, потом по рекомендации врачей переехали в Клинцы. Это небольшой городок, тоже в Брянской области.

- Как папина фамилия?
- Равин Моисей Аронович. У папы было два имени еврейских, когда ввели паспортизацию, одно имя он упразднил и стал Моисеем, а вообще был Мойше-Гирш.
 - А маму?
 - Эсфирь, или Эстэр Михайловна.
 - В семье было много детей?
- Я и брат. Он на фронте погиб в 20 лет Давид Моисеевич. Моложе меня на три года. Выносил из окопа убитого товарища и сам под пулю попал. Это было в 1943 году.
 - Вы до войны работали или учились?
- Был в Клинцах тонкосуконный комбинат, там я работала в профкоме, собирала профсоюзные взносы и научилась печатать на машинке. И потом машинистка стала моей профессией на всю жизнь.

Война

- Как Вы узнали, что началась война?
- По радио передали. Я дома занималась уборкой. Мыла пол, и радио у меня играло. Объявили, что будет выступать Молотов. Я послушала это выступление и очень испугалась. Мне 21 год. Я была активной комсомолкой и даже некоторое время была секретарем в нашей ячейке. Меня избрали как молодую, грамотную. Когда началась война, собрали нас, активистов комсомольских, и сказали, что молодёжь должна принять участие в войне. Я была молодая девчонка, ещё даже с парнями не встречалась. И вот выпал жребий, и меня по комсомольской линии направили в армию. Я стала принудительным добровольцем. Попала на службу в штаб армии.
 - Родители эвакуировались?
- Родители эвакуировались. Брата забрали в армию, когда ему исполнилось 18 лет. До этого мама работала в библиотеке в текстильном техникуме. Папу по болезни не взяли в армию.

На фронте

- Где шли бои, когда Вас призвали в армию?
- Наша часть стояла в Костюковичах в Могилёвской области. Я писала домой, что нахожусь на своей родине. С фронта раненых везут, на фронт призывников.

Около трёх месяцев была в армии. Отступали в Курском направлении. Были большие бои. Там наша армия попала в окружение. Командиры на самолётах улетели. Солдатам сказали: «Выходите из окружения как можете».

Мы попали в какую-то деревушку. Я и двое солдат. Уже вечерело. Стучались, просили: «Нельзя ли попить, переночевать?». Нас пустили,

накормили и уложили спать.

У них был сынишка, лет десяти. Утром его посадили у окна: «Посматривай, если будут немцы ехать». Немцы забирали у крестьян продукты, коров сводили со двора, кур отлавливали. Мальчик заметил, что возле нашего дома остановился мотоцикл. Три немца в дом собрались идти.

А тут я. Они на меня быстренько положили всякий хлам, меня укутали, платок завязали, как будто я больная. Немцы очень боялись заразиться.

- Хозяйка знала, что Вы еврейка?
- Всё по лицу видно. Но я говорила, что грузинка. Родители погибли, и я сирота, грузинского языка не знаю. Нашу деревню немцы окружили и сожгли.
 - Говорили, как Вас зовут?
- Никто не спрашивал... Среди них был один полицай. Он всё рвался ко мне. Хозяин дома отталкивал его, поил водкой, а он всё тянулся к моему дивану.
 - Посмотреть, кто Вы?
 - Поиздеваться.

Фрида Моисеевна, довоенная фотография

Хозяева сказали немцам, что у меня «свинка». Немцы побросали еду и стали убегать, чтобы не заразиться. И полицая полупьяного вытол-кали. Так меня спасли. Хозяйка проводила меня за околицу деревни и показала, куда идти дальше.

В плену

- Мне немцы преградили путь. Обыскали и взяли в плен. Там у них был перевалочный пункт. Привели в деревню в помещение бывшей конюшни. Сарай большой, тёмный. В одном углу стойло для трёх лошадей. В другом разместили пленных. Их было, наверное, человек шестьдесят.
 - Одна женщина, остальные мужчины?
- Были ещё женщины. Две медсестры, зубной врач, две учительницы.
 - Все из армии?
- Не знаю, как их собрали. В плен попадали из армии и местных жителей захватывали немцы. По улице идёт женщина, они её останавливали, обыскивали, и в плен вели. Нас собралось 15 женщин.

- Где это было?
- Город Рыльск Курской области. Потом нас разместили в школе, и мы там находились десять дней.
 - Были евреи?
- Конечно, и много. Их вывели из строя на середину барака, и командиров Красной армии, и политработников. И расстреляли. У всех на глазах. Мне удалось скрыться между людьми. Ростом я маленькая, и меня заслонили. Знакомых там никого не было. Только один кухонный солдат, он мне моргнул, чтобы я не показывала вида, что мы друг друга знаем. Так уцелела.
 - Что дальше было?

Наши медсёстры смотрели в окно и увидели, что летают наши самолёты, и они стали бомбить. Немцы заключённых выгнали на улицу: здоровых грузили на машины и отправляли в Германию.

Женщинам тоже приказали выходить. Там офицер стоял. Он был не немец — австриец. По-русски говорил плохо, но мы понимали: «У нас женщины не воюют. Сидят дома, растят детей». Отпустил всех женщин. Сказал идти не толпой, а поодиночке, показал, в какую сторону лучше идти. И лично проводил до ворот.

Тюрьма

— Пришла в Сумскую область на Украину. Осталась одна. Идёт женщина и несёт на коромысле вёдра с водой. Спрашиваю: «Какая здесь власть? Немцы есть?»

Отвечает: «Всем управляет военная комендатура».

Решила, что это мне и надо. Пошла в комендатуру. Там дежурный. Рассказываю, что попала в плен, потом вырвалась оттуда, ищу свою воинскую часть.

Он говорит: «Посиди немножко. Скоро начальник придёт и поговорит с тобой». Он мне даже принёс чай с сухариками. Пришёл командир. «Кто? Что?» Я снова стала рассказывать, кто я и что я. Хочу найти свою воинскую часть.

«Ишь чего захотела! — говорит он. — Твоя армия далеко ушла. Посиди, начальника подожди».

Пришёл начальник, и меня в третий раз стали допрашивать. Протокол ведут. А потом: «Мы подозреваем вас в шпионаже».

- У Вас были документы?
- Я всё потеряла.
- Одеты были в чём?
- На мне была военная форма. Но в деревне хозяева всё сожгли.

Провели допрос и объявили, что меня в шпионаже подозревают, что будут справки наводить кто я и откуда. Задержали. Двое суток была на этом перевалочном пункте, а потом повезли в село Горчичное Кур-

ской области, туда задержанных для допроса переводили, и меня туда. В три часа ночи на допрос вызывали к следователю. Днём мы сидели в тюрьме, а как ночь наступает, два раза водили на допрос.

- Долго там были?
- Недели две. Меня обвинили в шпионаже и отвезли в Воронежскую тюрьму как осуждённую. В тюрьме пробыла два месяца.
 - Вы по-прежнему говорили, что грузинка?
- Военным говорила правду. В Воронежской тюрьме следствие вели, протокол писали. Что они заподозрили, не знаю. Меня осудил военный трибунал и приговорил к 10 годам лишения свободы с отбыванием срока на Дальнем Севере.
 - Куда послали потом?
 - В Коми АССР. Это в конце 1941 года. Я попала в колонию.

Северные лагеря

- По этапу в телячьих вагонах везли, под конвоем. Поместили в женский барак на 60 человек. Двухэтажные нары. Там были два или три барака мужских и столько же женских. Колония небольшая. Свой медпункт. Но послали на лесоповал без медосмотра.
 - Кто были остальные заключённые? За что они сидели?
- Основная статья, как моя: измена родине, шпионаж, участие в заговорах. У нас была смешанная зона: и бандиты, и убийцы, и воровки, и проститутки. Всякие, с большим сроком.
 - Какие взаимоотношения в бараке?
- В бараке чувствовали себя хозяевами уголовники, они издевались как хотели над политическими. Я была политическая. Ближе сошлась с двумя женщинами. Одна учительница, арестована за то, что якобы муж её был «враг народа». Ей тоже дали срок.
 - На лесоповале рубили лес?
- Мужчины рубили, мы ветки собирали, копали под деревьями ямы, переносили мусор. Морозы 50 градусов, и я простудила ноги. Кроме того, у меня началась цинга, стали кровоточить дёсны, стали шататься зубы. Я совершенно ослабела. И голодно, кормили плохо. Мы ели конину в основном, если сдохнет лошадь или убьют её случайно. Мясо довольно жёсткое, пахнет потом конским.
- На лесоповале я была недели две или три. У меня появились на ногах раны, и положили в стационар. Ухаживали за мной, перевязки делали. Гной шёл. Была одна медсестра, очень опытная, полячка, она тоже из-за мужа сидела. Его приговорили к смертной казни. А ей дали десять лет.
 - Долго лежали в госпитале?
- Месяца четыре. Потом начала вставать. Увидели, что я помогаю тяжелобольным, оставили санитаркой в лагерном госпитале. Я мыла

палату, помогала ухаживать за больными. Мною были довольны больные. Одна была учительница, ростом высокая, пожилая женщина, она курила и говорила мужским голосом. Крыс ловила и кушала их. Днём все над ней издевались. Не пускали даже к печке погреться. Она ночью вставала, зажигала печку, обрабатывала мышей и крыс, кушала их, чтобы никто не видел. Ею брезговали все, и так получилось, что когда меня положили в стационар, там были двойные нары, и моё место — рядом с ней. Она вся в ранах, кричит, что ей больно, помогите. Никто к ней не подходил, а я подходила. Она говорила: «Ставь мне ноги дыбарем». В коленках поджать, чтобы ей легче было. Она была политическая.

- Долго Вы были санитаркой?
- С полгода, а потом меня перевели в цех работать. Был там цех мягкой игрушки, столярный цех и цех по пошиву одежды. Шили шинели, кители для солдат, для армии. Меня сделали подносчицей. Два конвейера пошивочных. Я с одного конвейера на другой переносила.
 - Родители что-то знали про Вас?
- Целый год ничего не знали. Переписка была запрещена. Примерно в 1943 году разрешили переписку, я от брата получила два письма, а потом он погиб.
- Как долго вы были в лагерях?
- Я освободилась и приехала домой к родителям 14 июля 1946 года. Через год после окончания войны.
- Как в лагере узнали про Победу?
- Узнали и такой пир устроили, такой праздник. В нашем бараке была женщина, которая работала в столовой поваром. Она дежурила ночью. Готовила к пяти утра завтрак для тех, кто на работу уходил. Она прибегает в барак и кричит: «Бабы, вставайте. Победа! Победа! А вы дрыхните». И на нарах пошла плясать.

Большая семья Фриды Идельчик

Утром уже по радио передали. Мы три дня не работали. Пир устроили в столовой. И такие танцы были, и очень большая амнистия была. Уголовников много освободили и стали пересматривать дела политических».

Освобождение и реабилитация

- Мне выдали документ. Осудили по 58-й статье, а когда освободили в 1946 году, на руки дали справку, что я была в колонии по 14-й статье разглашение государственной тайны. А за разглашение самый большой срок 5 лет. А мне дали десять и пять лет поражение в правах.
 - Куда поехали после освобождения?
- В Луганск на Украину. Там до войны жили папина сестра и брат. В эвакуации они встретились с моими родителями и позвали к себе. У папиной сестры уцелел дом, и папа с мамой поехали туда.

А мне в справке, которую дали, написали, что имею право жить в любом городе. Без исключения.

- В Луганске легко устроились на работу?
- По объявлению.
- А то, что были судимы, не осложнило жизнь?
- Никто не знал. Я этих документов не предъявляла никому. Только когда меня реабилитировали, узнали.
 - В каком году Вас реабилитировали?
 - Считайте, через 50 лет. В 1992 году.
 - Кем Вы работали?
- Работала секретарём-машинисткой и на заводе, и в техникуме лёгкой промышленности в Минске я работала 10 лет. Даже у меня был, как у машинистки, допуск к секретным документам.
- Вы просили документ о реабилитации или Вам его автоматически выдали в 1992 году?
- Два года я была в переписке с МВД, КГБ. Сначала написала по месту жительства, потом в Москву в Военный трибунал. Пишу в Коми АССР в посёлок Ракпас, там трудовая колония. Мне отвечают, что такой фамилии среди бывших заключенных не значится. Пишу в Воронежскую тюрьму. Оттуда прислали, что я отбывала срок в Воронеже два месяца, будучи под следствием. Отсюда началось. Справку послала в трибунал. И военный прокурор выступил в Верховном суде с требованием о реабилитации. В 1942 году меня Военный трибунал судил, а в 1992 году я была полностью реабилитирована.

Богатый человек

- У Вас в серванте стоит очень красивая фотография, на которой вся Ваша большая семья. Сколько у Вас внуков, правнуков?
 - Правнуков шесть. Пять мальчиков и одна девочка.

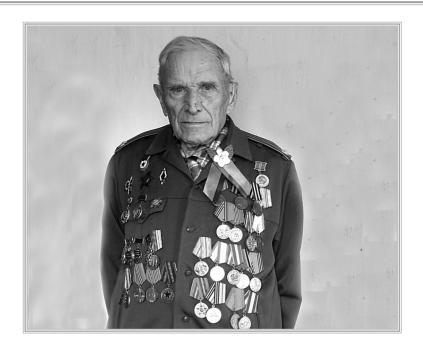
- Все живут в Минске?
- Все здесь. У внука двое мальчиков. Одному шестнадцать лет, другому скоро будет десять. И у внучки четверо детей.
 - Вы богатый человек...

С Фридой Идельчик беседовал Аркадий ШУЛЬМАН.

Историческая справка

В настоящее время Ракпас — это посёлок в Княжпогостском районе Республики Коми, расположен на железнодорожной ветке Котлас — Ухта. По одной из версий, название посёлка переводится с языка коми как «воронье гнездо». Посёлок находился на территории Ухто-Ижемского лагеря (Ухтижемлага), организованного 16 мая 1938 года НКВД СССР. Центром лагеря являлся пос. Чибью (с 1943 года переименован в года Ухта) Ухтинского района Коми АССР. Данный лагерь являлся прямым преемником упразднённого в 1938 года Ухто-Печорского лагеря. Профилем Ухтижемлага являлись геологоразведка, добыча нефти, радия, строительство, нефтепереработка, лесозаготовки и сельское хозяйство. На момент организации управление лагерем состояло из 74 человек, в его структуре было 3 отделения (2 нефтяных и 1 радиевое), промыслы, колонны геологоразведки и бурения, управление строительства тракта Чибью — Крутая, совхозы «Ухта» и «Сьо д-ю», Ухто-Ижемская транзитная группа (дислоцировалась на протяжении всей реки Ижма), Котласский и Вогваздинский пересыльно-перевалочные пункты, Печорский и Усть-Вымский разведрайоны, стройучастки. Также в лагере был свой театр, режиссёрами и актёрами в котором являлись сами заключённые. В январе 1939 года площадь лагеря составляла почти 58 тыяч га. В 1939 года здесь насчитывалось почти 24 тысячи заключённых. в 1941 года — около 17 тысяч, в 1945 года — более 11 тысяч, в 1947 года более 25 тысяч, в 1951 года — свыше 31,6 тысячи заключённых. В 1942-1943 ггода существовал самостоятельный Верхне-Ижемский лагерь, отпочковавшийся от Ухтижемлага. Заключённые этого лагеря строили сажевые заводы, занимались лесозаготовками. На газовых промыслах в верховьях реки Ижма действовало 5 заводов и 58 скважин, на которых было выработано более 6 тысяч тонн высококачественной сажи. В годы Великой Отечественной войны заключённые Ухтижемлага построили Ягерскую нефтешахту (единственную не только в СССР, но и в мире), мощность которой составляла 125 тысяч тонн в год. Осуществлялось строительство ещё двух шахт. Ухтинский нефтеперерабатывающий завод до войны выпускал 7 видов нефтепродуктов, после войны — 15. Лагерь был ликвидирован в 1954 года

Историческую справку составил Константин КАРПЕКИН

От Эльбы до Курил – тысячи километров жизненного пути

Офицером Советской армии он встретил Победу в Германии, на Эльбе, пройдя долгий и очень трудный путь дорогами войны. Армейскую службу продолжал в Белоруссии и на Курильских островах. Потом была снова Белоруссия и двадцать лет работы председателем колхоза в Чашникском районе Витебской области.

А начинался его путь в Киеве, на улице Тургеневской, где жили родители.

Сейчас Исаак Эммануилович Прицкер живёт в Лепеле, где и состоялись наша встреча и интересная беседа с 96-летним ветераном войны. Началась она с воспоминаний о довоенных годах.

- Исаак Эммануилович, расскажите про Ваших родителей.
- Отец был рабочий-металлист, мать домохозяйка. Их в Киеве расстреляли в 1941 году.

- Большая семья была?
- У нас семья небольшая. Родители, брат и сестра.
- Родители даже не пытались эвакуироваться или не успели?
- Зять приехал в первые дни войны, он был военный лётчик, забрать их хотел, а я в это время находился в военных лагерях.
 - Вы уже поступили в военное училище?
- Поступил в спецшколу. Меня дома нет они не поехали. Зять взял других двоюродную сестру с мужем и увёз. Мои родители остались.
 - Как звали отца?
 - Мендель Абрамович.
 - А маму как звали?
 - Клара Моисеевна Аранштейн.
- После войны Вы приехали в Киев. Вам кто-то рассказывал, как это произошло?
- Рассказывали, как их погнали в Бабий Яр. По улице гнали, кругом стояла полиция, никого не подпускали к ним. Что в руках могли унести, то и взяли. Якобы их куда-то будут вывозить немцы. И в Бабьем Яру расстреляли.
 - Отец уже был в возрасте?
 - Лет пятьдесят с лишним.
 - А мама была моложе?
 - Да, моложе.

Война изменила жизнь всего поколения, родившегося в начале двадцатых годов. Они мечтали, строили планы. А потом война навсегда разъединила их с родителями, закружила в страшной круговерти. Исаак Эммануилович продолжает свой рассказ.

- Я в Киеве окончил 7 классов общей школы. До войны были специальные военные школы: артиллерийские, авиационные и морские. В Киеве были две артиллерийские школы 13-я и 14-я.
- Это как обычные школы, только ещё было дополнительно введено военное обучение?
- Обычные занятия. Мы в форме. Пришёл я, выдали мне форму военную, и я вместо своей школы украинской № 91, пошёл учиться в 8-й класс спецшколы. На лето мы выезжали в лагеря. За Киев, в Святошино. Километров тридцать от города.
 - А как узнали о начале войны?
- Ночью слышали разрывы. Не знали, что это. Думали, военные учения, манёвры. Утром построили на завтрак. Нас обслуживали гражданские: повара, официантки. Разговор уже пошёл война. Позавтракали, выстроил комиссар школу и объявил, что немцы

напали на Советский Союз. А мы находимся по-прежнему в лагерях.

- Домой не отпустили, в Киев, к родителям?
- Никого никуда не отпускали и не собирались отпускать. Никто не думал, что могут Киев отдать. Будённый клялся своими орденами, что Киев не сдадим. Мы были в лагерях до первой бомбёжки. Пока немцы нас не обнаружили. Это уже где-то в июле. Нас по тревоге собирают и грузят на пароход на Днепре в Киеве. Везут в Днепропетровск. Ночью тревога. Подгоняют машины и нас в Харьков. Это уже где-то конец июля.
 - Полтора месяца связь с родителями какая-то была?
- Никакой связи, ничего не знали. Не было писем, ничего не было...

С Харькова чуть выскочили, по радио передают: «Оставили Харьков», и нас везут на Урал.

- Сколько Вам лет было? Вы ещё не были военнообязанным?
- Семнадцать... На Урале продолжали учиться в городе Чкалов, казацкая станица Илек. Я оканчиваю школу 10 классов. Это 1942 год.

Нас без экзаменов отправляют в Рязанское артиллерийское училище. Оно было эвакуировано, находилось не в Рязани. В этом училище я уже как военный был. Отучился, получил звание «младший лейтенант». Это 1943 год. И на Западный фронт, под Смоленск. Командиром артиллерийского взвода.

- Вы участвовали в боях за освобождение Белоруссии? Где воевали?
- 3-й Белорусский фронт. Освобождали Минск. Бои были тяжёлые. Мы от Смолевичей наступали. Немцы бросили танки. Я был командиром батареи. Присвоили лейтенанта, потом старшего лейтенанта. Батарею развернули, танк один подбили, они ушли, и мы ворвались в Минск. Особенно тяжёлые уличные бои были у Дома офицеров. Где огневая точка, разворачиваем пушку, подавляем. И опять на прицеп, на машинах были. Я был награждён за Минск орденом Красной Звезды.

Потом участвовал в штурме Кёнигсберга. Это 1944 год. Вот тут были страшные бои. Меня уже поставили начальником штаба дивизиона. Я капитан. 3-й дивизион, 916-й артиллерийский полк, 348-я дивизия.

- Бои за Кёнигсберг. Там было кровавое месиво.
- Да, страшно. Пополнения не было. С артиллерии у нас забрали половину в пехоту. Почти все наши офицеры погибли. Наградили медалью «За взятие Кёнигсберга».
 - А Вас бог миловал, никаких ранений?

- Я молодой был, не боялся ничего. Мне 20 лет. Ни о чём не думал, что могут меня убить или что-то...
- Ни разу на переформирование не отправляли? Всё время на фронте?
- Всё время. От Кёнигсберга коса шла Фрише-Нерунг. Немцы утекали на неё и через неё дальше в Пруссию.

А отсюда я уже на Берлин, на Зееловские высоты. Там Жуков был

командующий. Дал команду: если кто-то будет пойман за мародёрство, будет разжалован в рядовые и на штурм Берлина отправлен. А сами... Магазины работали. Они всё позакрывали, часовых поставили. Хорошо обеспечили себя. Всё начальство. Ну а я что, холостяк, мне ничего не надо. Орденоносец был там, набрал барахла разного на машину...

- Вы по-прежнему начальник штаба?
- Да, начальником штаба был. Тут уже разрешили отправлять посылки домой раз в месяц. И солдатам разрешили.

Исаак Прицкер, 1944 год

- Что в посылке было обычно?
- Что хочешь... Отрез на костюм или сам костюм. Мы когда заняли Германию, всё было открыто, заходи бери, жителей не было...
 - Вы с местным население не соприкасались? Контакты были?
- Когда в Пруссию вступили, гражданские отступали с военными. Деревни уходили с войсками. Но до конца же не могли все уйти. Уходят, а мы идём и идём. Интересно и мне, и людям гражданского немца увидеть. Беру «виллис», водителя, разведчиков... Посмотрел по карте, деревня в лесу. Думаю, должны быть люди. Подъехали, дым идёт, бельё висит, значит, живут люди...

Я зашёл в дом, немцы сразу: «Пан, забирай, что хочешь. Выпить

надо — берите, только не убивайте». Все разбрелись по хатам. Началась стрельба. Где были наши разведчики — всех убили. Остались живые только хозяева. где я был.

- За что? Просто месть была?
- Просто месть была. В Пруссии было разрешено всё. Идёт немец, увидел наших солдат, и он уже метров за 10 или 20 кланяется. Наш солдат имел право любого на улице застрелить. Никто не возражал. Пустили на самотёк, делай что хочешь. Всё уничтожили, в домах всё побили, громили всё вокруг. Дошло до того, что наш госпиталь негде было разместить. Всё побито. Тогда приказ уже пришёл запретить это делать.

Когда война закончилась, я был на Эльбе.

- Вы с американцами встретились?
- Подошли к Эльбе. Смотрим, американцы купаются там, на лодках катаются.
 - Разрешено было общаться с американцами?
- Никто не спрашивал разрешения. Командир полка собрал офицеров, пригласил американцев, и они нас приглашали, были встречи. Я участвовал. Американцы очень хорошо относились к нам.
 - Войну закончили на Эльбе? Дальше оставили в Германии?
 - Были в Германии немного и своим ходом в Заслоново. Диви-

зион, две батареи на машинах, одна батарея конная. Конная даст километров пятьдесят. Шестеро лошадей, асфальт. Рысью идут и всё. Дивизион расположился в Заслоново. А наш полк — в Межецах.

Исааку Эммануиловичу исполнился 21 год. Закончилась война, и столько было виданоперевидано, что на всю жизнь хватит. Надо было начинать новую жизнь, заводить семью. Но он военный человек, офицер, и не распоряжался своей жизнью.

Исаак Прицкер с женой Валентиной Ефимовной

Исаак Прицкер с сыном Александром, 2020 год

Приказы, как говорится в армии, не обсуждают. Вспоминает Исаак Прицкер.

— Служил в Белоруссии. Последнее место — в Старых Дорогах. Оттуда меня на Дальний Восток, на Курильские острова перевели. Это начало 50-х годов. Я служил на острове Итуруп. Это самый большой остров.

В 1952-м на Курилах вулкан рванул. На острове Парамушир. Остров опустился на 12 метров под воду. Никого там не эвакуировали, все погибли. Гражданских почти и не было, воинские части стояли. Всё, что было ниже 12 метров, ушло всё ночью под воду.

- Много людей погибло?
- Там стоял танковый корпус три дивизии, воинские части артиллерийские, связи, две авиадивизии авиационная и техническая. Всё на одном острове. Там же и райцентр был.
 - И всё ушло под воду?
- Всё, что было выше 12 метров, осталось. Нас на Итурупе сразу перевели на сопки. У нас вода поднялась на пирсе. Это далеко было. Парамушир от Итурупа шесть часов плыть на пароходе. А потом остров на место стал. Поднялся опять. Туда надо было много людей переводить. Начали нас шевелить. У меня было двое детей, и я отказался ехать туда. Тогда решили меня демобилизовать.

Хотелось вернуться в родной Киев. Там жили родственники. Но в большом городе были проблемы с жильём. А Исаак Эммануилович научился воевать, честно служить, а вот как решать жизненные проблемы опыта не было. Исаак Эммануилович рассказывает о послевоенных годах.

- Собрался и приехал к жене. Сразу в Чашникский райком партии меня взяли, инструктором. Пробыл я года два на этой должности. А тут 30 тысяч коммунистов отправили председателями колхозов. Кого меня, я ж молодой был тогда.
 - В каком колхозе были?
- Колхоз «Заря». Деревни Паулье, Двор, Иконки, Бузово, Васьковщина.
 - Сколько проработали председателем колхоза?
- Немного (улыбается). Двадцать лет. Потом меня назначили государственным инспектором по Чашникскому району по закупкам и качеству сельхозпродукции.

Исааку Эммануиловичу 96 лет. Он ещё достаточно крепкий человек, с прекрасной памятью, с ним приятно разговаривать. Но какие-то итоги уже подводить можно.

Более 65 лет прожил с женой Валентиной Ефимовной. Она умерла восемь лет назад. Вырастили троих сыновей, у него пять внуков и десять правнуков.

Двое сыновей живут рядом в Лепеле, один — в Полоцке.

Исаак Эммануилович заслужил почёт и уважение. А когда надевает военный китель, говорит: «Тяжёлый стал». Это от наград: орденов, медалей, почётных знаков.

- Чем занимаетесь сейчас? спрашиваю у Исаака Эммануиловича.
- Когда здоровей был, огородом занимался. Теперь книги, шахматы. Сын приезжает ко мне. Он был чемпионом Лепеля. А я до войны имел 1-ю категорию по шахматам. Играем.

С Исааком Прицкером беседовал Аркадий ШУЛЬМАН.

Историческая справка

В 1939 году в Киеве проживало около 175 тысяч евреев (20% от общего количества населения). 21 сентября 1941 года город был захвачен немецко-фашистскими войсками, и именно здесь была осуществлена первая на территории СССР массовая акция уничтожения евреев нацистами. Казни производились в овраге на окраине города, который именовался Бабьим Яром.

26 сентября в скором времени после захвата Киева оккупационные власти собрали совещание, на котором обсуждался вопрос уничтожения еврейского населения. Именно тогда было определено место для расстрелов Бабий Яр, территория которого могла вместить десятки тысяч трупов (овраг имел длину свыше 2,5 км и глубину около 50 м). Было учтено и наличие железнодорожной станции Киев — Лукьяновка вблизи от него, которая могла бы использоваться для перевозки евреев.

По всему городу было расклеено более 2 тысяч объявлений и листовок, в которых евреям предписывалось собраться утром 29 сентября на пересечении улиц Мельника и Доктеривской. Одновременно был распущен слух, будто евреи будут эвакуированы, вероятно, в Палестину. В итоге в указанный день десятки тысяч людей начали собираться возле назначенного места.

В результате первый массовый расстрел произошёл 29—30 сентября 1941 года. 29 сентября нацисты расстреляли около 22 тысяч евреев, а тех, кого не успели уничтожить, затолкали на ночь в гаражи танкоремонтного завода на улице Лагерной (их убили в Бабьем Яру на следующий день). Всего, согласно рапорту командования специального подразделения СС, участвовавшего в казни, за 2 дня был убит 33 771 еврей.

Многие евреи не пошли в Бабий Яр, скрывались у знакомых, поэтому в начале октября 1941 года оккупанты организовали массовый обход квартир. Найденных евреев свозили в те же гаражи, потом на грузовиках отправляли в Бабий Яр и убивали.

По состоянию на 12 октября, по подсчётам нацистов, число жертв превысило 51 тысячу человек. 14 октября в Бабьем Яру расстреляли 308 евреев из числа пациентов психоневрологической больницы имени Павлова. Первая волна расстрелов, начатая 29 сентября, длилась непрерывно полтора месяца до середины ноября 1941 года.

Уничтожение евреев стало началом других массовых убийств. После этого в Бабьем Яру в течение двух лет были уничтожены люди разного этнического происхождения и возраста. В общей сложности здесь было уничтожено более 100 тысяч человек.

В августе 1943 года — перед освобождением Киева советскими войсками, нацисты попытались скрыть следы преступлений и сжечь останки убитых мирных жителей.

Историческую справку подготовил Константин КАРПЕКИН.

Хранитель памяти, или Уникальный человек из Красной Слободы

В череде поездок по большим и маленьким городам Беларуси есть встречи, которые надолго остаются в памяти. Конечно, важно, что тебе рассказали, что нового ты узнал, но всё же на первый план выходит чувство, что ты побывал в доме, который наполнен добротой. И уходишь с хорошим настроением, нет усталости даже после продолжительного разговора, и хочешь ещё раз вернуться в этом дом, встретиться с его хозяином.

Наверное, такие чувства были у меня, когда я прощался с Абрамом Ильичом Фарфелем. Он живёт в посёлке Красная Слобода Солигорского района Минской области. Ему 95 лет. Но когда беседуешь с ним, не только не замечаешь его возраста, а наоборот, удивляешься прекрасной памяти — фамилии, имена, названия городов, деревень, улиц (!) он произносит, ни секунды не задумываясь, как будто ежедневно приходится об этом рассказывать.

Может быть, и рассказывал бы, да некому. После смерти жены

живёт один. Навещает его социальный работник, приезжает на велосипеде. Раз в неделю или чуть реже навещает дочь, которая живёт в Слуцке. Созванивается, а иногда бывает председатель Солигорской еврейской общины Евгения Васильевна Ефимова. Благодаря ей я познакомился с Абрамом Ильичом.

В декабрьский день нас приехало в Красную Слободу пять человек. Директор музея, краевед, педагог, журналист — давно в этом доме не было так многолюдно. Мы задавали вопросы, интересовало многое: про посёлок, про школу, в которой Абрам Ильич много лет директорствовал и преподавал географию, про войну, с которой после тяжёлого ранения вернулся инвалидом, про Холокост в родном местечке и про семью...

Я несколько раз спрашивал Абрама Ильича: «Может, устали, сделаем перерыв?» — а он пожимал плечами, мол, продолжайте задавать вопросы.

- С какого Вы года?
- C 1925.
- Где родились?
- В Красной Слободе. Только не в этой хате, а около моста. Наша хата стояла у самой реки. И там я жил до самой войны, до 16 лет.
 - Расскажите про своих родителей.
- Великие труженики. Отец отличный портной, заказов много было. В отличие от своих братьев, а они все были хорошие портные, он шил быстро. Здесь, на месте этого дома, жил его старший брат. Он тоже отлично шил, но медленно. И заказов у него было поменьше.
 - Как звали маму?
- Маму звали Дина. Она из семьи Островских. У неё было три сестры и четыре брата. Семья столяров. Все братья столяры: окна делали, двери. Их всех расстреляли немцы.
 - Сколько Вас было в семье?
- В нашей семье было пятеро детей. Самая старшая сестра Хая умерла ещё до войны. Ей было пять лет. Может быть, даже и повезло ей. Не видела всех ужасов. Остальные были замучены, погибли в годы войны.

Сестру старше меня звали Хана, брата — Борис, девочку — Слава. Я был средний. Мама — домашняя хозяйка, она помогала отцу шить. Он утром вставал очень рано, в шесть, а то и в пять утра, и ложился в 12 ночи — очень много работал. Семья большая, но мы жили, как мне кажется, в достатке.

Конечно, сегодня Красная Слобода совсем другой населённый пункт, чем был в предвоенные годы. Другие дома, другие жители. О довоенной жизни знают считанные единицы, и почти все они до войны

были маленькими детьми, и их воспоминания — это чаще всего рассказы, услышанные от родителей. Поэтому для тех, кто пишет местную историю, так важно каждое слово в воспоминаниях Абрама Ильича. В тот же день мы побывали и в местной школе. Прекрасное здание, хороший музей, заботятся о памятниках, установленных на братских могилах (по-моему, кроме школы некому об этом заботиться в посёлке). Вот только хотелось бы, чтобы к таким хранителям памяти, как Абрам Фарфель чаще наведывались школьники: слушали, записывали, заодно и табличку на фасаде дома, что здесь живёт ветеран войны, покрасили бы. Надеюсь, это учтут.

Мы продолжаем беседу с Абрамом Ильичом Фарфелем.

- Довоенную Красную Слободу помните?
- Ещё как помню.
- Когда появилось название Красная Слобода?
- В 1925 году или около того. До этого местечко называлось Визно, или по-белорусски Вызна.
 - Какой была Красная Слобода?
- Протекала река Визнянка. Реку осушили, потому что осушили реку Морочь, в которую она впадает, а Морочь впадает в Случь, Случь в Припять, Припять в Днепр. Мы относимся к Черноморскому бассейну. (Заговорил в Абраме Ильиче учитель географии. А.Ш.) Красная Слобода мне очень нравилась. Дружно жили: и белорусы, и евреи. Была полная гармония. Церковь была, и напротив синагога.
 - В каком месте синагога стояла?
- Где церковь новая. Там и старая церковь стояла. А напротив синагога. Двухэтажная, деревянная.
 - Раввин был?
- И раввин был, и резник. Носили к нему курицу зарезать, чтобы кашерная была. Я, помню, тоже носил. Резнику за это давали 15 копеек или 20. Мама у меня очень строго соблюдала все еврейские законы.
 - Была в Красной Слободе рыночная площадь?
 - Базар был. Между синагогой и церковью.
 - Дома говорили на идиш?
 - Папа с мамой только на идиш. И мы все дома говорили на идиш.
 - В какой школе Вы учились?
- Сначала в еврейской. Она была там, где сейчас построили трехэтажный многоквартирный дом. Здание школы сохранилось после войны. Фундамент был каменный, крепкий. Правда, школа была небольшая. Учились в две смены. Я там шесть классов окончил. Детей сто, наверное, училось в школе.
 - Учителей помните?
 - Рубинштейн Циля Ильинична была директором школы

и географию преподавала. Хинич Лёва преподавал ботанику. Рубинш — математику. Рубинш и Хинич — из Старобина, их сюда прислали. Другие учителя были...

- Когда закрыли еврейскую школу?
- Это было в 1938 году. Я перешёл в седьмой класс, пошёл в белорусскую школу. Потом был восьмой класс, девятый... Три года я учился в белорусской школе...
 - А как Вам объясняли, почему закрывают школу?
- Нам ничего не объясняли. С еврейской школой были проблемы. Закончишь её, если поступаешь в техникум или институт, нужны знания в языке. И физику, и всё остальное надо было сдавать по-русски или по-белоруски. А тут мы спотыкались.
 - Здесь недалеко до сентября 1939 года была польская граница.
- Семь километров отсюда... Между Малым Розаном и Большим, там речка Марочь, и там погранзастава.
 - Пограничники здесь часто бывали?
- Были погранкомендатура в Красной Слободе и погранотряд в Тимковичах. И тут они устраивали соревнования, скачки на лошадях, всякие фокусы показывали пограничники, танцы были. Девчата наши ходили на эти танцы.
 - Было много свадеб?
 - Конечно, были.
 - Были смешанные браки?
- Очень мало. В нашей родне одна была смешанная семья. Он, Цвирко Михаил белорус, она Белла. Они до войны поженились. Он в редакции работал.

Война разделила жизнь людей на две части. Когда Абрам Ильич рассказывал, он постоянно повторял «до войны» и «после войны». К сожалению, не сохранилось даже фотографий довоенной семьи Фарфелей. Да и как они могли сохраниться? Имущество, что получше, одежду, что поновей, домашнюю живность, после того как евреев заставили перейти в гетто, прихватили расторопные соседи, которые по-хозяйски считали: зачем добру пропадать? А на «мелочь» вроде фотографий, висящих на стене, кто обращал внимание? Наоборот, избавлялись от них, чтобы не мозолили глаза.

- Как Вы узнали о начале войны?
- Я узнал по радио. В хате чёрная тарелка висела. Выступал в 12 часов Молотов, объявил о войне. Потом над хатой летали самолёты, я думал вначале, что летят вороны. А это немецкие самолёты. Уже 22 июня после обеда летали. Смотрю, на них кресты.
 - Что говорили дома, в местечке?
 - Я сам чувствовал, что война приближается... Учился в 9 классе,

любил радио слушать. И беженцы, которые пришли сюда в 1939 году из Польши... Они и про Гитлера рассказывали, и про его зверства. Беженцев было человек двести пятьдесят.

- Люди собирались эвакуироваться на восток?
- Беда в том, что здесь нет железной дороги. Красную Слободу немцы не бомбили, не было особой тревоги, паники. Но уже на третий день войны было видно, что наши войска отступают. Пошли через местечко бойцы и раненых везли.

А куда пойдёшь с семьями, тем более, что семьи до войны были не маленькие? Молодёжь группами уходила на восток, в сторону Бобруйска, на Погост, на Любань. Случилось так, что ночью с 25 на 26 июня я не спал, мама тоже не спала, остальные сёстры и братья отдыхали. Подошли ко мне два хлопца: мой двоюродный брат, тёзка мой, у нас же дед был один, в честь него и назвали нас, и лучший друг мой Гдаля — светлая голова был, мы вместе учились, художник прирождённый. Жил очень бедно. Отец оставил их, мама была больная. Для него лучшая еда была — кусок хлеба и сверху сахар-песок с водой. Мы решили: давайте уйдём, наша армия самая сильная, скоро отгонит немцев. И мама моя тут же стояла, она сказала: «Хорошо, идите». Отец не знал. Он где-то хозяйством занимался, не смотря на ночь. У нас корова была.

Мы ушли, дошли до Погоста. У моего двоюродного брата там жили родственники по материнской линии. Он сказал, что дальше не пойдёт, и Гдаля тоже с ним остался. Я пошёл один дальше на восток. Встречал некоторых со Слободы. Видел друга Афроима. Говорил ему: «Пошли дальше». Он: «Не могу, там отец остался». Видел дядю. «Пошли». «Не могу семью оставить».

Я шёл по дороге до Любани один. Дошёл. Что дальше делать? Под вечер вижу, отец идёт, держится за чью-то повозку. Увидел меня. «Возвращайся домой». Он пошёл, чтобы меня вернуть. Я сказал: «Нет».

Немцы уже наступали на пятки. Обратно идти было некуда, и отец пошёл со мной на Паричи, Шатилки, Глуск. Там уже была разведка немцев. Оттуда пошли на Речицу. Там я и остановился.

- А где отец?
- В Речице произошёл конфуз. Площадь, забор, ворота... Народ собрался, шла мобилизация. У меня документов никаких. Подходят двое: «Ваши документы». Арестовали меня. Привели в милицию. И тут бежит отец. У него в паспорте я был записан. И тут же мне выдали документ, что я такой-то и такой-то и отпустили. Отца мобилизовали в трудовую армию. У него уже возраст был солидный, и он сердечник. Я остался один. Случайно встретил дядю, самого младшего брата отца. С ним мы дальше странствовали. Пошли на Гомель.

...Мы с дядей доехали до Киева. Потом пароходом вернулись в Мозырь. Пошли в Каменку — это еврейская деревня. Восемь хат, только одна белорусская. Что меня удивило. Кругом война, а там коммуна. На столе вареная картошка, сметана, творог. Все женщины в поле — уборочная была. Скот уже угоняли на восток. Побыли мы там два дня. Дядя сшил какой-то девушке костюм. Был тоже хороший мастер.

Что дальше делать? Может, обратно идти, в Красную Слободу? Вышли рано утром, стоит у дома старик-еврей и говорит: «Пойдёте обратно, вас убьют или немцы, или найдутся свои». Дал нам несколько рублей и посоветовал: «Пробирайтесь на восток».

Это сегодня, спустя почти восемь десятилетий, Абрам Ильич старается говорить спокойно о страшных днях 41–42-го годов, когда погибли почти все его родственники, почти все его земляки. Много раз он вспоминал об этих событиях, чаще всего для самого себя. Потому что от этой памяти никуда не уйдёшь. Но всё равно во время рассказа пальцы пожилого человека судорожно сжимали ручку кресла.

— Немцы пришли в Красную Слободу 26 июня, некоторые говорят, что 27 июня. Без боя пришли. Были тут и предатели. Одного из них я встретил в 1964 году в Старобине на суде. Это был бывший милиционер. Страшный человек. Когда его вели, он был одет в пальто моего отца. У отца была поддёвка, морозы были очень сильные в 1939 – 1940 годах. До 35 градусов мороза доходило. Отец взял и пришил под пальто поддёвку, чтобы теплее было. Когда этого предателя вели в зал суда, я сразу узнал пальто и сказал: «Сволочь». Он на меня повернул свои глаза и кольнул ими. Сейчас эти глаза вижу.

З августа 1941 года собрали немцы 72 еврейских мужчин, будто бы на работу вести. Их привели на школьный двор. Поставили к стенке. Молодых, здоровых, крепких, хозяев. И никуда не денешься, никуда не убежишь. Если бы они понимали, куда их ведут... Всех расстреляли. Мобилизацию в Красной Слободе провести не успели. Так бы забрали в армию, воевали бы, может, остались бы живы...

Мне рассказывал сосед-белорус. Он знал еврейский язык, был учеником у сапожника-еврея. Во время расстрела один еврей остался живой, ранили его только, так он сам сказал: «Я ещё живой, стреляйте в меня». Его звали Яков Случак.

- Что стало с еврейскими семьями?
- Немцы гетто организовали. Моя довоенная хата была уже на территории гетто, и вся сторона улицы к реке была в гетто. Оно не было огорожено. Но куда деваться, куда бежать? Такие морозы, и никто тебя не ждёт. А ты не один, с тобой семья, дети. Не бросишь их... Гетто охраняла полиция местная, со Слободы. Людей гоняли на работы: дрова пилили, снег убирали, дороги чистили.

В одной хате, недалеко от нас, жила местная немка Юзя. Может, она хотела что-то хорошее сделать. Артель организовала, чтобы для немцев рукавицы шить. Там давали за работу по 250 граммов хлеба в день. С гетто евреи работали. Сестра туда ходила. Гетто просуществовало до 22 апреля 1942 года. Десять месяцев. Из гетто удалось уйти шести человекам. Убежали два брата Завины — Володя и Исаак. Женщина, фамилия её Штольцман, из Польши беженка, со своей трёхлетней дочкой. Ушёл Рейнгольд, местный житель. И один мальчик 12 лет. Жил он, где электростанция. Ушёл в сторону Тимковичей. Попал в партизаны. После войны приезжал в Красную Слободу. Был у меня с двумя детьми — дочкой и сыном. Я с ним ездил в Тимковичи.

Два брата Завины ушли в партизанский отряд, а Штольцман оставила ребёнка у Праведника, а сама тоже ушла в партизаны и вышла замуж за командира отряда. Была очень красивая женщина. Говорят, во время гетто ездил к ней сюда один немец. Оставался у неё. Он и подсказал ей, что будет расстрел. А когда братья Завины увидели, что на её дверях висит замок, они поняли — надо срочно уходить. Это был как сигнал для них. Ушли в лес. Их спасла Надя Ярошеня. Завиных не хотели принимать в партизанский отряд Коржа. Мол, нет у вас оружия, а без оружия не возьмём. А откуда у них могло быть оружие? Надя была женой Ярошени. Он с Коржом вместе в Испании в 1936 году воевал. Ярошеня погиб, и Корж взял Надю к себе. Она сказала Коржу, что надо братьев принять в отряд, не надо их гнать. И их приняли.

Остальные узники погибли 22 апреля. Расстреляли. Это был первый день еврейской Пасхи. Пешком гнали ко рвам и на машинах везли тех, кто не мог идти. Расстрел проводили и немцы, и полицаи. Прибыла зондеркоманда. Та же, что расстреливала рядом, в Погосте.

Расстрела ждали каждый день, и в этом был настоящий ужас. Во время расстрела Гольдберг Афроим, которого я встретил по дороге и который не пошёл со мной на восток, потому что отца не с кем было оставить, выскочил из траншеи и пытался бежать, но его догнали в лесу и расстреляли.

В тот день часть красивых молодых девушек из гетто не расстреляли. Немцы устроили для своих солдат публичный дом. И держали его до лета. Мне рассказывала учительница, мимо их дома летом везли этих несчастных на машине на расстрел. Кузов брезентом был накрыт... Я старался не все рассказы слушать, потому что даже самый маленький рассказ оставался у меня в голове на всю жизнь...

Когда этих несчастных везли, щелка была между брезентом... Кто из них выкрикнул: «Вспоминайте нас...» Их было около 20 человек... Моя сестра тоже была в их числе... Очень красивая... Хана... Мовшович Тамара, Мовшович Бася, другие...

Моя тётя была замужем за братом Завиных. Володя Завин, это из тех, кто сбежал из гетто, до войны работал в школе в Погосте учителем истории. Отчаянный, смелый был партизан. Его орденом наградили. В 1944 году, когда освободили, взяли в действующую армию. Он там подвиг совершил. Был опорный пункт немцев в Польше или уже в Германии. Огонь из него вели. Нельзя было продвинуться вперёд. Володя подполз к дому, где засели немцы, и создал там панику. Кричал: «Иванов, занять позицию! Петров, занять позицию!..» Как будто их много там было. Потом дал очередь в окно из автомата и приказ всем немцам выходить и сложить оружие. Один взял в плен 22 немца. Он был контужен, его поместили в госпиталь в палату Героев Советского Союза. Выпустили листовку: «Берите пример с Героя Завина». Представили к Герою, но наградили орденом Красного Знамени. Правда, вручал орден сам Жуков.

С высоты прожитых лет о своей жизни Абрам Ильич рассказывает, как будто читает рассказ, написанный обстоятельно, со всеми подробностями. Наверное, сказывается большой педагогический стаж, профессиональное умение общаться с людьми.

Думаю, для телевизионщиков была бы большая находка, сними они фильм о Фарфеле. Он давно не разговаривал на идиш, но язык детства прекрасно сохранился в памяти. Абрам Ильич легко перешёл на него, в чём я лично сумел убедиться.

— Я в 1941 году добрался сначала до Курской области, работал в колхозе на уборке. Потом отправился дальше, до Узбекистана. Работал в колхозе имени Ворошилова Наманганской области. В армию взяли в январе 1943 года, мне было 17 лет. Отправили учиться в школу младших командиров, а потом — сержантом-миномётчиком на Волховский фронт в Новгородскую Краснознамённую дивизию.

Война — это тяжёлая работа. Я миномётчик. Ношу ствол, считайте 20 килограммов. Однажды надо было перейти ручей по бревну. Оно обледенело. Я поскользнулся и в воду. Плавать умел отлично. Вырос на берегу реки. Выбрался на берег. Отжал портянки, переобулся и вперёд...

С миномётом мне вскоре пришлось расстаться. Весь расчёт погиб. А потом и мины не всегда взрывались. Выдали мне винтовку.

...Орден Красной Звезды получил за то, что четыре раза ходил в разведку. Построили нас, и, наверное, я чем-то понравился командиру. Отобрали семь человек, в том числе и меня, и в разведку. Старший лейтенант, старшина и пять сержантов. Надо было узнать, что делают немцы на железной дороге в направлении Пскова. Там наш бронепоезд должен был идти. Он сильно беспокоил немцев. Подобрались мы к дороге, смотрим, немцы разбирают пути, чтобы бронепоезд

не прошёл. Доложили обо всём. Командование приняло меры. Мы успешно выполнили задание.

Не доходя до Пскова 5 февраля 1944 года, получил два осколочных ранения в голень и в спину. Но это лёгкие ранения. Остался в строю. А потом через день — тяжёлое ранение в ноги. Меня в госпиталь. Операция. Хирург был из Минска, доктор Хехт. Оттуда меня в госпиталь на станцию Хвойники, а потом в Казань, в эвакогоспиталь. Пробыл там до 31 мая 1944 года. Дали заключение: годен к нестроевой. Отправили служить на военный завод в охрану. Пошёл на комиссию. Раны открылись. Полковник посмотрел и говорит: «Дайте ему группу. Пусть едет куда хочет». Так для меня закончилась война.

Отца в Тюменскую область отправили на лесоразработки. Поехал к нему. Специальности у меня нет. Но всё же 9 классов закончил. До войны это коё-что значило...

С педагогикой связана вся жизнь Абрама Ильича и его семьи. Он и жену свою встретил в школе. Романтическая история. Она была ещё ученицей старших классов. А здесь такой видный мужчина, герой войны... Рады были все: и жених, и невеста, и особенно её родители... Потом жена Абрама Ильича тоже работала в школе вместе с мужем, вела немецкий язык. Вдвоём они ходили на работу пешком. Шесть километров туда и столько же обратно. Вот уж хватило времени наговориться. Это продолжалось довольно долго, пока Фарфели наконец-то не купили машину. Да и сын Михаил поддержал семейную профессию.

В гостях у Абрама Фарфеля гости из Солигорска

После окончания Белорусского государственного университета, вначале, не совсем по своему желанию — больше негде было устроиться, стал работать учителем вечерней школы.

Абрам Ильич Фарфель продолжает рассказ.

— В Тюмени работал учительский двухгодичный институт и педагогический. К директору иду. Он говорит: «Хорошо. Возьмём на подготовительные курсы. Год проучишься и к нам в институт». Не собрали они курсы, и мне разрешили сдавать экзамены в учительский институт. Поступил я, и в 1946 году окончил институт.

Послевоенная Белоруссия разрушена. Только стала налаживаться мирная жизнь. Требовались учителя. Через министерство меня вызвали сюда. Направили директором школы в Живоглодовичи, это 6 километров отсюда. Официально я там отработал директором 33 года и ещё 2 года неофициально. И преподавал географию. Дочь Неля живёт в Слуцке, приезжает ко мне, навещает раз в неделю или раз в две недели. Сын Миша, поработав в вечерних школах Минской области, был назначен директором школы здесь, в Красной Слободе. Отсюда был избран депутатом Верховного Совета Беларуси, потом назначен первым послом Беларуси в Израиле, открывал посольство в Тель-Авиве. Девять лет уже не был у меня после того, как перенёс инфаркт. Жду его. Сын Володя тоже живёт в Израиле. Строитель. Бывает у меня каждый год.

Мы договорились, что после интервью я сфотографирую Абрама Ильича. Евгения Васильевна Ефимова достала из шкафа его пиджак с боевыми наградами. Понимаю, что совсем не часто, особенно в последние годы, приходится его надевать. Боевые награды удивительно к лицу ветерану. Да и сам он как-то сразу стал выглядеть моложе.

У Абрама Ильича хорошее чувство юмора. Посмотрев на меня, он спросил:

— Будете фотографировать меня, как музейный экспонат? Так я ещё кое-что понимаю.

Дорогой Абрам Ильич, дай бог (верите в него или нет) Вам здоровья и оптимизма до 120!

С Абрамом Фарфелем беседовал Аркадий ШУЛЬМАН.

Содержание

Предисловие	
Живут во мне воспоминания	.5
Моё военное детство	
Где родился, там и пригодился	. 19
Детство, которое невозможно забыть	. 24
Я видела Ад	. 31
Читать и писать я научилась в концлагере	.38
Нас спасала вся деревня	. 45
Не по своей воле в Германии	.50
Умирать буду, будет в глазах стоять	. 56
Меня хотели украсть чужие люди	. 63
Семейная история Евгении Циндель	. 67
Корочки хлеба я ела, как конфеты	. 71
Маленькие дети на большой войне	. 77
Наш гость Ада Райчонок	. 91
Война, изменившая судъбу	. 101
Пока живу — надеюсь	. 107
Память должна сохраниться	. 111
Один шанс из тысячи	. 122
Страшное детство в неволе	. 131
Три страшных года оккупации	. 136
Три фамилии и два имени одного человека	. 142
Детство, исковерканное войной	. 150
Знать и помнить	. 157
Не верится, что это было со мной	. 163
Породнённые войной	. 172
Моё блокадное детство	. 179
В осаждённом Ленинграде	. 184
Век Фриды Моисеевны Идельчик	
От Эльбы до Курил — тысячи километров жизненного пути	. 197
Хранитель памяти, или Уникальный человек из Красной Слободы	.20

Составитель и редактор Аркадий Шульман Компьютерная вёрстка Сергей Никоноров Корректоры: Зоя Цыганкова, Ирина Марченко Дизайн обложки Наталья Тараскина Фото: Аркадий Шульман, Андрей Луговер

Выходные данные.